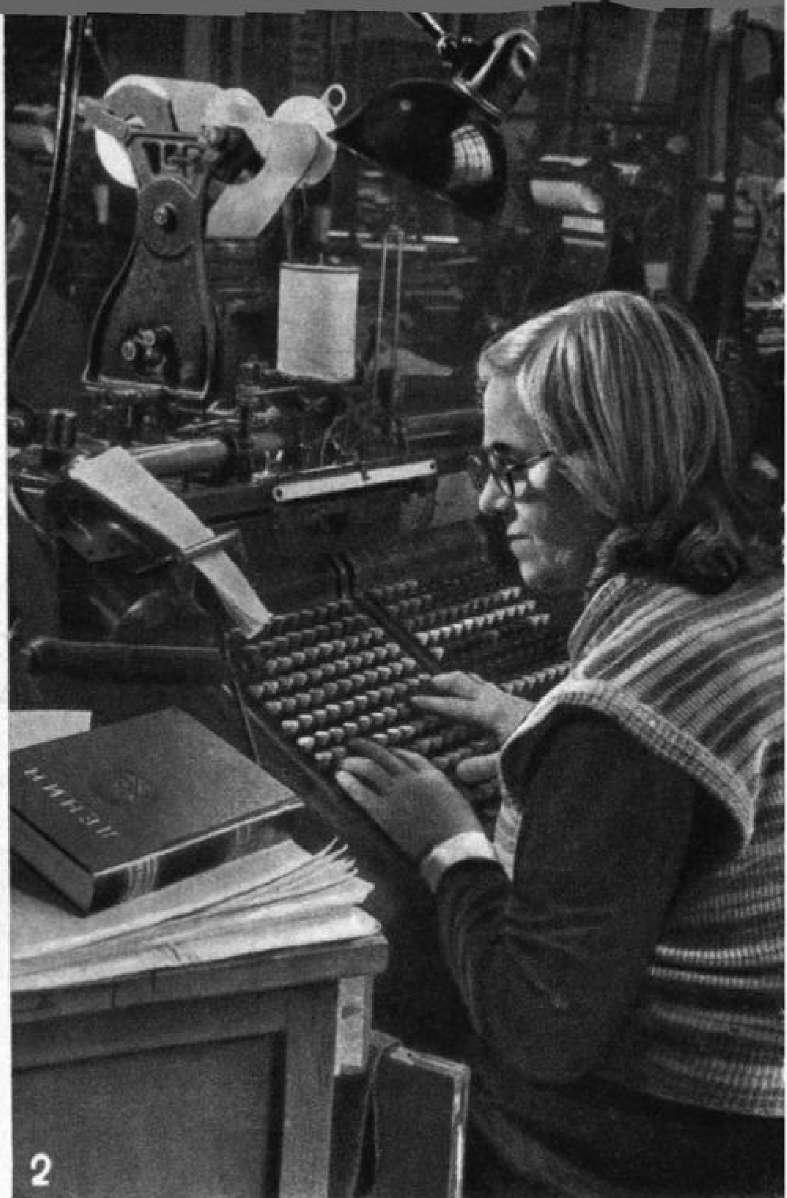

ОГОНЁК
№ 19 МАЙ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На переомайской демонстрации в Москве. Пионеры приветствуют товарища И. В. Сталина.
Фото М. Савина

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

Ленинское слово... Мудрое слово гениального создателя большевистской партии, организатора советского государства учит нас жить, работать, освещает путь к коммунизму. Миллионы людей за рубежами нашей страны находят в ленинском слове неисчерпаемый источник новых сил для борьбы за свое освобождение.

Сочинения В. И. Ленина мы видим повсюду: на письменном столе рабочего и ученого, в личной библиотеке колхозника, в полевой сумке офицера, в каюте моряка.

Четвертый раз выходят из печати Сочинения Владимира Ильича Ленина. Сотни тысяч советских людей — подписчики этого издания, предпринятого по решению ЦК ВКП(б).

Четвертое издание Сочинений В. И. Ленина является наиболее полным изданием литературного наследства Владимира Ильича. В 1941 году вышел из печати первый том Сочинений на русском языке. С тех пор увидели свет еще 26 томов. Общий тираж всех вышедших томов четвертого издания Сочинений В. И. Ленина на языках народов СССР превысил 16,2 миллиона экземпляров.

Велика честь набирать и печатать книги, по которым миллионы людей учатся строить новую жизнь. Эта честь выпала на долю коллектива одной из старейших и крупнейших в нашей стране — ленинградской типографии «Печатный двор».

НА СНИМКАХ:

1. Ленинградская типография «Печатный двор». По конвейеру поступают книги, они тщательно проверяются и здесь, в экспедиции типографии, укладываются в футляры.

2. В наборе и печатании Сочинений В. И. Ленина участвуют старейшие рабочие «Печатного двора». На снимке: наборщица-монотипистка А. И. Егорова, работающая в типографии 38 лет.

Фото Д. Трахтенберга

3. Московские подписчики на Сочинения В. И. Ленина в магазине подписных изданий Москниготорга.

Фото С. Фридлянда

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 19 (1196) 7 МАЯ 1950

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На Красной площади перед началом первомайского парада. У знамени Краснознаменной Военно-воздушной академии (слева направо): дважды Герои Советского Союза подполковник Г. А. Речкалов, майор В. И. Попков и майор А. Н. Ефимов.

Фото А. Гостева

На трибуне мавзолея 1 Мая 1950 года. Слева направо: товарищи **П. Ф. Жигарев, А. В. Хрулев, И. С. Юмашев, Л. А. Говоров, С. М. Буденный, В. Д. Соколовский, А. М. Василевский, К. Е. Ворошилов, С. М. Штеменко, Н. А. Булганин, И. В. Сталин, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, А. И. Микоян, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, А. А. Андреев, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, М. Ф. Шкирятов, И. Ф. Тевосян, А. И. Ефремов, М. Г. Первухин, В. А. Малышев.**

Фото Ф. Кислова

Колонны демонстрантов на Красной площади.

За мир! За коммунизм!

Всенародная подготовка к празднованию 1 Мая — дня солидарности трудящихся всего мира, дня братства рабочих всех стран — началась в нашей стране задолго до самого праздника. Еще лежал на полях снег и реки сковывал лед, а в городах и селах, на заводах, в шахтах, колхозах и МТС вспыхнуло предмайское социалистическое соревнование. Оно принесло нашей Родине новые победы, одержанные в свободном и радостном труде.

И вот затихли станки фабрик и заводов, опустели аудитории университетов, затрепетали на тракторах, бороздящих необъятные нивы страны, алые флажки. Советский народ, гордый достигнутым, уверенный в своем будущем, вступил в славный первомайский праздник.

В эти дни сама природа, казалось, заключила с нами прочный союз. Нежной зеленью покрылись русские красавицы-березки, тополя и клены, потоки солнечных лучей хлынули на землю, обновленную и украшенную советским народом — народом-трудолюбцем.

Столица великой нашей Отчизны Москва — светоч и надежда всего трудового человечества — оделась в яркий праздничный наряд. В ночь на Первое мая на ее улицах, площадях неумолчно звенели песни молодежи, песни о любви к Родине и мудрому отцу народов товарищу Сталину, песни о дружбе и братстве, мужестве и верности.

С первыми лучами первомайского солнца эти песни зазвучали с новой силой. Сотни тысяч москвичей — людей, неустанных и в труде и в веселье, — заполнили просторы магистралей, чтобы пройти в торжественном строю через Красную площадь и продемонстрировать свою безграничную преданность советской Родине, великой и славной большевистской партии, вождю, учителю и другу всего прогрессивного человечества товарищу Сталину.

Строго и величественно убранство Красной площади. На ее трибунах — тысячи славных сынов и дочерей советского народа — депутатов Верховных Советов СССР и союзных республик, Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, лауреатов Сталинской премии, знаменитых стахановцев, виднейших ученых, писателей, художников, артистов, генералов и адмиралов. Здесь же — многочисленные гости из

зарубежных стран. Они прибыли на великий праздник в Москву с наказами своих товарищей — тружеников Китая, Польши, Болгарии, Чехословакии, Германии, Австрии, Франции, Италии, Англии, Дании, Бельгии — заверить советский народ, что в его неустанной борьбе за мир во всем мире он имеет сотни миллионов друзей и единомышленников во всех странах земного шара.

Громом аплодисментов встретили присутствующие появление на трибуне Ленинского мавзолея Иосифа Виссарионовича Сталина. Долго не умолкала овация в честь великого вождя, в честь человека, чей гений и революционная энергия вели нашу Родину сквозь грозы войн, ведут через годы мирного созидательного труда к вершинам коммунизма. Это была подлинно волнующая встреча народа со своим безгранично любимым отцом и учителем.

Вместе с товарищем Сталиным на трибуне мавзолея его ближайшие соратники: товарищи В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, Н. А. Булганин, А. А. Андреев, Н. С. Хрущев, А. Н. Косыгин, Н. М. Шверник, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, М. Ф. Шкирятов.

Ровно в десять часов начинается парад войск. Его принимает начальник Генерального штаба Советской Армии генерал армии С. М. Штеменко. Прозвучал рапорт командующего парадом генерал-полковника П. А. Артемьева. Тов. Штеменко объезжает войска и поздравляет их с праздником. Затем тов. Штеменко поднимается на трибуну мавзолея и обращается с речью к воинам Вооруженных Сил, к советскому народу, к прибывшим на праздник зарубежным гостям.

Окончилась речь тов. Штеменко, прогремел артиллерийский салют, мощно прозвучал Гимн Советского Союза — и началось торжественное прохождение войск.

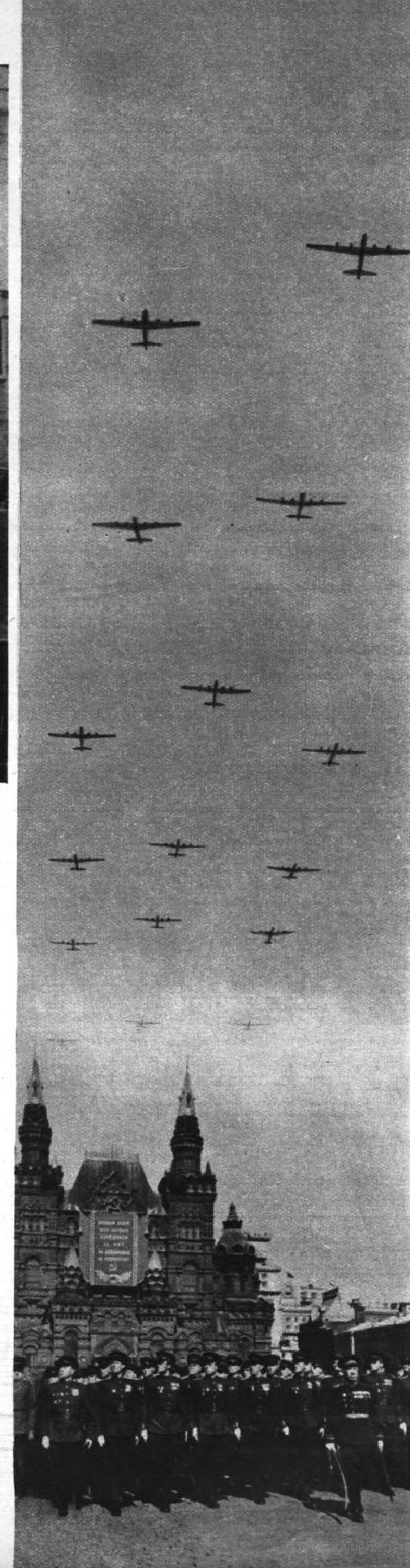
Наш народ горячо любит свою доблестную Армию. Он знает, что Советская Армия, Авиация и Военно-Морской Флот всегда с неизменной решимостью защитят нашу прекрасную Родину от посягательств любого агрессора, с честью выполнят свой священный долг перед Отчизной — первым в мире социалистическим государством.

Эта любовь народа к его Вооруженным Силам нашла разнообразные проявления и во время парада войск. Присутствовавшие аплодировали отлично маршировавшим питомцам военных академий, обогащающим после Великой Отечественной войны свой боевой опыт сталинской военной наукой.

С восторгом наблюдали москвичи за воздушным парадом. Купаясь в солнечной синеве неба, промчался в сопровождении четырех реактивных истребителей четырехмоторный флагманский самолет. Его вел командующий воздушным парадом гвардии генерал-лейтенант авиации В. И. Сталин.

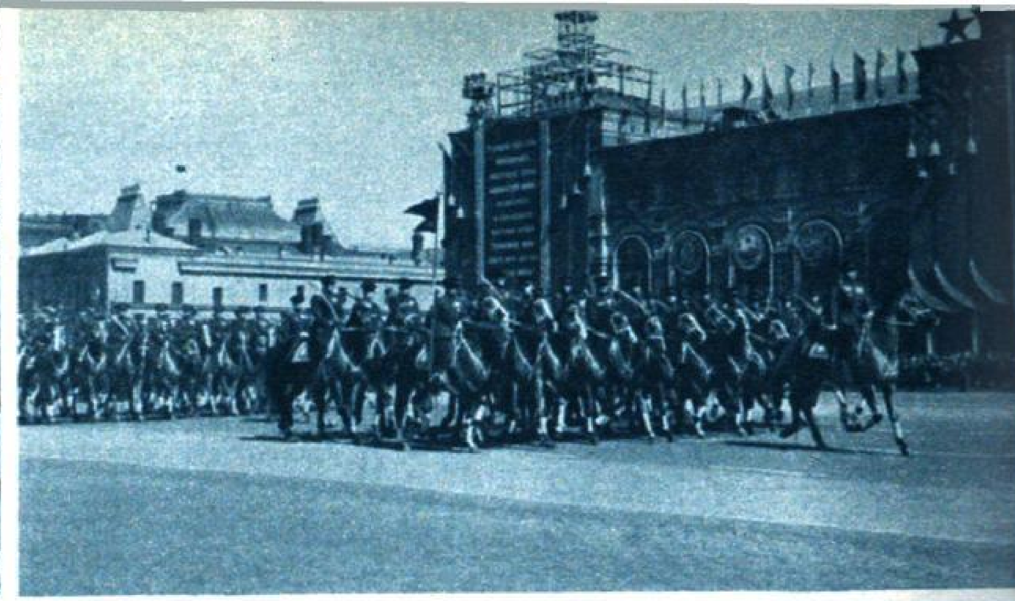
И вот плывут могучие четырехмоторные корабли, мгновенным росчерком сверкают эскадрильи самолетов реактивной авиации, и, как дань восхищения, кружатся в сотрясаемом гулом воздухе красные шары, пущенные детьми навстречу славным сталинским соколам.

А по Красной площади уже маршируют другие любимые сыны народа — матросы-гвардейцы и курсанты военно-морских училищ. И им — представителям орлиного племени — щедро рукоплещут москвичи и зарубежные гости.

Церемониальным маршем проходят военные академии.

На снимках: вверху — парад на Красной площади; внизу слева — мотоциклисты-автоматчики перед парадом; справа — колонна московских пионеров проходит по Красной площади.

Фото А. Гостева и М. Савина

Четким шагом, ровняясь на трибуну мавзолея, проходит прославленная в веках советская пехота. Всеобщее восхищение вызывают суворовцы и нахимовцы — будущие наши офицеры. Отличную подготовку показали кавалеристы, чья слава зародилась в грозные годы гражданской войны.

Через площадь нескончаемым потоком движутся орудия, зенитные установки, знаменитые «катюши» — гвардейские минометы,— противотанковые пушки и, наконец, танки, танки, танки...

Могучая, несокрушимая военная техника находится в надежных и умелых руках — такое впечатление произвел великолепный первомайский парад. Еще и еще раз он показал, что славная Советская Армия зорко оберегает мир и безопасность нашей великой Родины, неустанно совершенствует свою боевую и политическую подготовку.

* * *

Небывалой по своей грандиозности была первомайская демонстрация трудящихся Москвы. В ней приняло участие свыше миллиона человек. И каждый из них нес в своем сердце чувство, общее для всех советских людей, — чувство великой любви к Родине, к Сталину, чувство несокрушимого морально-политического единства, неизменную готовность под знаменем Ленина, под водительством Сталина идти вперед — к коммунизму.

Знатные люди Москвы торжественно пронесли знамя Московского Совета, увенчанное орденом Ленина. И тотчас над площадью поплыли звуки фанфар, рассыпалась дробь барабанов. Идут пионеры — нарядные, оживленные ряды девочек и мальчиков, с таким нетерпением ожидавших этой радостной минуты. Их лица преисполнены счастья: на трибуне стоит и как бы обнимает ребят своим ласковым взором дорогой Иосиф Виссарионович.

Двое пионеров — мальчик и девочка — проворно взбегают по ступенькам трибуны мавзолея и преподносят букеты цветов Иосифу Виссарионовичу Сталину и Вячеславу Михайловичу Молотову.

Взоры всех присутствующих обращены на эту группу, такую волнующую в своем символическом значении: Сталин и дети, Сталин и наше будущее, наши светлые надежды, Сталин и грядущее поколение — советское молодое племя, которому суждено осуществить самые дерзновенные мечты человечества — завершение строительства коммунистического общества. И оттого две крошечные фигурки делегатов советской детворы были так естественны на трибуне мавзолея среди руководителей партии и правительства.

Море красных знамен переливается из края в край площади. Идут знаменосцы районных колонн, и на этом алом фоне еще рельефнее выделяется огромный портрет товарища Сталина, украшенный весенними цветами.

Всеми оттенками радуги переливаются вымпелы спортивных обществ. Идут сильные и ловкие советские физкультурники. Одетые в красочные костюмы, они превращают площадь в чудесный цветник. Спортсмены долго и дружно аплодируют родному Сталину, и он приветствует их взмахом руки.

И вот колонна за колонной, соперничая в разнообразии и яркости оформления, проходят через Красную площадь нескончаемым потоком коллективы московских заводов, фабрик, вузов, институтов, театров.

Тысячи, десятки тысяч транспарантов со словами сердечнейших приветов и пожеланий родному Сталину, мудрой большевистской партии, труженикам стран народной демократии, великому китайскому народу и трудящимся Германской демократической республики!

Высоко над головами, как боевые знамена, плывут сотни портретов В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Демонстранты несут портреты президента Польской республики

В колонне демонстрантов. Москва.

Фото Г. Санько

Болеслава Берута и председателя Совета министров Юзефа Циранкевича, президента Чехословацкой республики Клемента Готвальда и премьер-министра Антонина Запотоцкого, председателя Совета министров Болгарской республики и секретаря ЦК Болгарской коммунистической партии Вылко Червенкова, генерального секретаря ЦК Венгерской партии трудящихся Матиаса Ракоши и премьер-министра Иштвана Доби, генерального секретаря ЦК Румынской рабочей партии Георгиу-Деж и премьер-министра Румынской народной республики Петру Гроза, премьер-министра Албанской народной республики и генерального секретаря ЦК Албанской трудовой партии Энвера Ходжа и председателя президиума Народного собрания Албании Омера Нишани.

Над головами манифестантов — портреты вождя китайского народа, председателя Центрального правительства Китайской народной республики Мао Цзе-дуна, премьера государственного административного совета и министра иностранных дел Китайской народной республики Чжоу Энь-лая и секретаря ЦК Коммунистической партии Китая Лю Шао-ци.

Москвичи несут портреты президента Германской демократической республики Вильгельма Пика и премьер-министра Отто Гротеволя, а также портреты председателя кабинета министров Корейской народно-демократической республики Ким Ир Сена и председателя президиума Верховного народного собрания Ким Ду Бона, премьер-министра Монгольской народной республики маршала Чойбалсана.

Демонстранты проносят портреты вождя французских рабочих и трудовых крестьян Мориса Тореза, вождя итальянского народа Пальмиро Тольятти, вождя американского революционного рабочего класса Уильяма Фостера, генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури, генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Англии Гарри Поллита, президента демократической республики Вьетнам Хо Ши Мина.

Верные ленинско-сталинской дружбе народов, принципам пролетарского интернационализма, советские люди славят и приветствуют всех тружеников, борцов за мир во всем мире.

Неумолчно гремят над Красной площадью от души идущие приветственные возгласы:

— Великому Сталину — слава!
— Дорогому товарищу Сталину — ура!
— Да здравствует могучий Советский Союз!

Надписи на кумачевых полотнищах красноречиво свидетельствуют о неуклонном и быстром росте могущества нашей Родины. Много тысяч производственных подарков преподнесли трудящиеся своей любимой Отчизне к светлому первомайскому празднику. Новые машины и станки, новые миллиарды рублей сэкономленных средств, досрочное выполнение производственных планов, новые успехи в борьбе за первоклассное качество продукции — всего достигает, во всем преуспевает свободный и счастливый советский человек.

Вся страна торжественно и радостно отпраздновала 1 Мая. Парады войск и многолюдные демонстрации состоялись в Ленинграде, Киеве, Минске, Баку и в столицах других союзных республик.

На снимках вверху: слева — Ленинград. Первомайская демонстрация на Дворцовой площади; справа — Киев. Колонны демонстрантов проходят по Крещатику. На снимках внизу: слева — Вильнюс. Демонстранты на Советской площади. Справа — праздничный салют в Москве.

Фото Л. Морозова и М. Неменмана (ТАСС), М. Савина и Д. Трахтенберга

Грандиозные первомайские демонстрации состоялись в странах народной демократии. Впервые свободно отпраздновал 1 Мая великий китайский народ. И повсюду, где люди труда вышли на улицы и площади, чтобы отметить праздник международной солидарности трудящихся, гремела слава великого Советского Союза, возглавляющего необозримый лагерь мира, слава авангарда человечества — коммунистов, слава великого кормчего коммунизма — товарища Сталина.

Первого мая на улицах Москвы.

Фото М. Савина

Наш день

И. РЯБОВ

В селах и городах Советского Союза, на колхозных полях, в цехах заводов, в шахтах встречались, разговаривали с руководящими работниками и с рядовыми тружениками делегаты трудового народа — чешские и польские крестьяне, венгерские и болгарские земледельцы, гости из нового Китая, шотландские горняки,— они были везде, где хотели быть, никакого «железного занавеса» не было перед ними, никто не занимался «идеологической обработкой» гостей. Факты, только факты!

За советский образ жизни, за социализм убедительнее слов говорят факты, и зарубежные гости, знакомясь с советскими городами и селами, имели полную возможность убедиться в великом преимуществе нашего общественного строя перед капитализмом. Их отзывы о виденном в нашей стране выражают чувство восторга победами и успехами советских людей во всех областях материальной и духовной жизни, благородством и красотой новых отношений, утвердившихся между людьми, расцветом социалистической культуры, ростом человеческой личности. Исполнились вещие слова Гоголя о Европе, идущей к нам «за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках»! К нам приезжают гости из дальних стран учиться строительству нового мира, мудрость нашего народа подкупает этих гостей, гений его вызывает их восхищение.

Теперь уже всякий, кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, отдает себе отчет в том, что Советский Союз стал великим оплотом мира и прогресса, что советский народ является авангардом человеческой цивилизации. Естественно, что в День Победы, который празднуют все простые люди земного шара, раздаются в честь нашего народа пламенные заздравные слова на всех языках. Ведь наш народ возглавил борьбу человечества с фашизмом и он же решил исход этой борьбы. Наш народ возглавляет сейчас мировое движение против поджигателей новой войны, и если кучка безумцев раздует ее пожар, то можно ли сомневаться в том, что «гром великий грянет над сворой псов и палачей»!

Пять лет прошло с того дня, когда был возвещен победный конец войны с разбойничьим германским империализмом, когда наши доблестные воины, проделавшие славный путь от волжских берегов до берегов Эльбы, принудили гитлеровскую Германию к полной и безоговорочной капитуляции.

Эти пять лет были ознаменованы большими историческими событиями и делами. За эти годы произошло много перемен в мире. Сегодня стало явным то, что было тайным, обнажились многие скрытые пружины дипломатии, вчерашние союзники обернулись врагами, те, кто раньше лицемерно восхищался подвигом защитников Сталинграда, сегодня с зубовным скрежетом говорит о Советской Армии.

Империалисты есть империалисты — американские и британские империалисты одной звериной породы с прусской военщиной; одной и той же гнусной идейкой о «мировом господстве» руководствуются они в своей политике. Теперь уже стало совершенно очевидно, теперь это уже доказано документами, что в Америке и в Англии были в военное время люди, страстно желавшие падения Сталинграда и мечтавшие о военном и политическом разгроме Советского Союза. Они хотели одинаково обескровить и русский народ и народ немецкий для того, чтобы сделать их своими данниками, бросить их связанными по рукам и ногам под колеса дьявольской машины империализма. Их подлая ставка была бита: Советский Союз вышел из навязанной ему войны еще более сильным и могучим, советский народ с честью выдержал все испытания, выпавшие на его долю, и стал более монолитным и закаленным.

«...Дело прочно, когда под ним струится кровь»,— сказано русским поэтом-патриотом Некрасовым. Мы стали глубже любить землю Родины, окропленную кровью лучших ее сынов, стали больше ценить все, что завоевано в славную и трудную эпоху войн и революций, все, что было создано нашими руками. В День Победы мы обозреваем путь, пройденный нами, и нас восхищает гений вождя, провидевшего уже давно и давно предсказавшего этот день.

Вот мы перечитываем речь товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года. Тогда товарищ Сталин говорил:

«Вы знаете, что мы получили в наследство от старого времени отсталую технически и полунищую, разоренную страну. Разоренная четырьмя годами империалистической войны, повторно разоренная тремя годами гражданской войны, страна с полуграмотным населением, с низкой техникой, с отдельными оазисами промышленности, тонувшими среди моря мельчайших крестьянских хозяйств, — вот какую страну получили мы в наследство от прошлого. Задача состояла в том, чтобы эту страну перевести с рельс средневековья и темноты на рельсы современной индустрии и машинизированного сельского хозяйства. Задача, как видите, серьезная и трудная. Вопрос стоял так: **либо** мы эту задачу разрешим в кратчайший срок и укрепим в нашей стране социализм, **либо** мы ее не разрешим и тогда наша страна — слабая технически и темная в культурном отношении — растеряет свою независимость и превратится в объект игры империалистических держав».

Наш народ пошел за товарищем Сталиным, принял его генеральный план индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, генеральный план борьбы за превращение нашей страны из отсталой и полунищей в страну передовую и мощную, в могучую социалистическую державу, в крепость нового мира.

Весь ход истории подтвердил гениальность сталинского предвидения. Блоку империалистов не удалось победить нашу страну и наш народ в войне, масштабы которой были грандиозны и последствия которой могли бы роковым образом сказаться на наших судьбах, если бы наша страна не пошла за своим великим преобразователем, если бы она была зависима в технико-экономическом отношении от капиталистических держав. Да, мы оказались бы безоружными перед внешними врагами...

День Победы — день торжества сталинского предвидения и сталинского руководства.

«В годы Отечественной войны советский народ еще глубже оценил величие своего вождя, учителя, полководца, друга — Иосифа Виссарионовича Сталина, его беззаветное служение Советской Родине, его неустанную заботу о росте и процветании социалистической державы.

Сталин вдохновил советский народ на отпор врагу, Сталин привел советский народ к победе» («Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография»).

У нашего народа большая и славная история. В летописи его бытия есть много страниц, повествующих о геройстве и доблести, о чести и славе. В войнах, которые вел наш народ, проявлялась его верность родной земле, глубокое сознание своего национального достоинства. У нас были герои Бородина, Севастополя, Порт-Артура. У нас были Суворов и Кутузов. Но слава прошлого России во много крат приумножена славой Союза свободных республик, в гербе которого изображены серп и молот — символ освобожденного труда.

Героизм стал массовым явлением в социалистической стране. По праву советский народ называется народом героев. Ничто не может сравниться с мужеством, которое проявили в бою люди, дравшиеся с врагом под стенами Москвы, Ленинграда, Одессы, Севастополя, в стенах Сталинграда, на берегах Днепра, в водах родных нам морей. Всепобеждающая сила любви к советской Отчизне, сила советского патриотизма сказалась в полной мере и в ратных подвигах советских воинов и в самоотверженном труде людей, стоявших в военные годы за станками на заводах и за плугом на колхозных полях. В военной буре закалилась и окрепла дружба народов нашей страны — один из источников нашей победы в Отечественной войне. Родина-мать одинаково дорога всем — и сыну великой Руси, и украинцу, и белоруссу, и сынам Кавказа, и людям, населяющим необъятные территории среднеазиатских республик, и уроженцам Прибалтики. Великие и благородные идеи нового, коммунистического века сплачивают народы Советского Союза. Эти идеи овладевают сознанием миллионов людей за его рубежами.

День Победы — наш день!

Но не звоном оружия и не призывами к военным походам будет ознаменован этот праздник в воинских частях, во всех советских городах и селах.

Мы сильны и могучи, но в День Победы никто у нас не помышляет о завоеваниях чужих земель и о покорении других народов.

В День Победы наш народ снова выступает как глашатай борьбы за мир во всем мире. Он делом доказывает свое искреннее стремление к этому миру.

Люди, помышляющие о войне, не закладывают новые сады и рощи и не орошают пустыни. Люди, помышляющие о войне, не строят дворцы культуры. Они не славят жизнь. Эти люди славят разрушение и смерть, их философы и поэты кричат о закате Европы, о конце планеты, о гибели вселенной. Они не строят и не могут строить. Они тяготеют к сумраку, к тьме, к ночи. Они боятся света, солнца, боятся дня.

Советский народ выступает на исторической арене, как великий Работник, как Творец, как Созидатель. Он полон энергии, силы, радости. У него ясная цель, четко осознанная перспектива, уверенность в своем будущем. Великие дела уже свершены им, великие дела предстоит ему свершить. Его ведет вперед героическая партия большевиков. Его ведет вперед великий Сталин.

Трудящиеся Румынии с огромным воодушевлением подписываются под воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о безусловном запрещении атомного оружия. На снимке: рабочие Бухарестского паровозо-вагоностроительного завода имени 23 августа подписываются под воззванием.

Фото В. СОБОЛЕВА (ТАСС)

ЧУВСТВО семьи единой

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Фото А. Гостева

Гвардейцы-артиллеристы Василий Сладков, Анатолий Есаков, Андрей Маркин, Юрий Троицкий и Севастьян Фролов пишут коллективное письмо девушкам колхоза «Коммунар».

«Здравствуйте, дорогие воины Юрий Троицкий, Георгий Трущенко, Виктор Гуляев и все остальные товарищи гвардейцы!

Сегодня мы выехали в поле и, когда я получила ваше письмо, дорогие товарищи, я его взяла на работу и прочитала своим девушкам. На это письмо девушки дружно отвечают, что мы в 1950 году еще лучше будем трудиться, чем в 1949, и с честью выполним свое слово, которое дали нашему великому Сталину, — иначе никак быть не может.

У нас нынешней весной хорошая озимь; мы своей бригадой провели снегозадержание, уже полностью подкормили посевы и заборонованы, так что мы надеемся, что свое слово сдержим.

Товарищи гвардейцы, желаем вам успеха в службе и чтобы вы с честью выполняли все задания командования.

Привет гвардейцам от всего нашего колхоза «Коммунар».

Герой Социалистического Труда
Надежда БОНДАРЕНКО».

Коротенькое, простое это письмецо, присланное из Веселиновского района, Николаевской области, как бы принесло в воинскую часть дуновение теплого весеннего ветра, летящего над пашнями. Гвардейцы поместили весточку из колхоза в стенной газете своего подразделения и рядом с текстом наклеили фотографию Надежды Бондаренко — снимок они вырезали из «Комсомольской правды».

Артиллерист Юрий Троицкий сегодня на полигоне «отрабатывал глазомер»; связист Георгий Трущенко налаживал полевую рацию; пехотинец Виктор Гуляев вместе с другими овладевал приемами штыкового боя и работал на спортивных снарядах. День был полон напряженного воинского труда, учебы. И все же, несмотря на усталость, Троицкий, Трущенко, Гуляев и их товарищи долго беседовали вечером о весеннем севе, о своих колхозах, о матерях, сестрах, которые тоже, как Надя Бондаренко, проводят эти весенние дни в поле. И снова возвращались к ее письму:

— Озимь, пишет, хороша. Значит, основа есть!..

— Главное дело — снег задержали. И с подкормкой, видишь, успели. Как наука требует...

Наши воины — родные братья землепашцев и сталеваров, доярок и шахтеров. Нет в мире другой армии, солдатам которой были бы так близки и понятны интересы тружеников, которых так волновал бы каждый новый успех на фронте мирного труда.

Когда на Урале комсомолец Георгий Фукалов установил мировой рекорд использования полезного объема доменной печи, воины-уральцы той же части В. Стажилов и А. Новиков поспешили послать знатному земляку свое поздравление. Через несколько дней из города Серова пришло ответное письмо:

«Дорогие товарищи Стажилов и Новиков!

От души рад, что вы не забыли своих друзей — уральских металлургов, — написали мне письмо...

Современная техника идет все вперед и вперед, и для того, чтобы шагать с ней в ногу, нужно много учиться. В 1946 году я окончил стахановскую школу, в 1947 году — спецкурсы, в 1948 году начал учиться на курсах мастеров социалистического труда, которые окончу в нынешнем, 1950 году.

Но на этом нельзя останавливаться. Я мечтаю после этого закончить техникум. Мои товарищи — горновой Петр Лопатин, газовщик Геннадий Антонов и другие — также настойчиво повышают свои знания, овладевают техникой. Как бы ни были высоки наши показатели, мы не задерживаемся на достигнутом».

Наш народ в годы войны не щадил себя, чтобы обеспечить свою армию всем необходимым. Солдаты знают это. Они знают и о шерстяных рукавицах, которые вязали для них тысячи матерей в военные зимы, о посылочках с кисетами и табаком, о приездах на фронт делегаций рабочих, колхозников, артистов... А разве сотрутся из памяти народной простые слова: «С фронтовым приветом», — стоявшие на тысячах писем, приходивших из окопов, на тысячах лаконичных и мужественных солдатских посланий, вселявших в сердца горячую уверенность в победе?! Великая дружба армии и народа за послевоенные годы стала еще крепче, еще глубже.

В ту часть, куда написали о своих трудовых достижениях колхозница Бондаренко и рабочий Фукалов, прислал письмо из Ленинграда и киноартист П. Кадочников:

«Дорогие товарищи гвардейцы! Нет большего счастья для советского артиста, чем создавать образы наших замечательных воинов.

Чтобы лучше понять и правдиво передать черты своих героев, я часто бываю в воинских частях, встречаюсь с солдатами и офицерами, многие из которых стали моими друзьями.

Хочется побывать и у вас...»

Как глубоко понимает наш народ значение армии, ее высоких боевых традиций, как требовательно относится он к своим сынам, одетым в почетную воинскую форму, видно из писем солдатских отцов и матерей.

Рабочий из Саранска Иван Павлович Коровин и его жена Евдокия Матвеевна благодарят командира за то, что он написал им об успехах их сына, рядового Петра Коровина:

«Нашего Петю мы воспитывали в духе честности, дисциплинированности, аккуратности, беззаветной любви к советскому правительству, к партии Ленина — Сталина, к товарищу Сталину. И мы сейчас требуем от нашего сына, чтобы он не жалел своих сил на военную и политическую учебу, был готов выполнить любое задание, если этого потребует Родина...»

«Я сам служил в рядах Советской Армии восемнадцать лет, — рассказывает в письме отец другого воина, товарища Сабирова. — Сейчас работаю механиком в МТС, живу с достатком. Нам, людям Советской страны, особенно дорог мир. Но вы скажите моему сыну, чтобы он хорошенько изучал военное дело. Если господа черчилли полезут с войной, — их надо уничтожить раз и навсегда. Уверен, что мой сын не подведет меня и вас...»

Пусть призадумаются господа заокеанские атомщики над отцовскими наказами, что дают в своих письмах сынам-воинам советские рабочие и крестьяне. И пусть помнят поджигатели новой войны, что мысли и чувства советских людей разделяют миллионы и миллионы сторонников мира во всем мире.

* * *

«Дорогие бойцы!

Пишут вам ребята из детского сада № 9. Старшая группа.

Мы очень хотим скорее вырасти и стать такими же сильными и умелыми, как вы.

Живем мы в детском саду весело и дружно. Учим стихи, песни, занимаемся физкультурой: прыгаем, бегаем, метаем в цель, чтобы быть смелыми и ловкими, как вы. Умеем считать до 30 и решать задачи.

Писать мы еще не умеем. За нас пишет наша воспитательница Таисия Ивановна. Но осенью все пойдем в первый класс и будем учиться хорошо. Будем сами писать вам.

Ждем от вас ответа.

Ребята старшей группы:

четыре Вовы; пять Александров; три Гали; четыре Светланы; четыре Тани; два Валерика; Лена, Гера, Алеша, Сережа, Толя, Юрик.

Всего 28 человек (считали сами)».

Я видел, как переходило из рук в руки воинов ребячье послание, как добрая улыбка трогала солдатские лица. И можно было понять, как ответят солдаты детям:

«Дорогие, родные ребята! Мы позаботимся, чтобы вы спокойно ходили в школу, чтобы выросли сильными, культурными, образованными гражданами нашей страны. Мы никому не позволим нарушить ваше счастье. И как же не отдавать нам все силы воинской службе, если вашему будущему грозят заокеанские палачи? И если вы, ребята, можете сегодня учить стихи и прыгать через веревочку, петь песни и гулять по улицам, то только потому, что мы, солдаты, твердо стоим на своем посту и держим порох сухим. И мы будем еще упорнее в своем воинском труде, еще бдительнее к проискам врагов, — мы, солдаты великой Советской Армии...»

Почта пришла! И сразу в ленинской комнате полка становится весело, оживленно. Почтальона Шамиля Даянова тесным кольцом окружили гвардейцы. Сегодня, как и вчера, почта принесла не только весточки от родных и близких, но и сердечные, горячие письма от новаторов производства, героев колхозных полей, писателей, художников, композиторов, школьников.

Я. МИЛЕЦКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Девушка в темносиней милицейской шинели с орудовским значком на рукаве, Катя Петроченкова, вышла на середину шоссе. В руках у нее два флажка — красный и желтый. Она энергично взмахивает ими, семафоря проезжающей автомашине.

Мы остановились на перекрестке двух дорог. Широкой асфальтовой лентой уходит вдаль автомагистраль Москва — Минск. Прямая, как стрела, она словно врезается у горизонта в ясное, голубое небо. Ее пересекает шоссе.

Смотришь на девушку, регулирующую здесь движение машин, и невольно вспоминаются минувшие годы войны. Может быть, это она, или ее сестра, или ее подруга, вот такая же строгая и вместе с тем приветливая героиня многих солдатских стихов и песен, стояла тут в серой шинели, пропуская на передовую колонны танков, артиллерийских орудий и маршевые роты пехотинцев.

...Этот же перекресток в июньские дни 1944 года. Наши войска, прорвав сильную, глубоко эшелонированную оборону Витебского укрепленного района фашистов, двигались по шоссе, изрытому гусеницами танков, самоходок, тяжелых орудий. Дорожники проложили лежневку из бревен. Она выдерживала лишь одну ночь — на утро ее приходилось восстанавливать. Маршевая рота сибиряков пробиралась обочиной на передовую. Мелькали стрелы-указатели: «хозяйство Макарова», «хозяйство Петрова». В лесу расположился штаб, — туда сворачивали легковые автомобили.

Магистраль соединяла фронт с тылом. Шоссе же проходило вдоль фронта. Круглые сутки кипела жизнь на этом перекрестке.

...Теперь здесь все по-иному. Ребятишки мирно играют возле домов, наслаждаясь теплом весеннего солнца. На полях трудятся колхозники. Плуги, бороны, культиваторы, поблескивая свежей краской, выстроились в ряд на колхозном дворе, видном за вековыми придорожными ивами.

Мир и спокойствие царят в округе, мир, завоеванный нами дорогой ценой...

По магистрали и шоссе проносятся автомашины. Куда мчатся они по этим бывшим фронтовым дорогам? По каким делам торопятся путники?

Регулировщица призывно взмахивает флажками совсем как в военную пору, и пятитонный грузовик с прицепом плавно подруливает к обочине.

— Издалека? — обращаемся мы к шоферу.

Из кузова выходит коренастый мужчина. У него на голове кожаный танкистский шлем. Он приветливо улыбается и отвечает:

— Из Минска еду. Везу сырье для щеточной фабрики.

— Были танкистом? — спрашиваем мы, указывая на его шлем.

— Танкистом! — гордо отвечает он.

Шофер Александр Михайлович Новиков в 1941 году воевал на танке в этих же местах. Близ Ярцева его ранило. Выздоровел. Потом судьба забросила его сюда уже во время наступления наших войск. Он рассказывает, как сражались танкисты, взламывая Витебский укрепленный район, говорит с увлечением, горячо, будто только что вышел из боя.

— Где же закончили войну?

— В Берлине!

Регулировщица вновь взмахнула флажками — еще одна машина остановилась у перекрестка.

В Смоленск едут работники совхоза «Голынки». Знакомимся с директором совхоза Никитой Васильевичем Мамченковым. Он рассказывает о том, что сев проходит успешно, клевер и тимофеевка уже посеяны. В этом году расширена посевная площадь. Животноводческий совхоз сдает молоко в Рудню, на восстановленный завод консервированного молока.

Никита Васильевич тоже воевал в этих местах. Его боевой путь начался от станции Гусино. После освобождения Смоленщины от фашистских оккупантов он принялся восстанавливать родной край.

Катя Петроченкова зовет нас к следующей автомашине.

— Совсем новенькая, — замечает она, — с завода, видать.

Грузовик идет своим ходом из Горького. **На автомагистрали часто встречаются колонны таких машин, перегоняемых в города Белоруссии и Литвы. Вот и сейчас шофер Митрофан Федорович Клименок держит путь в колхоз «Нижний Днепровец», Комаринского района, на Полесье. Колхоз** купил машину за наличные деньги — это первый автомобиль молодой артели.

Клименок рассказывает, как растет и богатеет его колхоз, осваивая новые культуры, расширяя посевные площади.

Водитель машины заботливо осматривает артельную обнову, берет ведро и наливает воду в радиатор.

— В войну не приходилось бывать в этих краях? — спрашиваем его.

— Нет, не приходилось. Я моряк. Войну отслужил старшиной группы мотористов. На Балтике...

Грузовик, оставляя легкое облако пыли, мчится на запад.

Ненадолго на перекрестке наступает затишье. Но вот вдали показалась черная точка, и через несколько минут около нас вновь останавливается машина.

На этот раз судьба свела нас с **директором средней школы Никитой Дмитриевичем Гусевым. Он едет из поселка Гранки в Минск получать мебель и оборудование. Школа у него большая, в ней учатся 670 мальчиков и девочек. Она отстроена заново, как, впрочем, и все школы Руднянского района. Теперь в районе учебных заведений больше, чем было в 1940 году.**

На перекрестке остановилось несколько подвод. На привязи — 12 лошадей. Куда они держат путь? Об этом рассказывает Дмитрий Захарович Ковалев, председатель ревизионной комиссии колхоза «Смычка», Батуринского района, Смоленской области:

— Уже неделю, как в дороге находимся. Со Сморгони едем. Лошадей для колхоза покупали.

Дмитрий Захарович соскакивает на землю, подходит к лошадям, треплет их и еще раз оглядывает хозяйским глазом. Хороши!

— Наш колхоз, — **говорит Ковалев,** — совсем разорен был войной. Одни печные трубы остались. Ни кола, ни двора. **Может, бывали в войну в этих местах? А я воевал** здесь — под **Соловьевой переправой да под Вязьмой. Гитлеровцы все порушили тут. Теперь ни**чего, отстраиваемся.

Колхозник неторопливо **усаживается** на подводу, **закуривает и** кричит:

— Трогай!..

Снова и снова **проносятся по шоссе автомобили. Везут горючее** на стройки, поля; **проходит грузовик МТС с запасными частями для тракторов; на полуторке Гусинского сельпо — промтовары: демисезонные пальто,** шелковые платья, патефоны. **В коляске проезжает зоотехник совхоза «Большевик». Колхозница на двуколке возвращается на ферму, сдав молоко на приемный пункт.** В Смоленск едет **ветеринарный врач Ольга Ивановна Антипина — ей нужно приобрести биопрепараты. По асфальту шагают две девушки и мальчик: пионервожатая Элида Капустина и ее приятельница десятиклассница Галина Гейдена с братишкой направляются в школу на собрание.**

Мы возвращаемся в город. Наш путь лежит мимо возрожденных деревень и колхозных полей, новых заводских корпусов, нарядных поселков, пионерского лагеря. Мы едем затем вдоль железной дороги, откуда доносятся гудки паровозов.

Мирно течет жизнь на бывшей фронтовой дороге. Эту мирную жизнь берегут трудовые люди — бывшие танкисты и пулеметчики, саперы и связисты — все те, кто когда-то по этой же дороге двигался вперед, на Запад, неся народам Европы избавление от фашистского гнета.

Катя Петроченкова, девушка в милицейской шинели, вышла на перекресток дорог.

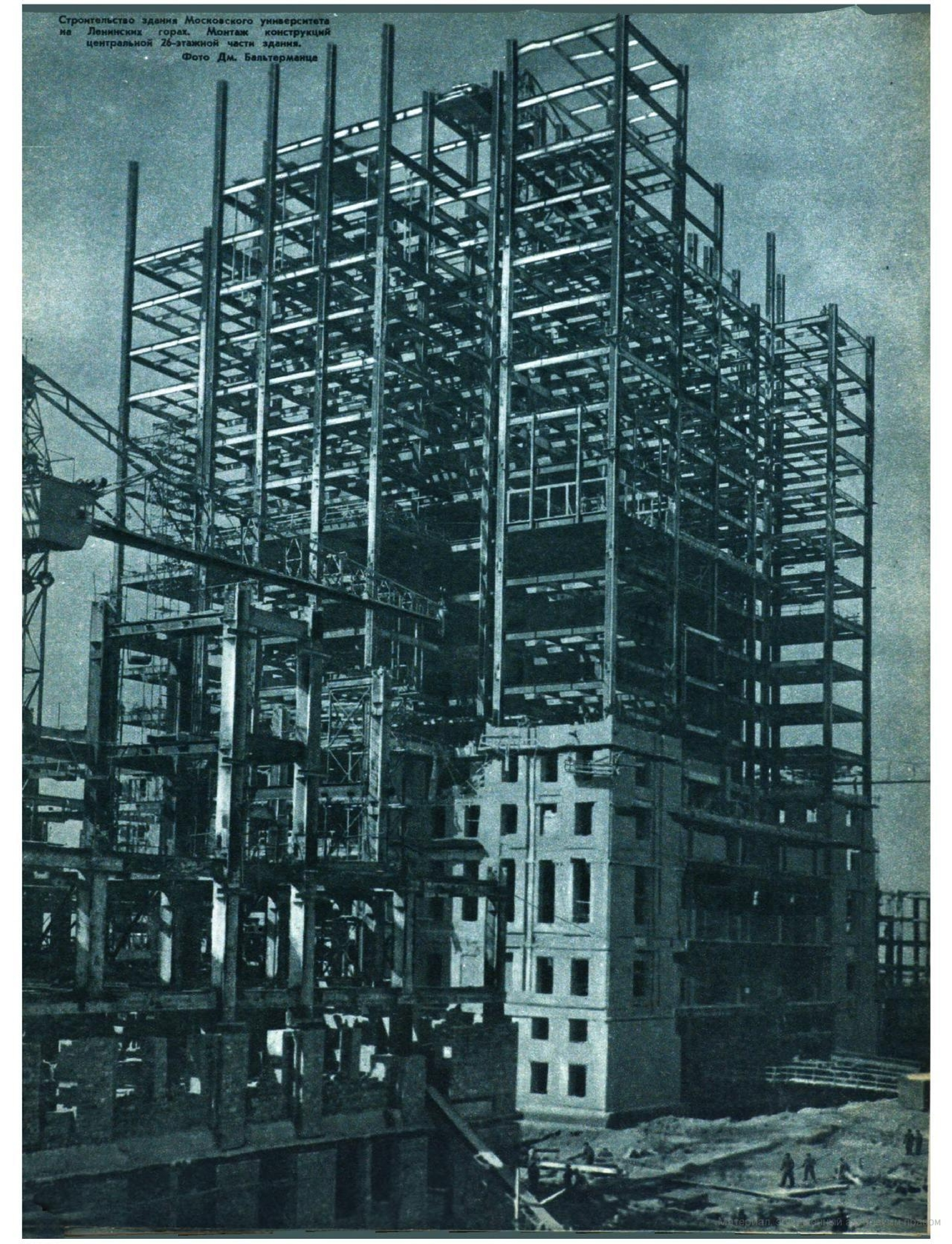
Фото Б. Кузьмина

На втором участке строительства кольцевой линии Московского метрополитена. Монтаж конструкций на станции «Комсомольская».

Фото Дм. Бальтерманца

Строительство здания Московского университета на Ленинских горах. Монтаж конструкций центральной 26-этажной части здания.

Фото Дм. Бальтерманца

ВОИНЫ-ТВОРЦЫ

Где бы ни трудились сейчас бывшие фронтовики — в цехах заводов, на колхозных полях, строительстве новых городов, на трассах лесных полос или в научных лабораториях, в художественных мастерских или на сцене театра — всюду, вместе со всем советским народом, отмечают они успехами в труде пятую годовщину светлого Дня Победы.

Ниже мы рассказываем о послевоенных судьбах нескольких фронтовиков. В судьбе каждого из них видны типические черты, присущие советским людям, строителям, новаторам, творцам, стоящим в едином строю борцов за мир во всем мире.

На снимке слева: С. А. Ковпак — командир партизанского соединения. Зима 1943 года. На снимке справа: С. А. Ковпак — заместитель председателя Президиума Верховного Совета УССР. Весна 1950 года.

В гостях у С. А. Ковпака

Раннее утро столицы Украинской республики — Киева. Идут троллейбусы, автобусы, мчатся автомобили. На грузовиках цемент, тавровые балки, песок. Во всех концах города восстанавливаются старые, воздвигаются новые большие здания. Краны поднимают на растущие стены домов кирпичи. А внизу идет посадка деревьев, кустарников, разбивка газонов.

На высоком холме, у старого парка, стоит величественное здание Верховного Совета Украинской республики. Отсюда открывается чудесный вид на привольно разлившийся Днепр. За широкой лентой реки, насколько хватает глаз, зеленеют луга, поля, лески, окутанные легкой дымкой.

Великолепна ранняя весна в столице Украины!

У подъезда Верховного Совета УССР останавливается машина. Из нее выходит человек с седой бородкой. Прохожие здороваются с ним, называя его по имени и отчеству. Это дважды Герой Советского Союза, заместитель председателя Президиума Верховного Совета УССР, генерал-майор Сидор Артемьевич Ковпак.

Он приехал на работу.

В большом строгом кабинете на рабочем столе лежат письма, которые прислали ему люди со всех уголков Украины. Он прочитывает их, делает карандашом пометки, задумывается, затем снимает телефонную трубку и вызывает город Путивль. С. А. Ковпак просит путивльскую телефонистку соединить его с бывшим начальником своего штаба Григорием Яковлевичем Базимой. Телефонный разговор, видимо, вызван только что полученным письмом Базимы.

С разрешения С. А. Ковпака и Г. Я. Базимы мы приведем это письмо:

«Дорогой Сидор Артемьевич!

Посылаю Вам материал для книжки: «Путеводитель для пионерских экскурсий — по следам большого рейда». Часть материала Вам уже знакома, примерно до Новослободского леса.

Прошу Вас, познакомьтесь с рукописью. Нам нужно спешить с изданием книжки, она должна выйти к тому времени, когда хлынет поток экскурсантов-школьников.

Сокращал, сокращал, а вышло почти сто страниц. Я старался все события изложить очень коротко. Прошу Вас, Сидор Артемьевич, проконсультировать, поправить отдельные упущения.

Ваш Базима».

Сидор Артемьевич улыбается, разговаривая со своим старым соратником и другом.

Ковпак: — Поздравляю вас, Григорий Яковлевич, с наступающим Днем Победы.

Базима: — Спасибо. Я тоже поздравляю вас и передаю привет от наших партизан, которые воевали под вашим командованием.

Ковпак: — Получил вашу рукопись. Но еще не смог с ней ознакомиться. Сегодня начну читать ее. Путеводитель обязательно надо издать. Подрастающее поколение должно знать историю того, как бились их батьки и деды за Родину. Как поживает семья?

Базима: — Спасибо! Все в порядке. Приготовились копать огород, выставил пчел. В этом году у нас будет много клубники, малины, смородины, крыжовника. Приедете в гости в родной городок, будет чем угостить.

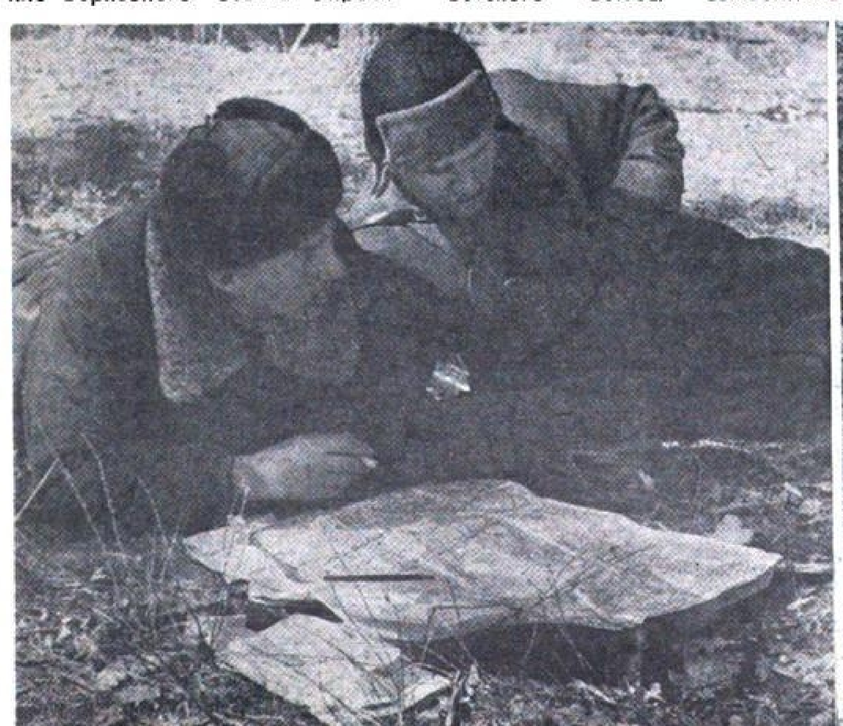
Базима рассказывает Сидору Артемьевичу о своей жизни, о том, чем живет сейчас Путивль и Путивльский район.

Григорий Яковлевич, человек с удивительной памятью, знал в партизанском соединении, которым командовал С. А. Ковпак, каждого бойца по фамилии. Он прошел с боями по временно оккупированной врагом земле тысячи километров. Сквозь немецкое окружение он вынес все документы и карты штаба.

После окончания войны Базима живет в Путивле, где до войны Григорий Яковлевич 45 лет работал учителем и директором средней школы.

Ныне Г. Я. Базима вышел на пенсию.

Воспользовавшись предложением С. А. Ковпака, мы побеседова-

На снимке слева: начальник штаба партизанского соединения Г. Я. Базима (слева) и командир роты Пятышкин в тылу врага. Март 1943 года. На снимке справа: Г. Я. Базима на пасеке в родном Путивле после войны.

ли по телефону с Г. Я. Базимой. Вот наш разговор.

Киев: — Чем вы занимаетесь сейчас, Григорий Яковлевич?

Путивль: — Много читаю. Изучаю литературу о выдающихся русских полководцах, действиях партизан в России в 1812 году.

Киев: — Не скучаете ли без школы?

Путивль: — Я очень люблю детей и помогаю школьникам всем, чем могу. И вообще мы, старички, бывшие партизаны, ныне пенсионеры, не сидим сложа руки. Каждый из нас работает в различных постоянных комиссиях городского Совета. Привели в порядок районный музей, в котором много экспонатов, посвященных участию путивлян в партизанском движении.

Киев: — Кто еще из бывших ковпаковцев живет сейчас в Путивле или в соседних районах?

Путивль: — В нашем городе живет бывший комиссар ковпаковской артиллерии Алексей Ильич Коренев, прозванный партизанами за свою бороду Дедом-морозом. Алексей Ильич — директор промышленного комбината. Бороду он после войны сбрил, и теперь его никто не зовет уже Дедом-морозом. Пятышкин у нас в Путивле учителем был, потом командир роты, сейчас председатель Глуховского райисполкома в Сумской области. Герой Советского Союза Кульбака, бывший командир отряда, батальона, а затем и партизанского полка, руководит в Глухове торговыми организациями. Командир батальона Матющенко — председатель Конотопского райисполкома. Павловский, заместитель Сидора Артемьевича по хозяйственной части в соединении, — ныне директор совхоза на Херсонщине.

...Телефонный разговор окончен, и Сидор Артемьевич начинает свой трудовой день.

Огонь и сталь

Лектор поднялся на кафедру, разложил перед собой таблицы, графики, исписанные листы и окинул спокойным взглядом студенческую аудиторию.

Десятки глаз внимательно рассматривали худощавого человека в черном костюме. Прямо зачесанные, слегка рыжеватые волосы над крутым лбом словно бросали на загорелое лицо лектора отблеск пламени. Тимофей Гаврилович Гребешков держался уверенно, ничем не выдавая своего волнения.

Студенты раскрыли тетради. Лектор заговорил о скоростных плавках. Временами он подходил к доске и набрасывал формулы.

После лекции студенты Станкоинструментального института имени Сталина задавали Тимофею Гавриловичу вопросы. Они интересовались процессом кислородного дутья, автоматизацией мартеновских печей, производственными «секретами» сталевара Гребешкова.

Девушка с длинными косами спросила лектора, как давно он работает в мартеновском цехе.

— Двадцать лет, — ответил Тимофей Гаврилович. Но, сказав, задумался и поправил себя: — Только нужно вычесть годы войны...

Несколько человек спросили Гребешкова, где он воевал и что делал на фронте. Лектор-сталевар улыбнулся:

— В сорок первом пошел добровольцем, был десантником-радистом. Нас высаживали на парашютах в тылу врага. Действовали мы вместе с партизанскими отрядами Федорова, Ковпака и многими другими. Участвовал я в боях за освобождение Праги. Войну закончил в Порт-Артуре. На фронте я хорошо понял, как нужна сталь для обороны; сейчас очень хорошо понимаю, как нужна сталь для мирного строительства, для борьбы за мир во всем мире. Вот почему боремся мы за скоростные плавки.

...Через несколько дней группа студентов приехала в первый мартеновский цех московского завода «Серп и молот». Около второй печи стоял знакомый им лектор в брезентовом костюме, с надвинутыми на глаза синими очками. Гребешков выдавал скоростную плавку и был очень занят. Студенты не мешали сталевару и со стороны наблюдали за его действиями.

Когда разлили сталь, к Гребешкову подошла девушка из конторы и протянула ему письмо.

— Это от Скрыпникова с «Красного Октября», из Сталинграда, — сказал Тимофей Гаврилович студентам. — Соревнуемся с ним. Прекрасный сталевар!

...Кончилась смена. Гребешков вымылся под душем, переоделся. Теперь перед студентами стоял лектор в черном костюме, с пачкой книг и тетрадей в руке.

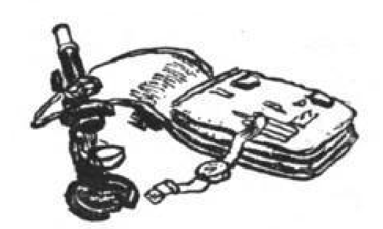
— Сейчас у нас в цехе начнутся занятия, — сказал Тимофей Гаврилович студентам, — инженер Слесарев прочтет лекцию по автоматике. Очень полезная лекция, советую послушать. Когда я вернулся с фронта в цех, не узнал его: везде автоматика. Слесарев помог мне освоить новую технику.

В это время к сталевару подошел инженер, извинился перед студентами и, отозвав в сторону Гребешкова, сказал ему:

— Хочу перед лекцией посоветоваться с тобой, Тимофей Гаврилович, по схеме автоматического регулирования подачи топлива в печь...

Они прошли в красный уголок, заняли стол и склонились над схемой.

Подвиг ученого

Части неприятеля отступили за реку.

Георгий Павлович Барсанов, командир подразделения минеров, сунул за пояс гранаты, пистолет и вышел из землянки. Нужно было проложить через минные поля широкую дорогу для танков и пехоты.

Барсанов посмотрел в холодное небо. Плыли тучи, клубился туман. Погода помогала скрытно проникнуть на заминированный участок.

Люди действовали быстро и точно. На рассвете коридор через минное поле был проложен. Неожиданно раздался оглушительный взрыв. Барсанов лишился сознания. В результате сильной

Т. Г. Гребешков — десантник - радист (1944 год).
Слева: Т. Г. Гребешков у мартеновской печи на заводе «Серп и молот» (1950 год)
Справа: доктор геолого-минералогических наук Г. П. Барсанов в своем кабинете (1950 год).

контузии он на долгое время потерял слух, зрение, речь.

Георгия Павловича эвакуировали на Урал, в Ильменский заповедник, где жили его семья и товарищи по работе в Академии наук СССР.

Год пролежал Барсанов в постели. Вместе с ним боролись за его жизнь близкие, друзья. Они, зная большую любовь Барсанова к минералам, приносили к постели больного образцы богатств Ильменских гор. Георгий Павлович часами рассматривал их, любовался расцветкой, прожилками; в нем пробуждались новые силы. И он начал работать. В его комнату принесли микроскоп, шлифы, бумагу...

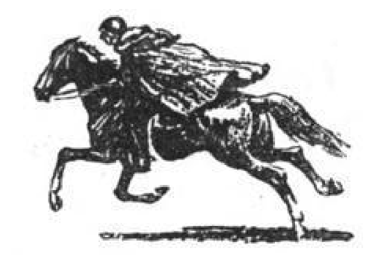
Ильменские горы, превращенные в заповедный край, представляют редчайший на земле минералогический музей. Здесь можно познакомиться почти со всеми химическими элементами периодической системы Менделеева. Этот музей, созданный самой природой, заинтересовал молодого ученого, и он стал внимательно, кропотливо изучать его богатства.

Со временем Барсанов полностью оправился от контузии: он стал слышать. Но еще долго ему приходилось прибегать к объяснениям с помощью записок. С огромной настойчивостью продолжал Барсанов научную работу, исследуя минералы. Он сделал ценные наблюдения, обобщил их. И вот бывший фронтовик написал кандидатскую диссертацию о минералогии Ильменских гор. Он защитил ее в Институте геологических наук Академии наук СССР заочно. Спустя три года Георгий Павлович смог сам поехать в академию и успешно защитить докторскую диссертацию.

Шестьдесят шесть научных работ принадлежат перу Г. П. Барсанова. Сейчас он готовит большое исследование о великом русском ученом, первом отечественном минералоге Василии Михайловиче Севергине.

У Барсанова сохранились полевая сумка и ручные часы, с которыми он ходил когда-то по минным полям. Его сын Алеша, ученик третьего класса, носит в отцовской сумке тетради и учебники.

С Золотой Звездой!

Председатель колхоза и зоотехник стояли за столом и, счастливо улыбаясь, глядели друг на друга. Оба они были в защитных гимнастерках, сохранивших следы от погон, в шапках с темными вмятинами от звезд.

— Поздравляю, товарищ лейтенант! — председатель колхоза Илья Васильевич Словохотнов шагнул к зоотехнику и обнял его: — Теперь ты Герой Социалистического Труда!

— Поздравляю и тебя, товарищ сержант! — зоотехник Дмитрий Иванович Станиславский крепко обнял председателя. — Поздравляю и тебя с Золотой Звездой!

1945 год. Командир взвода конных фельдъегерей лейтенант Д. И. Станиславский.

Вспомнили они день, когда вернулись с фронта в родной колхоз имени Ворошилова, Ухтомского района, Московской области. Односельчане радостно встретили тогда демобилизованных воинов. В них они видели ту новую силу, которая поможет поднять хозяйство, развить животноводство.

И вот теперь в правление пришли колхозники, чтобы поздравить фронтовиков с высокой правительственной наградой. Знатная свинарка Анна Васильевна Забродина, строгая пожилая женщина, расцеловала награжденных.

Вскоре после опубликования Указа в колхоз принесли поздравительные телеграммы от фронтовых друзей. Один из них работает механиком, другой — агрономом, третий — строителем.

Во время войны лейтенант Д. И. Станиславский командовал взводом конных фельдъегерей. За ними охотились вражеские снайперы, путь им преграждали минные поля, на них обрушивали огонь вражеские пулеметчики и пилоты. Самые ответственные приказы командования доставлял лейтенант. Он мчался верхом на коне под пулями, преодолевал водные преграды, скрывался с конем среди руин, когда налетали огненные шквалы, и в назначенный час вручал драгоценные пакеты командирам частей.

За отличное выполнение боевых заданий командования лейтенант Д. И. Станиславский получил 5 благодарностей от Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, был награжден орденом Красной Звезды и медалями.

Война явилась суровым испытанием и для сержанта Ильи Васильевича Словохотнова. Он был среди тех, кто штурмом брал города, вплавь форсировал реки и закончил свой поход в Берлине.

1950 год. Слева направо: Герой Социалистического Труда Д. И. Станиславский, кандидат сельскохозяйственных наук М. М. Казакова и доктор сельскохозяйственных наук Н. П. Герчиков в Ветеринарной академии.

Два бывших фронтовика, два Героя, ведут ныне животноводство на строго научной основе. Московская ветеринарная академия обратила внимание на их опыты и новшества, заинтересовалась колхозом и взяла над ним шефство. Теперь ученые — частые гости сельскохозяйственной артели, а колхозники приезжают в академию слушать лекции.

Дмитрий Иванович Станиславский избран членом Ученого совета академии.

Сила большевистского слова

Ночь скрывала землю и небо. Только столбы багрового света на горизонте порой вырывали из тьмы заснеженные поля, разбитую черную дорогу, расщепленные артиллерией стволы берез и едва приметные изломанные линии окопов. В одном из блиндажей, при свете карманных фонарей, шло партийное собрание. Парторг старший лейтенант Федор Васильевич Барынин направил луч фонаря на заявления, лежавшие перед ним на ящике. Он прочел простые, полные мужества слова: «Прошу принять меня в кандидаты партии Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), хочу идти в смертный бой коммунистом. Клянусь быть честным членом партии и отдать все свои силы и всю свою жизнь делу Ленина — Сталина».

После собрания Барынин пополз от окопа к окопу. Всюду его окружали солдаты. Парторг зажигал фонарик, вглядывался в суровые лица людей. Он говорил с ними о предстоящем бое, о священном долге перед Родиной. И он чувствовал, как жадно воспринимались его слова. Большевистское слово рождало неустрашимость, готовность на подвиг во славу Отчизны, усиливало ненависть к врагу.

Было совсем темно, когда солдаты устремились через засне-

женное поле к реке. Вдруг небо осветили яркие вспышки. Противник открыл ураганный огонь. Снаряды ломали лед. Черные, зловещие полыньи расходились во все стороны. Нужно было смелым броском форсировать реку, пока вся она не превратилась в ледяное месиво.

— Вперед! За Родину! За Сталина! — крикнул Барынин и что было силы побежал к реке.

Огонь противника не мог остановить атакующих. Барынин с разбега прыгнул на льдину, пересек ее, прыгнул на вторую. Она накренилась; в это время совсем рядом поднялся столб взорванного льда, и старший лейтенант, готовившийся к новому прыжку, очутился в холодной воде. Еще мгновение, и над ним сомкнулись бы льдины, но чьи-то сильные руки подхватили парторга и вытащили из воды. Протерев глаза, Барынин разглядел солдата и узнал в нем воина, которого несколько часов назад приняли в партию.

— Вперед! — Барынин собрался с силами и побежал по ледяному полю.

В жестоких боях за этот сильно укрепленный рубеж старшего лейтенанта Барынина тяжело ранило. Его эвакуировали в полевой госпиталь. Через несколько месяцев, почувствовав себя окрепшим, он вернулся в строй.

Майор Барынин с боями дошел до Берлина. И повсюду он, страстный пропагандист и агитатор, нес в массы солдат и офицеров живое, правдивое, воодушевляющее большевистское слово. За ратные подвиги Ф. В. Барынин был награжден тремя орденами, получил пять благодарностей Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

...В 1946 году Ф. В. Барынин стал работать лектором в Центральном музее В. И. Ленина. Федор Васильевич прочитал после войны более двух тысяч лекций в музее, на фабриках и заводах, в школах и учреждениях столицы. Сейчас бывший фронтовик готовится к сдаче кандидатского минимума, собирает материалы для будущей диссертации.

Десятки тысяч людей посещают Музей Ленина. Каждый, кто приходит сюда, старается приобщиться к сокровищнице марксизма-ленинизма, глубоко изучить жизнь и деятельность великих создателей большевистской партии и социалистического государства — Ленина и Сталина и увидеть своими глазами священные документы. Лучшие экскурсоводы сопровождают по светлым, просторным залам рабочих, служащих, колхозников, воинов. Здесь можно видеть и невысокого роста светловолосого человека с серыми глазами. Это Барынин ведет экскурсантов из зала в зал.

Особенно любит Федор Васильевич сопровождать по музею солдат и офицеров. Тогда он вспоминает войну, вспоминает, как полз от окопа к окопу с драгоценной книгой — «Кратким курсом истории ВКП(б)» — в полевой сумке, как жадно слушали солдаты в темном фронтовом лесу, блиндажах и землянках его рассказы о большевистской партии, как с именем Сталина советские воины шли в бой и побеждали.

На снимке слева: майор Ф. В. Барынин. 1944 год. На снимке справа: заведующий лекционно-экскурсионным бюро Центрального музея В. И. Ленина Ф. В. Барынин. 1950 год.

Там, где были полевые аэродромы...

«Только что снова самолеты поднялись в воздух. На аэродроме стало тихо...» — так начиналось одно из писем домой техника-лейтенанта Михаила Ивановича Бальзамова.

Это были дни ожесточенных воздушных боев. М. И. Бальзамов, секретарь партийной организации, выступая перед механиками и оружейниками, ставил в пример героизм летчиков, а летчики, в свою очередь, говорили о тех незаметных тружениках — механиках, техниках, инженерах, — которые днем и ночью готовили для них самолеты и вооружение и всегда с благодарностью называли имя Бальзамова.

Письмо авиатора, которое мы приводим, относится к тому времени, когда технику-лейтенанту был вручен орден Отечественной войны второй степени.

Сейчас Михаил Иванович Бальзамов — главный геолог нефтеразведки там, где в пору ожесточенных сражений он со своей частью защищал родную землю. Еще перед войной Бальзамов изучал эту площадь и лелеял мечту открыть в ней залежи нефти. Когда страна стала залечивать раны, нанесенные войной, геолог принялся за детальное изучение обширного района, который иными специалистами считался бесперспективным. Пробурили скважину — она оказалась «мертвой». Вторая и третья скважины также как будто подтверждали пессимистические прогнозы.

Геологи пересмотрели всю методику разведки, начали бурение на новые горизонты. И здесь была найдена нефть.

Михаилу Ивановичу Бальзамову присвоено звание Героя Социалистического Труда. Советское правительство присудило ему Сталинскую премию.

Он гордится тем, что был делегатом Всесоюзной конференции сторонников мира и вместе со всеми делегатами выразил волю нашего народа бороться за мир во всем мире...

Недавно М. И. Бальзамов совершил полет над землями, которые

Действующая

Родная!
Только что снова самолеты
поднялись в воздух. На аэро-
дроме стало тихо. Выбралась
свободная минута, пишу тебе.
Последние дни горячая боевая
работа, летчики вылетают по
5-6 раз. Пожалуй, почти не
спим, потому что на рассвете
полк уже вылетает.
Но все мы верим в нашу
победу.
Спешу порадовать тебя — вчера
командир полка вручил
орден Отечественной войны
II степени
Как Юрик?
Пиши чаще. Здесь письма
особенно дороги и каждое
приносит большую радость.
Горячо вас целую
Твой Миша

хорошо помнит со времени войны. Там, где были полевые аэродромы, где по фронтовым дорогам грохотали танки, теперь выросли нефтяные вышки, от промысла к промыслу протянулись нефтепроводы и пролегли дороги, по которым мчатся колонны автомобилей с трубами, буровым инструментом, железом, цементом и досками...

Герой Социалистического Труда лауреат Сталинской премии геолог М. И. Бальзамов.

Баллада о мире

Когда-то он думал сочинять квартеты, писать романсы, симфонии... Но профессия композитора так далека от военных обязанностей командира роты противотанковых ружей!

Один из бойцов играл на гармонике и фальшивил. Командир не поправил его ни разу.

— Не разумеете, товарищ старший лейтенант? — спросил боец, показывая на гармонь.

— Нет, — ответил Гомоляка.

— А кем вы были в гражданке? — любопытствовал баянист.

Командир подумал и ответил:

— Волочильщиком на кабельном заводе.

Гомоляка сказал правду. До поступления в консерваторию он действительно был рабочим. Както на его музыкальные способности обратил внимание украинский композитор Ревуцкий. Гомоляка часто ходил в оперный театр и после спектакля любил проигрывать в клубе на рояле по слуху прослушанную оперу, причем игре на фортепиано он никогда не учился. В 18 лет Вадим Гомоляка впервые засел за нотный строй. На фронт он ушел добровольцем со второго курса консерватории.

...На Курской дуге старший лейтенант Гомоляка был уже начальником штаба отдельного батальона. В командирском блиндаже ждали приказа о наступлении, и вдруг снаряд противника разбил блиндаж. Остался в живых один Гомоляка. Огонь все усиливался. Под его прикрытием немецкие пехотинцы, поддержанные танками, перешли в атаку.

Раненый Гомоляка с трудом добрался до полевого телефона. Телефониста убило, и, когда Гомоляка взял трубку, немцы находились от него в считанных метрах. Не колеблясь ни одной секунды, старший лейтенант вызвал огонь артиллерии на себя.

Его снова ранило, засыпало землей, но он опять уцелел. Сильный огонь советских артиллеристов остановил немцев.

Несколько месяцев Вадим Гомоляка провел в госпиталях, затем возвратился на фронт.

Конец войны застал его в Берлине. После демобилизации он возвратился в Киев, окончил консерваторию. Его выпускная работа — симфоническая поэма — называлась «Письмо с фронта». Затем он написал музыку к двум кинофильмам «Голубые дороги» (совместно с Я. Циглером) и «Заря над Карпатами», хоры «Колхозный коваль» и «Комбайнер», квинтет для деревянных духовых инструментов, сюиту «Закарпатские эскизы».

Поездка по Закарпатской области сыграла решающую роль в творчестве Гомоляки. Старинные народные мотивы, радостные песни на обновленной земле — все это вдохновило молодого композитора. А в одной закарпатской газете он прочитал стихотворение «Голос солдата». В переводе на русский язык оно звучит так:

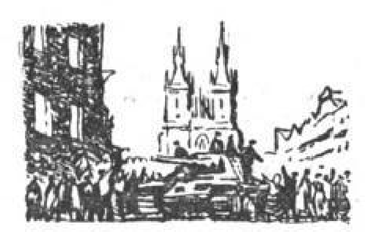
Я солдат, что знал и счастье и горе, что из окопов Сталинграда, сквозь жестокий бой, под грохот канонады дошел до Берлина. Я изливаю свой гнев на поджигателей новой войны. Бойтесь солдата запаса!

Это простое стихотворение оказалось близким мыслям Гомоляки. Он написал балладу «Голос солдата» — о борьбе за мир, за счастье, и в музыке звучат слова:

«Бойтесь солдата запаса!»

Композитор Вадим Гомоляка.

Вновь за мольбертом

Украинский живописец Владимир Костецкий приехал на фронт писать портреты героев. Ему рекомендовали побывать в отдельном инженерном батальоне. Он с трудом добрался туда и вот уже целый день скучает без дела в штабном окопе, потому что командир батальона где-то на передовой. А командование настаивало первым писать именно его — отличный воин!

Вдруг Костецкий слышит:

— Товарищ старший лейтенант, тут вас художник дожидается.

В окопе появился высокий, худой человек в потертой шинели. Костецкий, пристально взглянув на него, бросился к нему:

— Георгий, милый!..

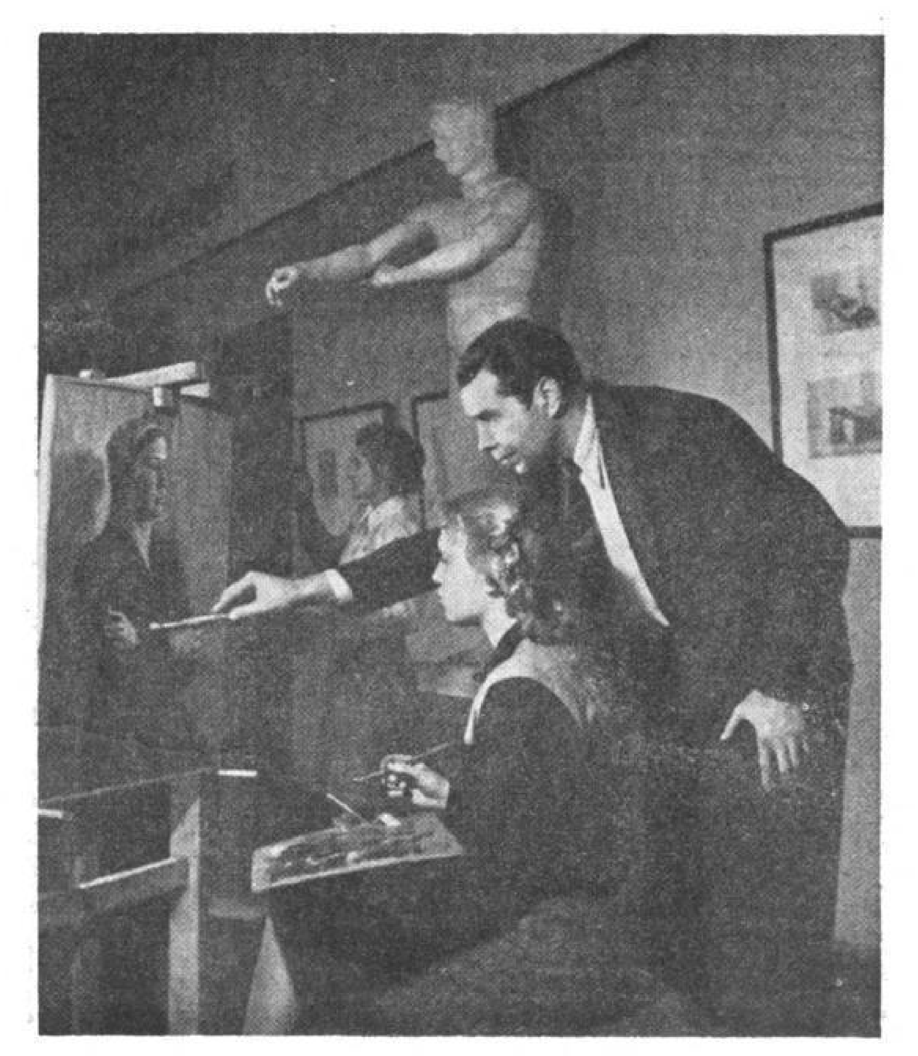
Оказывается, Костецкому надлежало писать портрет своего друга, молодого киевского живописца Георгия Яблонского.

Ныне Яблонский—уже известный художник. Когда он вернулся из армии, то был приятно обрадован, узнав, что служители Художественного института спрятали от немцев его неоконченную картину «Ворошилов в Донбассе». Яблонский дописал ее и показал на выставке. Картина имела успех. Вслед за нею последовало полотно «Форсирование Днепра», написанное по воспоминаниям об операции, в которой участвовал художник.

Самая значительная работа Яблонского — это большое полотно «Наши в Праге». Оно экспонируется в одном из залов Третьяковской галереи.

Ликует златая Прага. Тысячи людей высыпали на улицу, окружили советских воинов, засыпали их цветами. Яблонский был одним из тех, кто освобождал чехословацкую столицу. Он навсегда запомнил кипучее народное торжество.

Сейчас художник пишет новую картину — «Румыны приехали в наш колхоз».

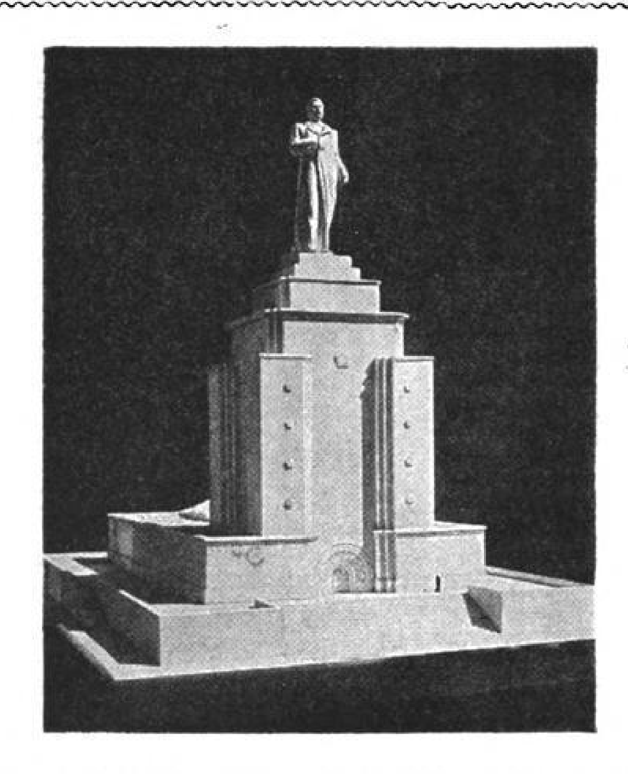

Художник Георгий Яблонский поправляет работу своей ученицы...

Монумент Победы в Ереване

Просторный проспект Сталина — одна из красивейших магистралей нового Еревана — пересекает весь город. В конце проспекта, там, где начинается тенистый, уходящий в гору парк, развернулось большое строительство. Поднимаются к небу легкие контуры металлических конструкций. Ночью над Ереваном сверкают огни электросварки. На горе воздвигается монумент Победы (проект архитектора Р. Исраэляна и скульптора С. Меркурова).

Монумент представляет собой весьма оригинальное по замыслу сооружение. Огромный постамент высотой в 33 метра заключает в себе расположенные в три этажа мемориальные залы. В основном, первом этаже — большой круглый зал, к которому ведут три вестибюля. Здесь будут устроены красочные, многоцветные диорамы, посвященные знаменательным событиям Отечественной войны.

Во втором этаже располагаются три зала, украшенные фресками, барельефами и картинами, отображающими эпизоды из деятельности гениального вождя советского народа Иосифа Виссарионовича Сталина. Отсюда по четырем спиральным лестницам можно подняться на двадцатитрехметровую высоту, где помещается еще один круглый зал, стены которого будут заняты огромными мозаичными панно, посвященными четырем городам-героям — Сталинграду, Севастополю, Одессе, Ленинграду.

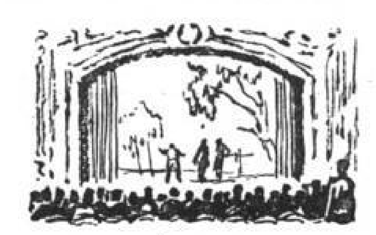
Весь постамент возводится из натурального камня. Снаружи сооружение украсят барельефы, орнаментальная резьба. Стены зал и галерей отделываются цветным туфом — розовым, светлозеленым, желтым.

Монумент венчает шестнадцатиметровая, отлитая из меди статуя Иосифа Виссарионовича Сталина. С. Меркуров изобразил Генералиссимуса Советского Союза в памятный День Победы.

Работы по сооружению монумента будут закончены в этом году.

Р. Константинов

Два сержанта

Все это подробно описано в романе Пановой «Спутники»: санитарный поезд и трудная служба на нем медицинской сестры.

Сутки имеют 24 часа, и 24 часа сержант Ольга Кусенко не отходит от раненых. Поезд, на котором работает Кусенко, доставляет раненых с фронта в Москву. Когда Ольга спит, никто не знает. Лицо у нее всегда приветливое, милое.

В 1942 году ее переводят на Сталинградский фронт. Там, под Сталинградом, — сержант Георгий Тимошенко. Вместе они оканчивали Киевский театральный институт. Он ее нареченный.

Фронт велик. Двум сержантам не удается встретиться. Несколько лет спустя они установили, что однажды находились всего лишь в двух километрах друг от друга...

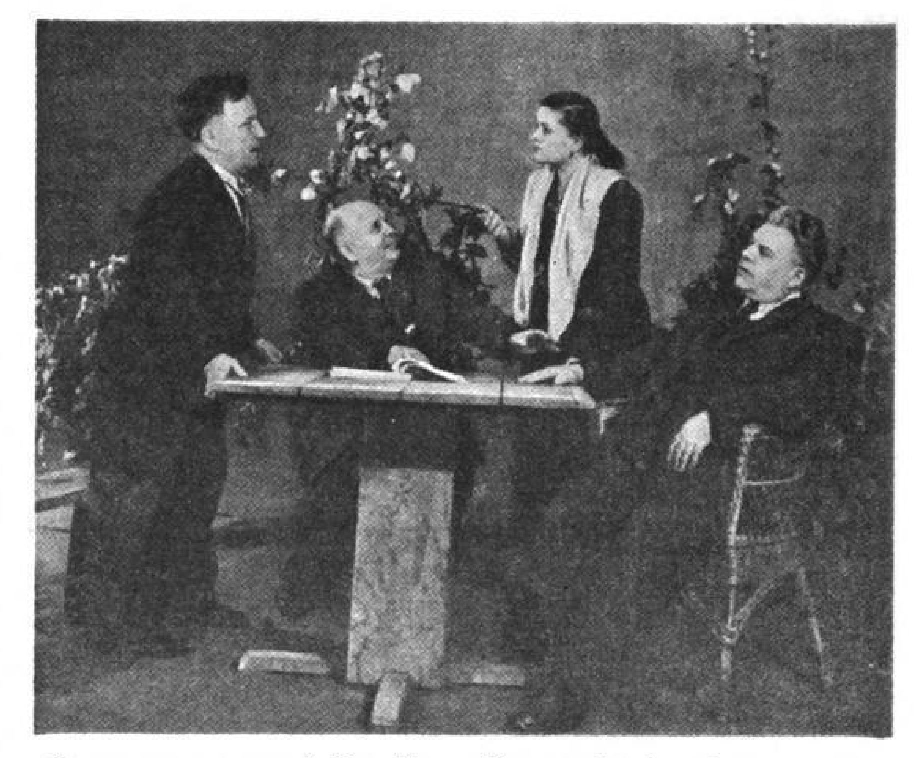
Георгий Тимошенко от Сталинграда доходит до Берлина. Когда после победы он вернулся в Киев, Ольга Кусенко уже играла в лучшем на Украине драматическом театре имени Ивана Франка.

Идет спектакль «Генерал Ватутин». Сержант Тимошенко пробирается за кулисы. Он решительно стучит в одну из артистических уборных:

— Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант!

В первой же роли Кусенко получила «повышение»: вместо сержантских погонов — офицерские.

Старший лейтенант едва не опаздывает с выходом на сцену.

На репетиции пьесы А. Корнейчука «Калиновий гай» в Киевском театре имени Ивана Франка. Справа: народный артист СССР Ю. Шумский (Романюк), О. Кусенко (Василина), постановщик спектакля народный артист СССР Гнат Юра, И. Маркевич (Бакуленко).

Георгий Тимошенко на ступенях рейхстага в перерыве между съемками фильма «Падение Берлина».

Помощник режиссера с трудом заставляет Тимошенко уйти в зрительный зал.

Тимошенко, в отличие от жены, и на сцене не расстается с привычными знаками различия. Прорывается на эстраду старший сержант милиции товарищ Тарахунько («Милиция всюду проходит без очереди»,— поясняет он мягким украинским говорком). На груди его блестят воинские медали. Это не бутафория. Это медали самого Тимошенко. Вместе с партнером Березиным ведет Тимошенко живой и яркий конферанс собственного сочинения, исполнение которого было отмечено первой премией на всесоюзном конкурсе мастеров эстрады.

И в кинофильме «Падение Берлина» Тимошенко — тоже сержант, по фамилии Зайченко. Душевный, обаятельный образ создает талантливый актер, и не один зритель смахивает набежавшую слезу, когда сержант Зайченко гибнет при взятии рейхстага.

Сержант Зайченко умирает в борьбе за мир. За это же сражается и погибает в спектакле «Молодая гвардия» Ульяна Громова, которую играет Кусенко. Ее другие роли — лейтенант Николаева в пьесе «На той стороне», Галина Бессмертная, бесстрашный комиссар в спектакле об украинских партизанах. Все это борцы за счастье народа, за свободу человечества.

Сейчас лауреат Сталинской премии Георгий Тимошенко готовит конферанс, направленный против поджигателей новой войны, а Ольга Кусенко играет в пьесе А. Корнейчука «Калиновий гай» героиню колхозных полей Василину Ковшик.

Текст: Л. Коробова, Е. Рябчикова, К. Непомнящего, Э. Брагинского.
Фото: Л. Коробова, А. Шексна, В. Евграфова, Н. Козловского.

ГАЗЕТА В КОЛЬЦОВКЕ

Почтальон Нина Сурова разносит свежий номер газеты. ←

Наборщица А. К. Ваина за набором очередного номера газеты. →

Вот еще одно примечательное явление советской действительности: печатная газета в колхозе...

Недавно мы побывали в Чувашии, в деревне Кольцовке, в колхозе имени Сталина, где издается такая многотиражка, привезли оттуда несколько подшивок и теперь, перелистывая их, как бы беседуем с тамошними нашими знакомцами, слышим их голоса.

Слышится взволнованный голос Сергея Ксенофонтьевича Короткова, человека с моложавым лицом и тронутыми сединой висками, одетого в полувоенную гимнастерку, на которой поблескивают золотая звездочка Героя Социалистического Труда и депутатский флажок, — человека, уже двадцать первый год стоящего у руля артели: «Радостно работается, когда видишь, как чудесно изменяются люди, поля, деревни».

Слышится мягкий, грудной говорок бригадира Саши Ашанина, тоже Героя, прозванного «сынком Короткова», потому что он его воспитанник и ученик. «Нужно жить не только зажиточно, но и в полном смысле культурно, нужно дорожить красотой своей деревни!» — как просто и как проникновенно это сказано!

Слышится неторопливая, нараспев, речь старика Михаила Якимовича Клочкова: «Честный труд приносит хорошую жизнь. В колхозе я помолодел...»

Так говорят они со страниц газеты, которой привыкли поверять свои думы и без которой уже невозможно представить себе нынешнюю Кольцовку, как невозможно представить ее без электрической станции, радиоузла, клуба, школы-десятилетки, телефонного коммутатора...

Газета называется «Сталинец». Она выходит двенадцатый год. Первым ее редактором был коммунист Иван Мишанин, статный красавец, баянист и песельник. Искрометная веселость, даже лихость сочетались в нем с задумчивостью, лиричностью. Он знал наизусть десятки стихотворений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского и сам втайне писал стихи. Клеенчатую тетрадку с этими стихами обнаружили уже после его гибели на фронте... Газету он редактировал вдохновенно, делал ее яркой, острой, боевой, любил броские «шапки», понимал верстку, хотя по основной своей специальности был не газетчик, а полевод.

Нынешний редактор «Сталинца» — Иван Степашин. Он питомец Мишанина. Степашин был еще школьником, когда в колхозе начала выходить многотиражка. После занятий бегал он в типографию и мог часами стоять там, наблюдая, как рождается газета. Однажды написал заметку и подписался: «Наблюдатель». Мишанин сказал, сердито поглядывая на него:

— Наблюдатель! Нет, брат, нам не наблюдатели нужны, а строители новой жизни... Мы все люди свои, советские. Прятаться тебе не от кого. Ставь настоящую фамилию.

Так появилась в газете подпись «И. Степашин», которую затем можно было видеть очень часто, а после войны — в каждом номере: Степашина, вернувшегося с фронта, утвердили редактором. Как и для Мишанина, редактирование для него — общественное поручение: он работает в колхозе.

И вообще в редакции «Сталинца» не существует «штатных единиц». Газета делается руками колхозной общественности.

Ну, хорошо, это еще можно представить себе, когда речь идет, скажем, о членах редколлегии, корреспондентах. Но наборщики? Наборщики-то наверняка профессионалы? Нет. Это кладовщик Семен Суров, заведующий животноводческими фермами Александр Доманин, уже известный нам Саша Ашанин, полеводы Елизавета Ерошина и Раиса Пашина, маслосбойщица Антонина Ваина да еще человек десять рядовых колхозников, овладевших сложным искусством набирать, верстать, печатать газету и занимающихся этим делом в свободное от основной работы время.

Кто пишет в газету? Как собирается материал? Познакомимся с некоторыми корреспондентами «Сталинца».

Лиза Ерошина, Герой Социалистического Труда, полевод — она же и наборщица. Про нее можно сказать, что она потомственная газетчица. Отец ее Ефим Васильевич — старейший селькор Кольцовки, еще кулаков разоблачал. Брат Иван, погибший на войне, был заместителем у Мишанина по газете. Лизе 22 года. Она окончила среднюю школу. В газету пишет часто. Когда наступает страдная пора — сев, сенокос, уборка хлебов, молотьба, — ее коротенькие, оперативные корреспонденции — донесения с поля — печатаются почти в каждом номере многотиражки.

Ашанин-старший, Василий Данилович, коммунист, — вожак третьей полеводческой бригады, которая соревнуется с первой, руководимой Ашаниным-младшим. Братья друг другу не уступают, о чем свидетельствует Указ, по которому они одновременно были награждены медалями «Серп и молот». Василий Ашанин печатает в колхозной газете агрономические советы, и, читая их, чувствуешь, что автор усердно и вдумчиво проштудировал и изучил труды Мичурина, Тимирязева, Вильямса, Лысенко.

Старик Клочков Михаил Якимович. Годы ему не в тягость: и семена сортирует, и веревки вьет, и сбрую чинит. Он принадлежит к числу активнейших «усткоров» многотиражки — устных корреспондентов. Писать ему трудновато. А идти мимо редакции и не заглянуть туда никак нельзя. Тем более, что был он только что у молотилки: «Безобразная там работа. Пятнадцать здоровенных мужиков солому скирдуют, а на самом трудном деле, на подаче снопов в машину, — десяток девчат. Где ж им управиться!..» И хотя бригадирствует на обмолоте Пал Михеич — старинный друг и закадычный приятель, — не может Клочков умолчать о такой нерадивости: докладывает редакции. Редакция же шлет селькоров помоложе в рейд на молотьбу, и обнаруживают они там еще немало других неполадок...

А быть «с песочком пропечатанным» в своей газете — пренеприятная штука. Весь ты тут на ладони, и все тебя видят. Это испытала на себе Марфа Н., про которую ее же подружки так написали: «Надоело нам смотреть, как Марфа отлынивает от бригадной работы...» Это испытал конюх

И. С. Степашин просматривает газетные полосы «Сталинца».

Фото Н. Маторина

Павел М., плохо кормивший лошадь. Это испытала Феодосия В., — у нее в сенях селькоры, проводившие рейд по домам колхозников, обнаружили грязь, паутину, щепки; и тут же газета поставила в пример вдову Дарью Сидоркину: на руках пятеро малолеток, а она все-таки поспевает соблюдать в избе уют и чистоту.

И очень хорошо на сердце, когда газета похвалит тебя. С ней, с газетой, хочется поделиться своей радостью, успехом, победой...

Два бригадира, только что закончившие уборку ржи, сталкиваются на крыльце редакции, рывком распахивают дверь и разом, в один голос, выкрикивают:

— Убрал!

— Завершил!

Редактор в затруднительном положении: кто же первый? Но выход тут несложен.

— Хоть газета и сверстана, для вас местечко найдется. Помещу рядышком. Тонечка, курсивчиком, в шпигель... Набирай!

И Тонечка набирает прямо со слов редактора. Она весьма заинтересованное лицо, потому что еще утром работала в поле...

Стучит, постукивает «Искорка», маленькая, но верная машина, ложатся на табурет свежие, терпко пахнущие листы. Вмиг разнесут их ребята по домам — 230 штук. Останется еще двадцать. И на них много охотников. Просят газету в соседний колхоз с неожиданно поэтическим названием — «Ландыш». Ждут газету в Москве: народный артист СССР Максим Дормидонтович Михайлов, уроженец Кольцовки, Витя Коротков, сын председателя, студент Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева; ждут в Орехово-Зуеве, в Татарии — везде, где живут и работают кольцовцы. Ну разве ж хватит двадцати экземпляров!..

Читаешь эту колхозную газету, и встает перед тобой большая, яркая жизнь одной советской деревни. Из заметок о читательской конференции, посвященной творчеству Маяковского, о «неделе сада», проведенной в деревне, о колхозном доме отдыха, о лекции, прочитанной председателем артели, из сообщения о строительстве в деревне кирпичного завода — из всех этих больших и малых заметок вырастает образ советского крестьянина — умного, волевого, энергичного хозяина. И мысленно присоединяешься к возгласу болгарских крестьян, побывавших в Кольцовке:

— Это прекрасно!

Пусть невелика газета, которая издается в колхозе имени Сталина, но как нужна она деревне! Без нее уже нельзя. Тут как-то в апреле она временно не выходила: ремонтировалась типография, меняли шрифт. И у всех было такое ощущение, что не хватает чего-то очень большого, важного. «Словно электричество выключили», — сказал об этом старик Клочков.

...Вернувшись из Кольцовки в Москву, мы повстречались с Сергеем Ксенофонтьевичем Коротковым. Он приехал на заседание Совета по делам колхозов, членом которого является.

— Завтра домой, — сказал он весело. — Везу новые шрифты. Эх, теперь бы нам еще клише завести! Ничего, будет у нас скоро и своя цинкография!..

А. СТАРКОВ

ГОЛОС советского радио

В нынешнем году советский народ отмечает две знаменательных даты в истории радио. Пятьдесят пять лет тому назад великий русский ученый А. С. Попов демонстрировал на заседании Русского физико-химического общества передачу электрических сигналов без проводов. И пятьдесят лет назад, при спасении в Финском заливе бедствующего броненосца «Генерал-адмирал Апраксин», гениальное изобретение А. С. Попова было впервые в мире применено на практике.

Вожди большевистской партии В. И. Ленин и И. В. Сталин еще в первые годы существования советского государства оценили великое значение радио, этой «газеты без бумаги» и «без расстояний». Благодаря заботе партии и правительства в СССР построена большая сеть радиостанций, создана мощная радиопромышленность, радио прочно вошло в жизнь и быт трудящихся.

Мы печатаем беседу нашего корреспондента с заместителем министра связи СССР товарищем З. В. Топурия.

Вопрос: Что нового принесли последние годы в развитии радиосвязи для повседневных нужд народного хозяйства?

Ответ: Наряду со строительством мощных станций, позволяющих поддерживать прямую двустороннюю связь между самыми удаленными друг от друга пунктами страны, а также между СССР и зарубежным миром, проведено серьезное совершенствование техники наших радиосредств. Инженеры-связисты В. С. Мельников, И. Ф. Агапов, А. А. Магазаник, В. И. Львов и М. Я. Уманский в прошлом году разработали и внедрили новые, высоко эффективные способы радиосвязи. Теперь по одному радиоканалу передается несколько сообщений одновременно. Это дает огромную экономию. Работа инженеров-новаторов удостоена Сталинской премии.

Заводы радиопромышленности освоили массовый выпуск небольших портативных раций для связи на коротких и ультракоротких волнах. Всеобщее признание работников сельского хозяйства завоевали радиостанции типа «Урожай», при помощи которых поддерживается оперативная связь с полевыми станами во время сева и уборки, с бригадами, пасущими гурты на отдаленных пастбищах, и т. д.

Пользуясь радиотелефоном, диспетчеры руководят находящимися в пути поездами, караванами судов, транспортными самолетами. Портативными рациями снабжены геологические партии, работающие далеко в горах, изыскатели, прокладывающие пути в пустыне и тундре, лесорубы в тайге, рыбаки на промыслах. Четкое, оперативное руководство с помощью радио помогает выполнению и перевыполнению государственных планов.

Вопрос: Каковы наши успехи в развитии радиовещания?

Ответ: Советские связисты полностью восстановили все вещательные станции и трансляционные узлы, разрушенные во время войны, построили немало новых станций и узлов. Довоенный уровень в этой области далеко превзойден. Благодаря техническим усовершенствованиям аппаратуры вещательных станций значительно улучшилась слышимость передач. На Чукотке и Памире, в сибирской тайге и песках Кара-Кумов четко и ясно звучит голос Москвы. Нет уголка в нашей необъятной стране, куда не доходили бы волны наших радиовещательных станций.

Для радиофикации крупных городов разработана автоматизированная аппаратура усилительных и трансляционных подстанций. Одна такая подстанция в 60 киловатт, действующая в Москве, заменяет десять подстанций, работающих на старом оборудовании.

Вопрос: Что вы можете сказать о развитии телевидения?

Ответ: Телевидение — одна из новейших отраслей радиотехники — пользуется в нашей стране большой популярностью.

Телевизионные центры Москвы и Ленинграда ведут вещание по значительно более широкой программе, нежели до войны. Строятся телевизионные центры и в других городах. Промышленность средств связи освоила массовый выпуск телевизоров. Недалеко время, когда эти аппараты станут такой же принадлежностью жителей наших крупных городов, как радиоприемник и телефон.

Советские ученые и инженеры настойчиво двигают вперед технику телевидения. Лауреаты Сталинской премии инженеры В. Л. Крейцер, А. В. Воронов, П. Е. Кодесс, В. И. Мигачев, А. И. Лебедев-Карманов, Б. В. Брауде, Р. В. Ванатовский, Н. С. Куприянов, Г. П. Казанский и С. В. Новаковский создали аппаратуру, с помощью которой изображение передается вдвое более четко, чем на зарубежной аппаратуре, применявшейся до войны.

Вопрос: Как осуществляется радиофикация в сельских местностях?

Ответ: Как известно, массовой радиофикации сел в капиталистических странах не существует. Слушать радио там может только ограниченный круг лиц: зажиточные фермеры, кулаки, владеющие индивидуальными радиоприемниками. У нас же радиофикация села — неотъемлемая часть огромной программы культурного строительства, проводимой в жизнь советским государством.

В каждом районном центре, будь то маленький городок или крупное село, рабочий поселок или казачья станица, имеется радиоузел, способный принимать и транслировать вещательные станции страны. Много узлов создано в последние годы и в колхозах. От радиоузлов к избам-читальням, клубам, школам, жилым домам колхозников тянутся провода трансляционной сети. Если сложить вместе протяженность всех районных радиолиний, получится внушительная цифра — свыше ста тысяч километров.

В послевоенные годы полностью восстановлена вся сельская радиосеть, разрушенная оккупантами. Движение за радиофикацию колхозов стало массовым, всенародным. В строительстве радиолиний работникам связи помогают и сами колхозники, и сельская интеллигенция, и комсомольский актив, и рабочие предприятий-шефов. В Московской, Курской, Свердловской, Псковской областях, в Ставропольском крае насчитывается немало районов сплошной радиофикации. Это значит, что там во всех домах любого населенного пункта, как бы ни был он мал и удален от радиовещательного узла, имеются репродукторы.

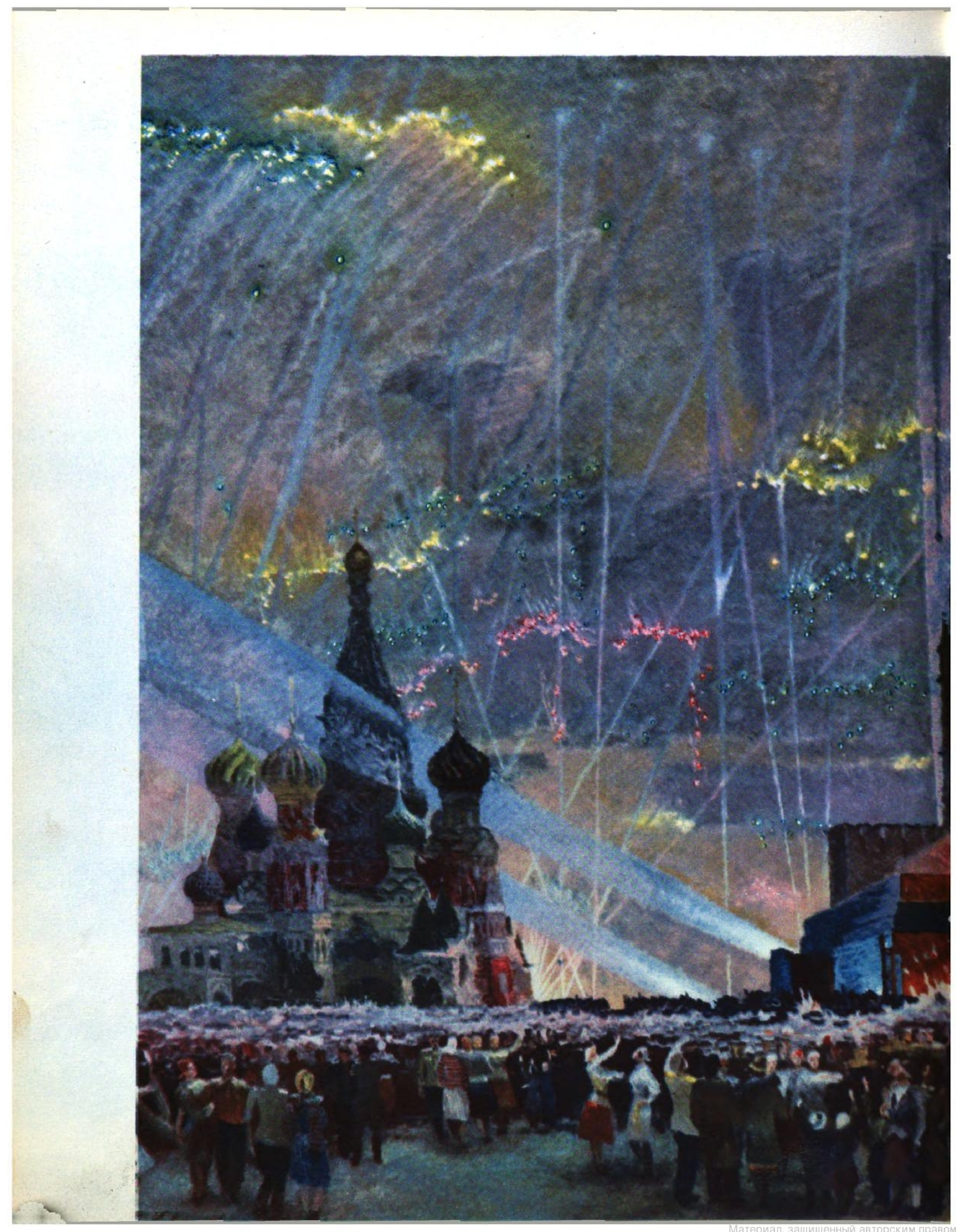
Нельзя не отметить при этом, что в работах по радиофикации колхозов до самого последнего времени было много недостатков, бесплановости. Теперь, в соответствии с указаниями правительства, дело перестраивается. Радиофикацию сел будут осуществлять органы связи, действующие по договорам с колхозами и в соответствии с планами, утвержденными областными Советами депутатов трудящихся. Колхозы получат возможность приобретать материалы и радиооборудование через потребительскую кооперацию. Создается сеть краткосрочных курсов для подготовки монтеров колхозных узлов.

Большой вклад в радиофикацию деревни вносит наша промышленность. В этом году заводы будут выпускать специальную аппаратуру, рассчитанную на питание энергией от ветродвигателей, а также весьма экономичные репродукторы. Если при старой аппаратуре радиоузел мощностью в два с половиной ватта мог бы обслужить не более 10 точек, то при новой аппаратуре он будет обслуживать до 50 точек. Это особенно ценно для тех отдаленных сел, которые пока не электрифицированы.

Советское государство создало все условия к тому, чтобы в ближайшее пятилетие завершить сплошную радиофикацию страны. Работники связи будут, не щадя сил и энергии, трудиться над выполнением этого задания партии и правительства.

Фрагмент панорамы «Сталинградская битва». Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом в 1943 году. Авторы-художники: А. Горпенко, П. Жигимонт, Г. Марченко, Н. Андрияка.

В. Богаткин. «Московская окраина». Из серии «Москва в 1941 году».

П. Пинкисевич. «Уличный бой в Севастополе». Из серии картин «Оборона Севастополя».

ЭРНСТ ТЕЛЬМАН

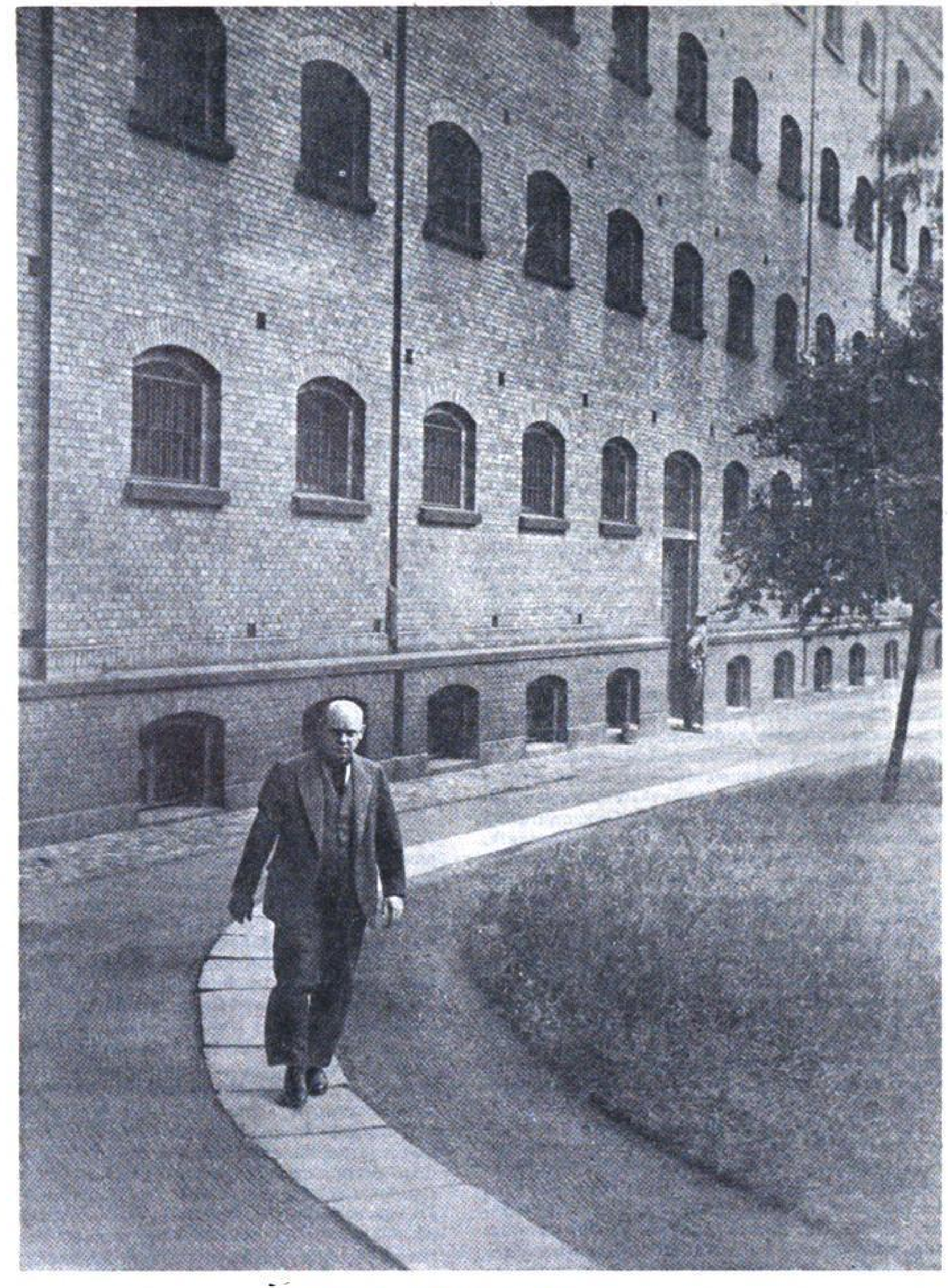
Вилли БРЕДЕЛЬ

Немецкий писатель Вилли Бредель написал книгу об Эрнсте Тельмане, руководителе германской коммунистической партии и популярнейшем вожде трудящихся Германии, зверски умерщвленном гитлеровцами после одиннадцати с половиной лет заключения в фашистских застенках. В книге Бределя правдиво и тепло передан благородный облик Тельмана, человека большого мужества и безупречной моральной чистоты, подлинного народного трибуна, неустрашимого борца за лучшее будущее своего народа.

В предисловии к книге Вилли Бределя президент Германской демократической республики Вильгельм Пик пишет:

«Эрнст Тельман пал от руки палача, однако великое дело, которому он отдал свою жизнь, продолжает существовать... Живет мужественный образ Тельмана, пример для всех борцов против фашизма и империализма».

Ниже печатается сокращенный перевод нескольких глав книги В. Бределя «Эрнст Тельман».

Эрнст Тельман в тюрьме на прогулке.

«МЕТОДЫ» ГЕСТАПО

После ареста Эрнст Тельман был заключен в Моабитскую тюрьму. В прилегающих к тюрьме зданиях расположились эсэсовские части штаба особого назначения.

В первые месяцы заключения гестаповские палачи пытались побоями и пытками вырвать у Тельмана «откровенные признания». Но Тельман категорически отказался давать какие бы то ни было показания на этих «допросах», организованных пресловутым Гирингом, следователем по уголовным делам. Гирингом была привлечена для избиения Тельмана целая выездная команда из гестаповского штаба особого назначения.

В те дни Тельман писал из Моабитской тюрьмы своей жене:

«Многое из того, что я здесь за последнее время пережил и испытал, привело к тому, что мое здоровье начинает ухудшаться».

В условиях жестокой цензуры, которой подвергались его письма, он не мог говорить со всей прямотой. Но вот из Саарской области в Берлин прибыла рабочая делегация для свидания с Тельманом. Органы фашистской власти, учитывая предстоящий плебисцит в Саарской области, вынуждены были допустить рабочих в тюремную камеру. На вопрос одного из шахтеров, верно ли, что с ним жестоко обращаются, Тельман с силой сказал:

«Да, да! Меня избивают! Со мной обращаются самым подлым образом! Скажите об этом рабочим Саарской области!» Гестаповцы немедленно вытолкали из камеры участников делегации.

В Моабите в те дни на стенах появлялись надписи с требованием выпустить Эрнста Тельмана на свободу. Поблизости от тюрьмы распространялись нелегальные листовки, требовавшие начать открытый судебный процесс или немедленно освободить Тельмана. Из страха перед возможностью широкой кампании берлинских рабочих за освобождение вождя коммунистической партии Тельмана перевели 13 августа 1937 года в Ганноверскую тюрьму.

Туда была прислана специальная команда гестапо для надзора за заключенным, во главе с неким Опицом, злобным негодяем, задавшимся целью провоцировать и изводить Тельмана беспрестанными придирками.

Находясь в длительной изоляции, лишенный всяких занятий, Тельман обратился с просьбой дать ему какую-либо работу. Опиц отклонил эту просьбу. Он категорически отказал Тельману и в его ходатайстве несколько продлить время прогулок на тюремном дворе.

В жестоких условиях тюремного заключения Тельман заболел тяжелой формой гриппа, давшей серьезные осложнения.

Вскоре после дня рождения Эрнста Тельмана, когда ему исполнилось 52 года, в камеру к нему явился Опиц и язвительно сообщил, что на свободе, за тюремными стенами, его, Тельмана, совершенно позабыли. Ничего, мол, не получил он в день своего рождения: ни цветов, ни писем, даже открытки никто не прислал. Тельман отлично понимал, что это ложь и что ему просто не хотели вручить то, что было адресовано на его имя, однако молчал, чувствуя, что этот подлец что-то замышляет против него. И действительно Опиц вскоре заговорил.

— Написали бы вы брошюрку, — предложил он. — Заявите, что перестроились и отказались от своих взглядов.

Тельман ответил:

— Да, вы, несомненно, законченный негодяй! Знайте же, что не дождетесь этого от меня, даже если бы мне пришлось сидеть здесь до самой смерти...

Однажды гиммлеровский надсмотрщик явился к Тельману в камеру и, пользуясь какой-то грязной клеветой в фашистской газетке против Советского Союза, стал распространяться по поводу «катастрофы», якобы угрожающей Советскому Союзу. Эрнст Тельман коротко и сухо ответил ему:

— Советский Союз существует уже двадцать лет. Ваша третья империя столько не просуществует!

ЗЛОДЕЙСКОЕ УБИЙСТВО СОРАТНИКОВ ТЕЛЬМАНА

Гитлеровские палачи умертвили много сотен виднейших антифашистов, с которыми Тельмана связывали долгие годы совместной политической борьбы. Среди этих верных сынов народа можно назвать имена Иона Шеера,

Эдгара Андрэ, Фите Шульце, Христиана Хейка, Фрица Люкса, Августа Лютгенса, Ионни Детмара, Германа Фишера, Карла Леша и многих, многих других близких партийных друзей Эрнста Тельмана. Тельман мог не стыдиться своих соратников: отдав всю свою жизнь борьбе, они и перед лицом смерти держались героически. Все они, рабочие, как и Эрнст Тельман, до конца мужественно противостояли варварским издевательствам гестаповских палачей и умирали с проклятиями убийцам на устах и с гордой верой в свои идеалы.

Ион Шеер, бывший гамбургский слесарь, член Центрального комитета германской коммунистической партии, после ареста Тельмана руководил в Берлине переходом партии на нелегальное положение. За ним долго гонялись гестаповские ищейки, однако он не покидал своего поста, пока в конце 1933 года не попал в руки палачей.

В пресловутом доме «Колумбия» эсэсовцы били Иона Шеера плетьми, обваривали кипятком, выжигали на теле целые куски кожи. У него пытались вырвать имена руководящих коммунистов и сведения о нелегальных партийных организациях. Ион Шеер не проронил ни слова, он плевал своим палачам в лицо. Вместе с тремя другими партийными работниками эсэсовцы расстреляли его на опушке леса недалеко от Потсдама 21 февраля 1934 года.

6 июня 1936 года под топором фашистского палача сложил голову гамбургский коммунист Фите Шульце. На судебном процессе он гордо провозгласил свою верность коммунизму. После оглашения смертного приговора Фите Шульце крикнул фашистам, сидевшим в зале суда: «Одним борцом будет меньше, но мы победим несмотря ни на что! Приходите на казнь в столь же большом числе! Увидите, как умирает коммунист!»

Эдгар Андрэ, руководитель гамбургского Союза красных фронтовиков, был вызван на суд свидетельствовать против Фите Шульце. Председательствующий спросил его, находится ли он в родственных отношениях с обвиняемым. Эдгар Андрэ сказал: «Нас роднит одна близкая нам обоим великая идея». Спустя год после суда палач обезглавил в Гамбурге Эдгара Андрэ. Его так истязали, что он мог передвигаться только на костылях. Его последние слова были: «Смерть фашизму! Да здравствует коммунизм!»

Христиан Хейк, из крестьян Дитмарша, коммунистический депутат ландстага и руководитель рабочих и крестьян в Шлезвиг-Гольштейне, без суда и приговора был зверски растерзан в тюремной камере в Ней-Мюнстере. Чтобы справиться с этим необыкновенно сильным человеком, на него набросились десять отборных эсэсовцев и буквально всего искромсали ударами ножей.

Ионни Детмару отсекли голову 15 мая 1934 года. Фрица Люкса и Карла Леша в том же году задушили в тюремной камере, Германа Фишера обезглавили. Перед казнью Герман Фишер оставил прощальное письмо своей жене и детям:

«Пусть когда-либо придет для вас то счастливое время, за которое я умираю. Хотя я должен погибнуть, наше знамя все равно будет развеваться — всегда... Пусть навеки осуществится коммунизм на благо всего человечества».

Август Лютгенс был обезглавлен вместе с тремя его товарищами. Выслушав на суде смертный приговор, Лютгенс иронически поклонился и поблагодарил за эту «высочайшую честь, которая может выпасть на долю пролетарского борца».

Казнь Лютгенса была совершена в присутствии семидесяти пяти политических заключенных-антифашистов, специально приведенных для устрашающего лицезрения этой расправы. Молодой рабочий Карл Вольф, осужденный вместе с Лютгенсом, закованный в тяжелые кандалы, перед самой казнью выразил желание — в последний раз хорошенько размять руки. Как только ему немного ослабили кандалы, он ударил изо всей силы кулаком в лицо близ стоявшего штурмовика.

Самые верные и стойкие друзья Эрнста Тельмана погибали один за другим. В течение одиннадцати с половиной лет тюремного заключения Тельману было исключительно горько сознавать, что истекают кровью самые отважные из отважных людей немецкого пролетариата. Но и он и они знали, что боролись и отдавали свою жизнь за высшую цель, какая только может быть у человека: за свободу и счастье своего народа.

ПИСЬМА ЭРНСТА ТЕЛЬМАНА ИЗ ТЮРЬМЫ

Вскоре после ареста Эрнста Тельмана умер его престарелый отец. Тельман, имевший право через большие промежутки времени на передачу нескольких строк своей семье, писал дочери Ирме, тогда еще школьнице:

«Берлин — Моабит, 3.11.1933 г.

Моя любимая Ирма!

Одинокий, оторванный от жизни человечества, сижу я здесь и думаю в эти наполненные глубокой печалью часы о дне твоего рождения в ближайшее воскресенье. Я сожалею, что по случаю внезапной смерти твоего любимого дедушки многие твои пожелания не сбудутся в этот день. Как бы судьба ни обрушивалась на всех нас и в особенности на тебя, самую юную, мы должны не покоряться и в это жестокое время быть мужественными и бодрыми...

Письмо мамы я получил вчера около половины одиннадцатого. Пусть полиция не позволила мне участвовать в похоронах моего любимого отца, но я знаю, что мысленно вы все были со мной в моем горе в этот день.

Большой и сердечный привет маме. Еще раз самые душевные пожелания. Поздравляю тебя от всего сердца.

Твой отец».

Жена Эрнста Тельмана, бывшая верной и самоотверженной спутницей на всем протяжении его политической деятельности, оставалась его надежной опорой и в годы заключения. Она делала все, что было в ее силах, чтобы вырвать у гестапо малейшие послабления режима. В одном из писем Эрнст Тельман выражает ей свою благодарность и — заключенный — поддерживает в ней бодрость и мужество:

«Берлин — Моабит. 17.12.1933.

Моя дорогая Роза!

Твои строки напомнили мне о счастливых и нередко трудных часах, которые мы совместно пережили... Пусть и сейчас, перед лицом, быть может, самых тяжелых наших испытаний, мы останемся, как это было всегда в нашей с тобой жизни, накрепко связанными друг с другом... Больше мужества, дорогая Роза, сегодня — еще больше, чем когда бы то ни было...»

Письмо, написанное несколько лет спустя, дышит все тем же непреклонным оптимизмом и мужеством:

«14.1.1937.

Моя дорогая Роза!

...Вот уже пятое рождество провожу я за этими глухими тюремными стенами. Только что сторож — сейчас послеобеденное время — открыл камеру на сегодняшний день. Меня обступила мертвая тишина. Я гляжу в окно и думаю о родном городе. Часами подряд упорно размышляю. Да, суровый путь предназначен мне. Повседневное унижение, попирание человеческого достоинства — страшная участь. Но эта борьба — мой удел...»

Эрнст Тельман добился разрешения получать в тюрьме газеты. Это позволяло ему в какой-то степени ориентироваться в мировых событиях. Политический опыт помогал Тельману выуживать полезные сведения из малейших намеков и обращать внимание прежде всего на то, что в газетах замалчивалось. В тюрьме Тельман научился читать между строк и извлекать все политически существенное даже из туманных высказываний.

Особенно пристально следил Эрнст Тельман за освещением вопросов экономики в фашистской печати. Хорошо вооруженный революционной марксистской теорией, он умел на основании сухих статистических данных, не представляющих интереса для рядового читателя, делать серьезные и важные обобщения. С помощью отрывочной информации, проскальзывавшей в газетах, он составил себе ясную картину о мощном, бурно развивающемся в Советском Союзе социалистическом строительстве. В письмах на эту тему, полных гордости и воодушевления, Эрнст Тельман высказывает свои соображения и о завтрашнем дне трудового немецкого народа, когда Германия станет свободным государством, дружественным Советскому Союзу...

В письмах Эрнста Тельмана из тюрьмы встает облик несгибаемого политического борца, который и в самые тяжелые дни своего тюремного одиночества оставался неизменно верен самому себе, своим убеждениям и своим боевым друзьям. Невзирая ни на что, он находил в себе силы поддерживать и укреплять в своих единомышленниках волю к подпольной антифашистской борьбе.

Фашистская тайная полиция систематически охотилась за письмами Эрнста Тельмана. Неоднократно происходили домашние обыски у жены его — Розы Тельман. Нередко гестапо разрешало ей лишь прочесть письмо, которое тут же у нее и отбиралось. Эрнст Тельман сумел найти обходные средства и пути для нелегальной передачи своих записок на волю. Такая тайная переписка избавила его от необходимости пользоваться «рабским языком» и позволила касаться также политических вопросов.

В одном из таких больших писем Эрнст Тельман анализирует международное положение после мюнхенского совещания 1938 года, на котором, как известно, Гитлеру удалось узаконить свое грабительское отторжение Судетской области.

Сквозь тюремные стены к Эрнсту Тельману проникали и известия о героической борьбе испанского народа, которой он придавал очень важное значение. Скандальная позиция «невмешательства» Даладье и Чемберлена встретила самое страстное возмущение с его стороны. Высокий героизм бойцов интернациональной бригады вызывал в нем восхищение и гордость. Разумеется, ему было известно, что в Испании сражался батальон немецких антифашистов, носивший его имя, что «батальон Тельмана», участвуя в жестоких боях под Мадридом, Харамой, на Гвадалахаре, за Теруэль и Бельчите, особенно отличился.

Свои мысли о международном политическом положении Тельман сформулировал в развернутом виде. Можно лишь удивляться его правильным и ясным оценкам, если иметь в виду, что в течение ряда долгих лет он был отрезан от непосредственной политической жизни. Он разоблачал и активно предостерегал в этом своем письме от иллюзий, распространившихся с помощью гитлеровской демагогии, в немецком народе после мюнхенского совещания:

«...Сперва массы почувствовали только облегчение, что война предотвращена, и медленно постигали дальнейшие последствия. Большая историческая драма этих дней состоит в том, что в Мюнхене Гитлеру и Муссолини удалось, хотя это почти невероятно, предстать в качестве этаких «миротворцев» перед своими народами, а сверх того и перед значительной частью народов Европы. Самый сложный и вместе с тем самый жгучий вопрос общей ситуации теперь, после мюнхенской сделки и ее результатов, состоит для Советского Союза, как и для всех антифашистов, в борьбе за мир. Всегда и всюду народам должно быть ясно, что мы — подлинные враги империалистической войны и только мы — подлинные друзья мира...»

Несколько позже в одном из документов, который удалось передать из тюрьмы, Эрнст Тельман настойчиво предупреждал:

«Война на пороге! Маневры гитлеровского правительства никого не могут обмануть на этот счет. Мне кажется, все идет к тому, что катастрофа вот-вот разразится...»

В ГОДЫ ВОЙНЫ

Гестапо ни разу не сделало никаких официальных уведомлений насчет Эрнста Тельмана. Но время от времени, с целью успокоить и обмануть немецких рабочих, распространялись слухи, что Тельман якобы давно уже освобожден или уехал за границу. По другой версии, Тельман жил «очень уединенно», но оставался в Германии и на свободе. Те же,

кому было известно, что он попрежнему в заключении, обычно не знали, где он находится в данное время.

В начале войны Тельман был в Ганноверской тюрьме.

Когда осенью 1941 года, после вероломного нападения на Советский Союз, гитлеровские войска стояли под Москвой, Ленинградом и Ростовом, несколько гестаповцев явились в камеру к Тельману, чтобы поиздеваться над ним: «Ну, что скажете теперь? С Советской Россией покончено! Красная Армия разбита!..»

Нам известно, как ответил Эрнст Тельман этим тупоголовым бестиям. Он дал прислужникам Гитлера настоящий, резкий, пролетарский ответ, который они, вероятно, не забудут до последнего часа своей жизни. Тельман заявил: «Сталин свернет Гитлеру шею!»

Это все, что он сказал. Гестаповцы словно окаменели: столь неожиданным было для них заявление Тельмана.

Это было после восьмилетнего одиночного заключения Тельмана. Ни на одну минуту его не покидала вера в силы советского народа и всех свободолюбивых народов мира. Он был убежден, что Красная Армия под стратегическим руководством Сталина несокрушима. Тельман оставался верным, мужественным другом Советского Союза в самые тяжелые моменты войны.

В июле 1943 года Эрнст Тельман в строжайшей тайне был переправлен из Ганноверской тюрьмы в Баутцен, в так называемую «следственную тюрьму по уголовным делам» на Габельсбергерштрассе, где сидели только уголовники.

В декабре 1943 года на Восточном фронте сдался в плен советским войскам Вальтер Лессер из Мейеране (Саксония), ефрейтор 7-й роты 488-го пехотного полка 36-й дивизии. До войны он служил тюремным надзирателем в Баутцене, а во время войны, незадолго до своего призыва в гитлеровскую армию, заведовал тюремным хозяйством.

Лессеру, приехавшему в отпуск с фронта, довелось посетить тюрьму в Баутцене и беседовать с Эрнстом Тельманом. Об этой встрече имеются запротоколированные показания Лессера:

«Когда я вошел, Тельман, оторвавшись от чтения книги, удивленно взглянул на меня, вошедшего в камеру неизвестного ему солдата, но ничего не сказал. Я никогда не видел Тельмана раньше, но очень хорошо знал его по портретам и тотчас же убедился, что это действительно он. Все же я спросил: он ли Тельман, вождь коммунистической партии? Он, улыбаясь, ответил: «Да, Тельман — это я». Тогда я ему сказал, что приехал в отпуск из Франции, из Бреста, где расположена моя войсковая часть, узнал о его пребывании здесь, и так как я в скором времени должен отправиться на Восточный фронт, то решил спросить его, что думает он о войне против России и о положении в Германии.

Эрнст Тельман смотрел на меня некоторое время молча, потом в тоне, не допускающем возражений, ответил, что война с Советским Союзом — величайшая ошибка Гитлера. «Германии никогда не победить Советскую Россию, потому что Советская Россия стала самой сильной державой». Немецкий народ, сказал далее Тельман, исключительно заинтересован в дружбе с советским народом».

КРОВАВАЯ БАНЯ В БУХЕНВАЛЬДЕ

По настоянию Гиммлера, ставшего министром внутренних дел и фактическим диктатором полиции, Эрнст Тельман из тюрьмы в Баутцене был переведен в концентрационный лагерь Бухенвальд, под Веймаром, и вскоре был здесь зверски умерщвлен.

Гитлеровские бандиты не посмели сознаться в этом преступлении. Вместе с тем они понимали, что затасканные формулировки вроде «убит при побеге» или «покончил жизнь самоубийством в тюрьме» уже утратили всякое правдоподобие. Чтобы скрыть убийство Тельмана, был пущен в ход новый трюк.

Имперское нацистское радио 14 сентября 1944 года в 20 часов 45 минут сообщило:

«Во время англо-американского воздушного налета на окрестности Веймара 28 августа было сброшено много бомб и на концентрационный лагерь Бухенвальд. Среди убитых заключенных оказались, между прочим, бывшие депутаты рейхстага Брейтшейд и Тельман».

Эта неуклюжая и беззастенчивая ложь — результат плохо согласованной работы геббельсовского министерства пропаганды и гестапо. Как известно, в то время ежедневно в гитлеровской Германии по радио передавались сводки о положении в воздухе. 28 августа в 9 часов вечера было передано:

«Над имперской территорией ни одного вражеского боевого соединения замечено не было».

14 сентября, буквально через 15 минут после сообщения германского радио о смерти Эрнста Тельмана, лондонская радиостанция в своей передаче также извещала, что «28 августа над Средней Германией не появлялось ни одного самолета».

17 сентября в 2 часа 45 минут министерство пропаганды передало по имперскому радио следующее «опровержение»:

«В связи с воздушным налетом союзной авиации на концентрационный лагерь Бухенвальд под Веймаром германское радио, в противовес утверждениям противника, категорически заявляет, что союзные авиачасти 24 августа сбросили на лагерь около тысячи фугасных и большое количество зажигательных бомб, устроив настоящую кровавую баню для лагерных заключенных».

Единственно, что правильно в этом вторичном германском сообщении, в котором без всяких объяснений передвинута дата якобы имевшей место бомбардировки,— это факт кровавой бани, которая действительно имела место в лагере Бухенвальд. 22 сентября лондонское радио передавало некоторые подробности этого массового злодейства гестапо:

«14 сентября германское информационное бюро утверждало, что 28 августа в результате воздушного налета британской авиации на концентрационный лагерь Бухенвальд убиты Эрнст Тельман, Рудольф Брейтшейд и множество других заключенных. Три дня спустя, 17 сентября, германское информационное бюро опубликовало новый вариант этой лживой небылицы, по которому выходит, будто налет союзной авиации состоялся не 28, а 24 августа. При этом сообщалось, что англо-американские авиачасти устроили кровавую баню заключенным концентрационного лагеря. Стало быть, без долгих размышлений дата выдуманного налета отодвинута на четыре дня назад. Немцам понадобилось двадцать дней, прежде чем они вообще решились сделать официальное сообщение о происшествиях в Бухенвальде.

По данным, которыми мы располагаем, в июле было убито с невозмутимым спокойствием более 7 тысяч заключенных Бухенвальда, в числе которых были также Тельман и Брейтшейд».

В последние дни гитлеровского господства, незадолго до окончательного военного разгрома германского фашизма, английское радио передавало из занятого Веймара:

Веймар, 17 апреля 1945 года.

Тысячи веймарских граждан побывали в концентрационном лагере Бухенвальд. Они осматривали лагерь группами, примерно по 100 человек каждая. Они видели крематорий с обугленными трупами, бараки, где живые скелеты, слишком больные и обессиленные, чтобы подняться, лежали на нарах в три яруса один над другим, конюшни, в которых расстреливали тысячами, испытательные станции, где врачи экспериментировали над живыми людьми, из которых 90 процентов погибали Не скоро веймарцы смогут позабыть эти тягостные переживания...

Вальтер Гуммельсхейм, заключенный в течение четырех лет в Бухенвальде, показал: спустя четыре или пять дней после августовской бомбардировки союзной авиации фабрик в Бухенвальде Эрнст Тельман был доставлен в лагерь и расстрелян вместе с восемью или девятью коммунистическими руководителями. Тельман никогда не был в числе заключенных этого концентрационного лагеря. В конюшнях Бухенвальда умерщвлены тысячи людей, которые не были заключенными лагеря и поэтому не состояли в его списках.

Председатель интернационального лагерного комитета в Бухенвальде Вальтер Бартель рассказал:

«То, что уже в 1944 году было хорошо известно 25 тысячам узников концентрационного лагеря Бухенвальд, получило теперь широкую огласку в показаниях чешских, немецких и польских заключенных на суде в Дахау, где происходил процесс комендантов, врачей-эсэсовцев и начальников специальных команд. Товарищ Тельман до середины августа находился в Баутценской тюрьме. В день 24 августа он не был в Бухенвальде и не мог, стало быть, погибнуть от бомбежки. Наоборот, можно считать твердо установленным, что исключительно в целях его убийства Тельман был доставлен в крематорий концентрационного лагеря. Обслуживавшие крематорий узники должны были растопить печи и затем покинуть крематорий. Ночью к крематорию подъехала легковая автомашина, из которой вышли трое в штатском. Одному из них было приказано идти впереди, и как только он оказался в крематории, раздалось три выстрела. Несколько позднее слышен был четвертый выстрел. Потом эсэсовцы сожгли злодейски расстрелянного ими Тельмана. Впоследствии гитлеровские бандиты открыто говорили: «Это был вождь коммунистов Тельман».

ЗАВЕЩАНИЕ ЭРНСТА ТЕЛЬМАНА

Эрнст Тельман убит.

В кромешной ночи гитлеровской диктатуры, которая сковала Германию, Эрнст Тельман, несмотря на мучительные испытания и долговременное тюремное одиночество, остался непоколебимо верен духу социализма, мира и подлинной свободы. Никто непреклоннее, чем Эрнст Тельман, не боролся против империалистической реакции и милитаристского фашизма. Никто бесстрашнее его не выступал в защиту прав и свободы немецкого народа. Никто из руководителей рабочего класса не стремился честнее и убежденнее к единству пролетариата. Не было другого демократического деятеля, кто бы столько энергии вложил в дело объединения всех прогрессивных сил немецкого народа. Никто искреннее и последовательнее Тельмана не потрудился для укрепления дружбы и доверия между немецким и русским народами в духе понимания общих интересов обоих народов. Никто самоотверженнее и преданнее Тельмана не любил свой народ и свою родину.

Эрнст Тельман убит.

Большая жизнь борца открыта перед нами; она прошла от периода бисмарковского исключительного закона о социалистах до крушения германской третьей империи Гитлера.

Эрнст Тельман был цельный, ясный человек и пламенный борец, слова и дела которого никогда не расходились. Нельзя сказать, что Эрнст Тельман был свободен от ошибок и заблуждений, даже ему иногда мешали в работе кое-какие традиционные пережитки. Но что безусловно возвышало Тельмана над всеми современными ему деятелями германского рабочего движения, — это его глубокий политический такт и дальнозоркость, а также неподкупная верность своим взглядам и убеждениям.

До последних дней тюремного заключения не ослабевала убежденность Эрнста Тельмана в том, что немецкий народ снова воспрянет и вернет себе доверие народов мира. В немецком пролетариате, как в самой многочисленной и наиболее передовой части народа, Эрнст Тельман видел ту социальную силу, которая может оздоровить немецкий народ. Тельман верил в неиссякаемую революционную энергию немецких рабочих. Он указал им путь Ради них он перенес одиннадцать с половиной лет тягчайших страданий. За них он отдал каплю по капле всю свою кровь.

После двух мировых войн, страшнее которых не знает человеческая история, немецкому рабочему классу, как и всему немецкому народу, предстоит решить историческую задачу — заветы Эрнста Тельмана должны осуществиться в жизни новой, мирной, демократической Германии.

Сокращенный перевод с немецкого

М. ЧЕЧАНОВСКОГО

ЖЕЛУДИ

Рассказ

Борис БЕДНЫЙ

Рисунки П. Голубя

Бригадир Кочетков приехал на станцию встречать кладовщика колхоза. Тот должен был вечерним поездом вернуться из города, куда ездил за минеральным удобрением.

В станционном буфете, где Кочетков до прихода поезда за стаканом чая коротал время, нежданно-негаданно он встретил фронтового дружка — пулеметчика той же роты, в которой сам был помощником командира взвода. Друзья обнялись, затем долго хлопали друг друга по плечам. Пулеметчик нашел, что помкомвзвода ничуть не изменился, а тому показалось, что друг на мирных харчах растолстел. Выпили кое-чего покрепче чая, вспомнили переправу через Днепр и однополчан, не доживших до мирных дней. Расспрашивая о сослуживцах-земляках, Кочетков вспомнил командира роты, спасшего ему жизнь в сорок четвертом году, а в последние дни войны раненого за Одером.

— А я его видел недавно, — обрадовал Кочеткова бывший пулеметчик. — Директором лесхоза работает в районе... Он молодчага: женился на красавице, а по лесу так рыщет, — и не подумаешь, что одна нога под Берлином зарыта!

— Жаль, что он не в нашей МТС лесным делом заправляет, — сказал Кочетков. — А то наш агроном крепко промазал: по весне собираемся лесные полосы садить, землю с осени приготовили и сеянцы кое-какие имеем, а дубков — ни одного. Ну, а что за лес без дуба?

— Приезжайте к нам, в хутор Дубовской, — пригласил пулеметчик.— у нас свиней желудями кормят!

— Свиней? Желудями?! — не поверил Кочетков.

Пулеметчик гордо кивнул головой, и на миг однополчанин исчез в нем, а выступил наружу представитель хутора Дубовского, жители которого всему району были известны своим высокомерием и непочтительностью к соседям.

— Везите корма — обменяем. Председатель колхоза у нас человек немелочный, пойдет навстречу.

— Наш председатель тоже немелочный...—обиделся за своего председателя Кочетков и разлил по стаканам остатки того, что было покрепче чая.

Приближающийся гудок паровоза положил конец беседе. Друзья распрощались. Кочетков вместе с кладовщиком перенес бумажные мешки с удобрением из багажного вагона в сани и с места пустил лошадей рысью: ему не терпелось поскорее рассказать председателю колхоза о желудях.

Бригадир погонял бы лошадей всю дорогу, если бы хозяйственный кладовщик не попридерживал его за руку.

Выгружать удобрение Кочетков предоставил кладовщику, а сам побежал в правление колхоза. Но как он ни спешил, а еще издали заметил в переулке перед правлением недавно окончившую лесоводческие курсы Ганю Огурцову, невесту.

Ганя стояла возле низкого обледенелого сруба колодца и переливала воду из бадьи в ведра. Широкая струя воды серебряно светилась в сумеречной голубизне.

Кочетков поздоровался, стесненно потоптался на месте. Ганя отломила от бадейки сосульку, перекусила пополам и протянула половинку Кочеткову:

— Погрызи, сла-адкая!

Бригадир послушно сунул пресную сосульку за щеку. Они стояли рядом, молчали и дружно хрустели льдинками. Кочетков пристально смотрел на Ганю — будто видел ее впервые. Обветренные, чуть припухлые губы Гани разрумянились от холодка сосульки, на переносье веселым просом высыпали веснушки.

— Куда это ты спешил? — поинтересовалась Ганя и, заслышав о желудях, заторопила Кочеткова: — Чего же ты стоишь? Беги скорей, а то не застанешь председателя в правлении.

Кочетков с укором посмотрел на Ганю, рванулся было бежать, но сейчас же остановился:

— Слушай, когда же мы... Надоело второй год в женихах ходить. Ведь надо мной уже люди смеются!

Веснушки теснее сбежались к переносью. Ганя легко вскинула коромысло с ведрами на плечо, непреклонно сказала:

— Как первые сеянцы зазеленеют на лесной полосе, так и поженимся.

— Надумала головушка! — опешил бригадир. — Это же одно с другим никак не связано: то лесные полосы, а то семейная жизнь... И причем тут сеянцы?

— Я так еще на курсах загадала! — упрямо ответила Ганя и зашагала к своей хате.

Ведра на коромысле качались в такт ее шагам. Тонкий белесый ободок месяца, еще не успевший налиться яркой вечерней желтизной, равнодушно зарябил в пятачках воды, — в каждом ведре по своему месяцу. Кочетков проводил глазами Ганю до калитки, чувствуя, что у него нет такой силы, которая заставила бы невесту изменить свое решение.

«Маленькая, а какую власть взяла!» — растерянно подумал он, вспомнил о желудях и виновато заспешил к правлению колхоза.

В правлении глава колхоза сидел за своим столом и старательно выписывал из газеты в пухлый председательский блокнот советы академика Лысенко о борьбе с овсюгом.

— Иван Васильевич, что я вам скажу! — крикнул Кочетков еще с порога, но председатель даже не оторвался от газеты.

«Ах, так!» — обиделся Кочетков и начал рассказ о желудях издалека. Не были забыты ни время и место встречи с пулеметчиком, ни сегодняшнее служебное положение командира роты, спасшего на войне жизнь бригадиру, ни даже сколько и что именно было выпито в железнодорожном буфете, хотя Кочетков хорошо знал, что последнее никак не могло заинтересовать председателя — человека непьющего.

Иван Васильевич нетерпеливо шуршал газетой. Но когда бригадир упомянул о желудях, газета была оставлена в покое.

— Желудями? Свиней? — недоверчиво переспросил Иван Васильевич и взглянул на ходики. — Немедля беги собирай правление!

Заседание колхозного правления проходило бурно. Кочетков вкратце рассказал о беседе с дружком из хутора Дубовского, опустив на этот раз все лишние подробности об обстоятельствах встречи. Иван Васильевич предложил выделить из зерновых отходов обменный фонд и, не теряя времени попусту, завтра же ехать к дубовским колхозникам за желудями.

Голоса разделились. Горячей всех поддерживала председателя Ганя Огурцова. Противники обмена группировались вокруг кладовщика — того самого, которого ездил сегодня встречать на станцию Кочетков. Кладовщик был бережлив и по-хозяйски расторопен, но имелся у него один недостаток, который некоторым даже нравился. Все, что находилось у него на складе, он считал как бы своей собственностью, весьма охотно пополнял содержимое кладовой, но всякую попытку уменьшить это содержимое рассматривал, как грабеж. И теперь, заслышав об угрожающей ему опасности лишиться сразу нескольких центнеров зерновых отходов, кладовщик рьяно запротестовал.

— Кто здесь громче всех кричит о желудях? — вопросил он и сам себе ответил: — Ганя Огурцова!.. А кто она такая, Ганя Огурцова?

— Вот именно: кто она такая?—поддержал оратора Иван Васильевич.

— Лесными посадками ведает — вот кто она такая! — торжествующе сказал кладовщик и пояснил: — То есть лицо заинтересованное!.. Она курсы лесные кончила, ей и не терпится, пока не перезабыла все науки, лес садить. Дайте ей волю — она весь колхоз променяет на желуди!..

И кладовщик выразил уверенность, что правление колхоза учтет это обстоятельство при решении вопроса о желудях. Несколько седобородых правленческих голов согласно закивало, обещая при решении учесть личную заинтересованность Гани Огурцовой.

— Пятьдесят лет прожил я на свете, — продолжал ободренный кладовщик, — а такого не видывал и не слыхивал, чтобы зерно — хлеб! —

меняли на желуди. Может, кто-нибудь знает такие факты? Пусть скажет...

Кладовщик выждал добрую минуту, но все молчали: никто не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь меняли хлеб на желуди. Иван Васильевич досадливо нахмурился, а обученная лесным наукам маленькая самолюбивая Ганя Огурцова, закусив губу, с ненавистью смотрела на кладовщика. Бригадир Кочетков, на правах жениха сидевший рядом с Ганей, откровенно любовался ею.

— Почему именно мы должны начинать? — спросил кладовщик. — Что мы — крайние?.. Пусть колхоз имени Первого мая покажет пример: он в передовых ходит!..

Иван Васильевич заерзал на стуле. Упоминание о соседнем колхозе, с которым они соревновались и который второй год подряд побеждал их и выходил на первое место в сельсовете, было ему неприятно, как упрек в плохом руководстве.

Спор решила заведующая молочной фермой Дарья Мироновна.

Пока Иван Васильевич воевал, она четыре года председательствовала вместо него в колхозе, и теперь Иван Васильевич часто советовался с ней. Авторитет другого председателя от этого, может быть, и пострадал бы, но об Иване Васильевиче даже первомайцы отзывались с почтением: не забыли еще, как в урожайный предвоенный год не они, а соседи были участниками сельскохозяйственной выставки в Москве.

— Тут говорили, — неторопливо начала Дарья Мироновна, — что зерно на желуди никогда не меняли. Правильно: не меняли. Только и леса в наших степях тоже никогда не садили... А без леса нам дальше не жить! Не жить! — громко повторила Дарья Мироновна. — Не знаю, как другим, а мне лично надоело каждый год засуху ждать. Не хочу больше кормить азиатские суховеи... Без зерновых отходов как-нибудь обернемся, а без желудей — нет. Ехать надо на Дубовской хутор за желудями. Завтра ехать!

— Правильно! — крикнула Ганя Огурцова.

Стали голосовать. Кладовщик остался в меньшинстве. Он злопамятно посмотрел на Ганю, но та не обиделась на него. Наоборот, она даже пожалела кладовщика: человек он был хозяйственный и колхозу полезный...

Обмен — дело дипломатическое. Дубовские колхозники к тому же известны были за людей привередливых. Иван Васильевич учел все это и решил на другой день сам съездить за желудями.

Утро выдалось солнечное и морозное. Над печными трубами вытянулись столбы дыма. Зима, устрашенная мартовскими листками календаря, спешила отгулять последние свои деньки.

Путь до хутора Дубовского был немалый, почти пятьдесят километров. Мешки с зерновыми отходами погрузили на лучшие сани, запрягли быстроногую гнедую. Иван Васильевич прихватил войлочную кошму, чтобы на обратном пути не поморозить желуди, и выехал с колхозного двора.

Проезжая мимо почты, Иван Васильевич увидел привязанного к телеграфному столбу серого в яблоках жеребца из первомайского колхоза. Он шумно дышал, перебирая тонкими точеными ногами, серые бока потемнели от пота.

«Не председатель у первомайцев, а прямо джигит! — осудил Иван Васильевич. — Из-за какого-то пустячного письма чуть жеребца не загнал... Погоди, посадим лес — навсегда вырвем у тебя первенство!»

Деревня осталась позади. Полозья раскатывались на поворотах дороги в широких, разъезженных колеях. На снежной равнине, перемежаясь, вспыхивали острые солнечные искры, слепили глаза. Застоявшаяся в конюшне гнедая, вкусно пофыркивая, старательно забрасывала передок саней размельченным снегом из-под копыт. Иван Васильевич, щурясь от яркого света, без нужды пощелкивал легким кнутиком, напевал вполголоса «Помирать нам рановато» и чувствовал себя почему-то женихом.

Закатное солнце празднично расцветило снега, когда Иван Васильевич подъехал к хутору Дубовскому. Защищая поля от ветра, широкой полосой тянулся на горизонте лес, вплотную подступал к хутору.

«Везет людям!» — с завистью подумал Иван Васильевич.

В хуторе новый просторный свинарник привлек внимание Ивана Васильевича. «Голов на сто!» — определил он и снова позавидовал. Из свинарника выглянула огромная тупая морда свиньи. «Хрюкаешь, тупорылая, — пристыдил Иван Васильевич свинью, — а того не понимаешь, что слопала целый гектар леса!..»

У самого правления колхоза дорогу перебежала длинная рыжая кошка. Иван Васильевич давно уже не считал себя человеком суеверным, но на этот раз ему стало не по себе.

— Не могла в другое время перебежать, шелудивая!.. — пробормотал он и щелкнул кнутом, но до кошки не достал.

Председателя дубовского колхоза в правлении не было: ушел в кузницу, где ремонтировался инвентарь. Чтобы не терять понапрасну времени, Иван Васильевич рассказал счетоводу о цели своего приезда. Счетовод, молодой, вихрастый и неуважительный, — такого у себя Иван Васильевич не стал бы держать и простым учетчиком — вдруг захихикал:

— Опоздали!

— Как опоздали? Скормили все желуди свиньям?

Счетовод протянул бумажный листок. У Ивана Васильевича зарябило в глазах от множества криво наклеенных полосок с печатными буквами. Это была телеграмма — длинная, с оплаченным ответом.

Председатель колхоза имени Первого мая просил дубовского председателя оставить для него полтонны семенных желудей. Он согласен уплатить деньгами или обменять на картошку.

Иван Васильевич вспомнил серого жеребца у почты. Опять опередил его первомайский председатель, из-под носа вырвал желуди. Не зря кошка перебежала дорогу!

— Больше семенных желудей у нас нету, — сказал счетовод. — Остались только мороженые...

Иван Васильевич заночевал у дубовского председателя, с которым ему приходилось встречаться на районных совещаниях. На ужин хозяйка подала вареники. И хотя творог в них был кисловат, Иван Васильевич покривил душой для пользы дела и сказал, что давно уже не едал таких вкусных вареников. А пачкотню восьмилетнего председательского сына — школьника — он назвал чистописанием.

После ужина председатели угостили друг друга табаком, и тут Иван Васильевич, предварительно похвалив аромат и крепость чужого табака, повел издалека осторожный разговор о передаче семенных желудей его колхозу.

— Желуди забронированы за первомайцами, — хмуро сказал дубовской председатель. — Мы телеграмму посылали. Слово свое менять не будем: не торговцы какие-нибудь!..

Ивану Васильевичу стало стыдно, что он подбивал человека на бесчестный поступок. Он поскорее лег спать, а на другой день чуть свет, не дожидаясь завтрака, выехал в обратный путь.

На полдороге Ивану Васильевичу попались сани из первомайского колхоза. Мешки с картошкой были укрыты соломой. Знакомый ездовой приветственно помахал трехпалой рукавицей. Иван Васильевич отвернулся и изо всей силы стегнул гнедую кнутом.

Вблизи родной деревни председатель догнал на дороге Кочеткова. Его бригада возвращалась с поля, где переставляла щиты снегозадержания.

— Как желуди? — спросил Кочетков, вспрыгивая на сани. Бригадир отвернул кошму — ту самую, которую Иван Васильевич предусмотрительно захватил с собой, чтобы на обратном пути не поморозить желудей, ощупал мешки с зерновыми отходами и протяжно свистнул: — Не горюй, Иван Васильевич, будут желуди!

— Из снега вылепишь? — сердито спросил председатель.

— Я вчера разговаривал по телефону с районом. Одолела охота услышать голос командира роты, помните, я о нем рассказывал?

— Нашел время фронтовыми воспоминаниями заниматься! — фыркнул Иван Васильевич.

— Командир роты теперь директором лесхоза работает, — с достоинством сказал Кочетков. — Я ему разъяснил, как мы тут насчет желудей бедствуем, а он говорит: «Приезжайте ко мне, в лесу с прошлого года много желудей осталось. Как только снег сойдет, можно собирать. Они в листве лучше чем на складе сохраняются...» Лейтенант по телефону целую лекцию прочитал, как желуди собирать. Главное, не повредить ростков. А при перевозке переложить желуди листьями или мохом, и потом поскорее в землю садить, — будут расти за милую душу!.. Я уже советовался с Дарьей Мироновной. Она думает за желудями девушек с Ганей Огурцовой послать. Говорит: «Пусть работают по специальности, привыкают к лесу». А по-моему, нечего девчонку в такую даль отправлять. Это она только здесь бойкая, а там растеряется среди чужих людей!..

Председателю на миг припомнилась рыжая дубовская кошка, и он еще раз дал себе зарок не обращать в будущем внимания на стариковские приметы.

У почты Иван Васильевич остановил лошадь. Он послал телеграмму с оплаченным ответом в районное село, в адрес лесхоза. Сообщал, что представитель их колхоза выезжает в лесхоз немедленно, а пока просил забронировать за ними участок дубового леса с лучшими семенными желудями.

— Немедля зови ко мне Ганю Огурцову! — весело сказал Кочеткову председатель, выйдя на крыльцо почты. — Ехать придется ей.

«Достался с этими желудями на свою голову!» — мрачно подумал бригадир и очень внимательно посмотрел на почтовый ящик, словно прикидывал, не узка ли его щель для писем, которые он будет писать невесте, когда та уедет собирать желуди.

— Что нос повесил? — спросил Иван Васильевич. — Смотри веселей. Как только вернется Ганя из командировки, сыграем свадьбу. Я весь свой председательский авторитет пущу в ход, уговорю ее поторопиться!

Кочетков отвернулся от почтового ящика, повеселевшими глазами глянул с высоты крыльца на деревню.

Дружно дымили печные трубы. В розовеющем вечернем воздухе прерывистые оранжевые облака дыма низко стлались над крышами — к потеплению.

В старой Англии

Путевые впечатления

И. Е. ГЛУЩЕНКО,
доктор биологических наук, профессор

В Англии я впервые. Из литературы знаю, что недалеко от Лондона есть графство Кент, где находится деревня Даун. Там сорок лет жил, трудился и окончил свой славный путь творец эволюционного учения Чарлз Дарвин.

Я попросил показать Даун — место паломничества многих русских людей. Но оказалось, что это желание не так легко исполнить. Мне не могли толком сказать, где расположен Даун и как туда проехать. Пришлось наводить справки, добывать карты.

Через полтора часа мы у цели. Тихий, хорошо сохранившийся уголок. В 1929 году хирург Бекстон Браун на собственные средства купил дом Дарвина, собрал его вещи, книги и открыл музей. (Снимок вверху.)

Первая комната — так называемый «новый кабинет», где Дарвин провел последние пять лет своей жизни. Она полна вещей, которыми пользовался ученый преимущественно во время своего знаменитого кругосветного путешествия на корабле «Бигль». Здесь примитивный микроскоп, лупа со штативом, готовальня, бритва, нож, горный молоток, пистолет, чучела редких пород голубей. Под стеклом витрины хранятся небольшие записные книжки, содержащие черновые заметки и наблюдения молодого натуралиста. Бережно перелистываем их. Записи рисуют образ исследователя-гуманиста, ненавидевшего рабство и деспотизм колонизаторов.

8 апреля 1832 года, будучи в Южной Америке, он отмечал:

«Деревня Ит построена по типу поселений готтентотов. Бедные негры, возможно, этим пытаются уверить себя, что они находятся в стране своих отцов. Утес, с которого бросилась старуха».

В его «Путевом дневнике» находим более подробное, разъясняющее описание: «Место это известно тем, что долго служило убежищем беглых рабов... Наконец, их открыли. Посланный отряд переловил всех, за исключением одной старухи; женщина эта, чтобы не попасть опять в рабство, бросилась с вершины горы и разбилась в прах».

В записной книжке от 14 апреля читаем: «Негры работают до изнеможения еще долго после наступления темноты».

На другой день появляется такая запись: «Выехал рано в поместье м-ра Леннона... Репутация хозяина настолько плоха, что нас предупредили, чтобы мы помнили о возможности отравления. Негры находятся в жалких условиях».

В период плавания «Бигля» у берегов Южной Америки колонизаторы вели беспощадную истребительную войну против индейцев. 5 сентября 1833 года Дарвин внес в дневник: «Четверг. Стрельба из пушки в знак победы, одержанной над индейцами высоко в горах, между Колорадо и Рио-Негро. Всего 113 индейцев; все взяты в плен; 48 человек убито... Всех женщин старше 25—26 убивают. Мой проводник ничего плохого в этом не видит и считает даже необходимым, так как они очень сильно размножаются... Четыре человека поодиночке сбежали, один убит, остальные пойманы... Всех трех выстроили в ряд; от первых двух потребовали, чтобы они ответили, что им было поручено, и т. д. Они отказались ответить, и их расстреляли; когда спросили третьего, он, как и первые двое, ответил: «No se» (не знаю) и прибавил: «Стреляйте, я знаю, как надо умирать».

«Благородные патриоты»,— заключает ученый...

Вторая комната — гостиная. Стол, стулья, диван, на котором отдыхал Дарвин, слушая музыку. На стене огромный портрет его друга и первого пропагандиста дарвинизма — знаменитого Томаса Гексли (Хаксли).

В старом рабочем кабинете все, как было при жизни Дарвина. Посредине стол с чернильницей и гусиным пером. Справа и слева книжные полки. Много справочных изданий и словарей.

Нам показывают «Краткий очерк теории Дарвина» в изящном переплете зеленого цвета. На книге надпись: «Мистеру Чарлзу Дарвину с глубоким уважением и безграничным восхищением. Автор».

Эта книга — подарок К. А. Тимирязева, который был здесь 25 июля 1877 года. В статье «У Дарвина в Дауне» Тимирязев рассказывает о своем визите. Несмотря на преклонные годы, а главное, болезнь, Дарвин принял русского ученого и провел с ним несколько часов в оживленной беседе на самые разнообразные темы, подчеркивая свои симпатии к русскому народу, к трудам Тимирязева и палеонтологическим исследованиям Владимира Ковалевского.

С полки достают вторую книгу. Это «Капитал» Карла Маркса. На книге написано: «Мистеру Чарлзу Дарвину от его искреннего почитателя. Карл Маркс. Лондон 16 июня 1873 года. 1, Модена вилла, Мэйтланд Парк».

Дарвин ответил Марксу:

«1 октября 1873 года.

Милостивый Государь! Я благодарю Вас за честь, которую Вы оказали мне присылкой Вашего великого произведения. Я от всей души желал бы достичь большего понимания глубоких и важных политико-экономических вопросов и тем самым оказаться более достойным этого подарка. Как ни различны области наших исследований, я думаю, что мы оба серьезно стремимся к распространению знания, и что знание, в конце концов, несомненно, будет способствовать счастью человечества. Остаюсь преданный Вам

Чарлз Дарвин».

Нас ведут в сад и оранжерею, где Дарвин проводил свои опыты. В оранжерее запустение. Выращиваются томаты и огурцы для обслуживающего персонала. Во дворе сохранился круглый камень, у которого старый и больной Дарвин производил свои последние опыты, изучая роль дождевых червей в образовании почвы.

— Я хочу подарить вам ветку розы, посаженной Дарвином,— говорит руководитель музея м-р Хаврат.

Меня подводят к разросшемуся кусту розы и срезают черенок...

Прощаясь, мы спросили работников музея:

— Сколько бывает у вас экскурсантов?

— Немного. До войны было больше.

— Ведется ли какая-либо исследовательская работа в этом дорогом для биолога месте?

— Нет.

— Есть ли кафедры дарвинизма в университетах Англии?

— Нет.

— Есть ли полное издание сочинений Дарвина на английском языке?

— Нет.

— Какой тираж сочинений Дарвина, изданных в Англии?

— Неизвестно. Вряд ли кто-нибудь ответит на этот вопрос.

Нет, не нашел Чарлз Дарвин отечества на Британских островах. История определила его родину на Большой земле Тимирязева, Павлова, Мичурина!

* * *

Маркс и Дарвин — два ученых, с именами которых неразрывно связан минувший век и сегодняшний день нашей страны. Каждый из них сделал открытия, которые перевернули не только целые отрасли знания, но и мировоззрение миллионов людей.

Как же чтут в Англии память гигантов человеческой мысли?

Рядом с английским парламентом поднялось ввысь знаменитое Вестминстерское аббатство, где похоронен Дарвин. Тут много роскошных гробниц полководцев, лордов и членов королевских династий. Все они заботливо огорожены.

Но где же гробница Дарвина? Я обошел все закоулки и не смог найти ее. Мне посоветовали внимательно осмотреть могильные плиты, зарытые в полу. Наконец читаю на серой плите: «Чарлз Дарвин. Родился 12 февраля 1809, умер 19 апреля 1882». В нескольких шагах, также в полу, черный мрамор, под которым покоится прах Исаака Ньютона...

Но, может быть, в Кембридже — старейшем учебном заведении страны, где учился Дарвин,— он увековечен так, как того достоин?

Мы в Крайст-колледже. Просим показать комнату Дарвина. Некоторое замешательство. Устроители экскурсии о чем-то спорят между собой. Дальше следуют извинения, что комнату показать нельзя, ибо там идет ремонт. Несколько минут спустя нас все же проводили туда. Оказалось, что ремонт — выдумка. Обычный жилец — работник университета — кипятил там свой кофе. Только скромный маленький барельеф в стене с изображением Дарвина свидетельствовал о том, что здесь жил великий ученый.

Кладбище Хай-Гейт. Скученность невообразимая. Отыскиваем могилу Маркса. Она хранит прах Маркса, его жены, внука и друга семьи — Елены Демут. С этой скромной усыпальницей связано для трудящихся всего мира то прошлое, что живет сегодня и будет жить в веках, то прошлое, что вошло в мировую

науку и помогает передовому человечеству строить светлое будущее.

* * *

Люди науки в Англии. Больше всего было встреч с биологами. Они разные как по занимаемому положению, так и по взглядам. Среди них есть друзья и враги нашей страны, есть прогрессивные деятели и оголтелые реакционеры.

Но есть одно общее у всех ученых — интерес к советской науке и, в частности, к биологической. Друзья усиленно изучают мичуринскую агробиологию, перечитывают стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук «О положении в биологической науке», сочинения И. В. Мичурина, «Агробиологию» Т. Д. Лысенко и другие труды. Враги Советской страны и ее науки также «интересуются» советской биологией, но не утруждают себя, однако, ее изучением. Им больше по нутру газетная клевета, в крайнем случае, краткий реферат.

Прогрессивные ученые высоко оценивают достижения советской биологической науки. Так, Дж. Файф (Кембридж), рецензируя отчет «О положении в биологической науке», пишет: «Эта книга дает нам беспримерную возможность видеть, как решаются и развиваются коренные вопросы на важном участке советской жизни. Это возможность, пренебречь которой для нас гибельно».

Свою статью Файф заключает: «Если нам не удастся понять значение глубоких изменений, происходящих в жизни СССР, нам не удастся познать великую творческую силу, освобожденную социальной революцией». В другой статье он ссылается на нашу биологическую дискуссию, как на «выдающийся пример демократизма в науке».

Профессор П. У. Брайен, критикуя догмы морганизма, противопоставляет им положения мичуринской генетики. «Стенографический отчет» он считает трудом, который «служит в настоящее время наилучшим введением в мичуринскую литературу».

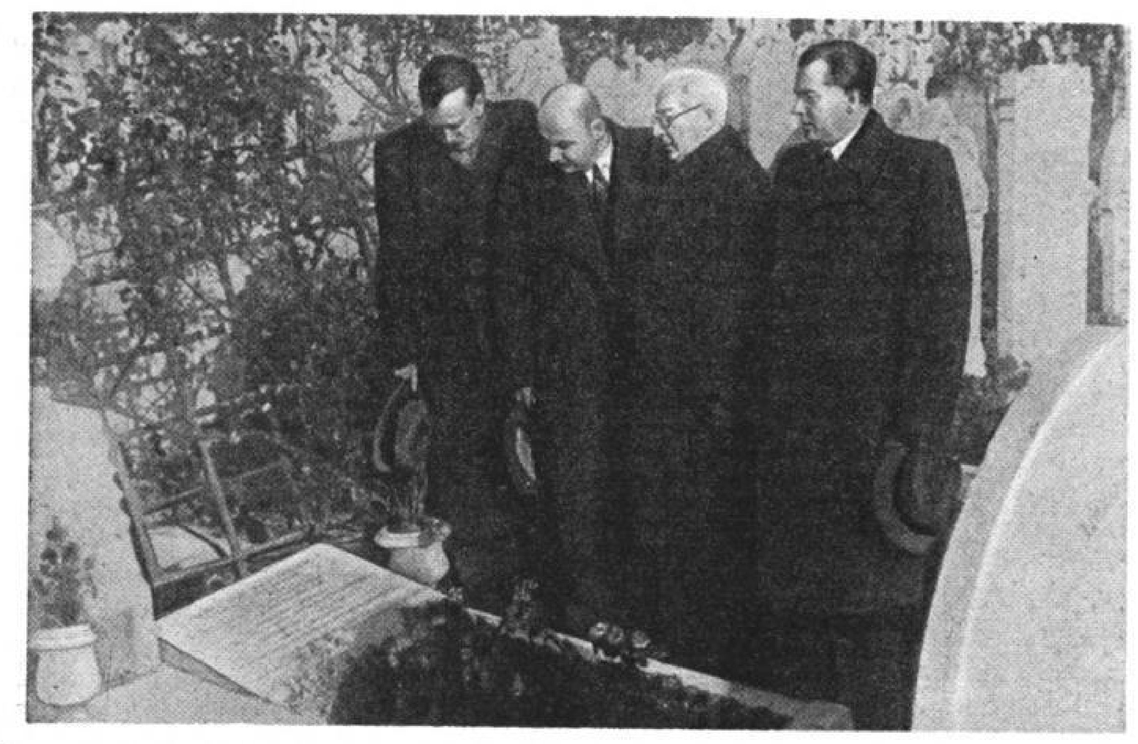
Известный биолог-животновод профессор Хэммонд демонстрировал нам в Кембридже свои разнообразные эксперименты, показывающие роль условий жизни в формировании наследственности.

Спрашиваю его:

— Значит, правы были старые английские скотозаводчики, когда утверждали: «Порода лезет через рот»?

— Безусловно, правы. В процентном отношении это, пожалуй, будет выглядеть так, что становление новой породы животного зависит наполовину от организма и наполовину от того, чем и как его будут кормить.

Несколько слов о своеобразных чертах типичного английского ученого. В первую очередь он занят регистрацией, накоплением фактов. Из них делаются прямые, формальные выводы, без попыток анализа. Выводы-схемы. Под эти схемы подгоняются новые факты.

Члены советской делегации у могилы Карла Маркса в Лондоне (слева направо): Д. Б. Кабалевский, И. Е. Глущенко, В. П. Волгин, П. Г. Тычина.

Приведу характерный пример. Университет в Глазго. Здесь работает генетик-морганист Пантекорво. Его экспериментальный объект — плесневидный гриб — аспергиллус. В его лаборатории — небольшой заставленной комнатке — чашки Петри, пробирки, бинокуляр. На столе книга «Вегетативная гибридизация растений».

— Почему,— спрашиваю,— вас заинтересовала моя книга?

— Видите ли, коллега, я получаю на плесневидных грибах факты, аналогичные вашим, полученным на томатах.

Дальше последовал подробный рассказ. Его суть свелась к следующему: были получены две формы аспергиллуса, резко различные по своим наследственным особенностям. Одна имела зеленую окраску, другая — желтую. Убедившись в стойкости этих признаков, Пантекорво высеял вместе обе формы. Они срослись между собой и дали общую грибницу. Грибница образовала органы вегетативного размножения, так называемые конидии. Оказалось, что они разные по своей окраске: часть зеленых и часть желтых. Мы высказали свой взгляд: на грибах подтверждена дарвиновско-мичуринская идея вегетативной гибридизации — явление, доказывающее, что можно создать новые формы не только скрещиванием различных особей, но и при помощи обычного сращивания, прививки разных организмов.

Иначе говоря: наследственность не есть раз навсегда заданное и только количественно размноженное вещество, якобы гнездящееся в ядрах половых клеток, как уверяют морганисты. Наследственность — это свойство живого требовать определенных условий жизни, причем им обладает любая частица в любой клетке организма. Это свойство наследственности можно изменять путем изменения условий жизни организма.

Пантекорво не согласился с таким толкованием полученных им фактов. Он продолжал настаивать на том, что наследственным свойством обладает только ядро. Изменения окраски плесневидного гриба от сращивания двух наследственно различных форм, по его мнению, контролируются соответствующими ядрами.

— Вы утверждаете,— говорю я,— что ядра определяют характер изменений, а какие же у вас доказательства этому утверждению? Ведь в микроскоп нельзя увидеть естественную окраску ядра и тем более нельзя проследить путь ядра?

Пантекорво не ждал этого вопроса. Минут десять он напряженно думал, как доказать определяющую роль ядра. Наконец ответил:

— Да, у меня нет доказательств.

Характерная особенность советских ученых — ясное сознание цели эксперимента. Можно сказать, что эксперименты английских биологов, с которыми нам пришлось встречаться, никакой цели не преследуют. Просто идет погоня за фактами.

В Лондонском университете работает прогрессивный ученый профессор Пенроз. Он регистрирует прирожденные уродства пальцев рук. Таких фактов накоплено тысячи. Все они старательно описываются.

— Какие же выводы вы делаете из этого?

— Никаких, мы просто пока собираем факты.

* * *

Прогрессивные английские ученые не скрывают своих симпатий к работе советских исследователей. Но, как мы уже указывали, есть в Англии в ученой среде и наши враги. К ним следует отнести в первую очередь биолога в отставке, профессора Джулиана Хаксли, нынешнего главу ЮНЕСКО — так называемого научно-просветительного учреждения Организации Объединенных Наций. Отмечу, что он внук знаменитого друга Дарвина — профессора Томаса Хаксли. Удивительно, как ничтожен

Кабинет Чарлза Дарвина в Дауне.

внук по сравнению с дедом! Последний год Джулиан Хаксли особенно активен, заполняя клеветническими статьями журналы, газеты. Его книга «Советская генетика и мировая наука» восторженно встречена английской реакционной прессой.

Хаксли всячески старается умалить и опорочить достижения советской агробиологической науки. Что же он проповедует? С чем он не согласен? Ему не нравится, что в СССР «отвергнута универсальность и надгосударственный характер науки», что «наука разделена на советскую и буржуазную». Собственно говоря, в этих словах вся «философия», все «кредо» Хаксли.

Никто не поручится, что он сам верит в то, что пишет. Как известно, наука во всех странах всегда имела и сегодня имеет чисто государственный, то есть классовый, характер. За примерами ходить недалеко. Люди науки (по мнению Хаксли, «надгосударственные») открыли атомную энергию. Вместо того, чтобы поставить ее на службу человечеству, как этого добивается Советский Союз, империалистические хозяева Америки держат ее в абсолютном «секрете», борясь за то, чтобы это открытие принадлежало только им. Цель — обеспечить интересы буржуазии в подготовляемой ею новой мировой войне против Советского Союза.

Конечно, профессор Хаксли не выступает со статьями, разоблачающими политику государственных деятелей Америки. А между тем отдельные люди науки поднимают свой голос протеста против атомной дипломатии. Припомним хотя бы книгу английского профессора Блекета «Военные и политические последствия атомной энергии» или выступления профессора Бернала.

Профессор Хаксли — не генетик, но в последнее время усиленно занимается вопросами мичуринской генетики. Учиться, безусловно, никогда не поздно, но беда в том, что он решил не сам учиться, а учить других.

Он заявляет, что ни один из результатов Т. Д. Лысенко «не был подтвержден какимлибо другим ученым в других странах». Подобные высказывания, рассчитанные на неосведомленного английского читателя, могут ему показаться убедительными. Но Хаксли скрывает от своего читателя то существенное, о чем недавно поведал Л. Сакс (Кембридж) на страницах журнала «Нейчур» (т. 164, 1949 г.).

«Многое писалось,— говорит Сакс,— об экспериментах и научных выводах Лысенко и его сотрудников. Однако почти не делалось попыток критического подтверждения русских данных. Так, хотя опыты по вегетативной гибридизации в значительной степени послужили основой некоторых предложенных Лысенко теорий, в Великобритании до сих пор не было опубликовано сообщения о повторении какихлибо из этих исследований».

Если подобные опыты не ставились в Англии, то, может быть, они имели место в Америке? Обратимся к журналу «Спектейтор», (18 ноября 1949 года), где Рональд Франкенберг (Кембридж) пишет:

«Доктор Хаксли говорит, что «яровизация» и «гибридизация» (имеется в виду вегетативная гибридизация. — *И. Г.*) еще не были подтверждены за пределами России; может ли он сказать, где пытались ставить подобные эксперименты? Профессор Шпитцер (университет штата Орегон) был смещен со своей должности за то, что он предложил прочитать работу Лысенко».

Любопытно, что скажет теперь Хаксли о «надгосударственном» характере науки?

Нетрудно понять, что он и его последователи не имеют ничего общего с наукой. Они пугаются самой мысли о постановке мичуринских экспериментов, ибо знают, что это взорвет реакционную морганистскую генетику.

Несколько слов об одном, так сказать, частном вопросе. Во время нашего пребывания в Англии в журнале «Спектейтор» Хаксли писал, что «после лекции И. Глущенко (лекция на тему «Основные положения мичуринской генетики» была прочитана в Лондоне в октябре 1949 года. — *И. Г.*) западные биологи могут быть более чем когда-либо уверены, что большая часть мичуринской теории... либо устарела, либо утратила свой смысл в свете последних достижений неоменделизма и других аспектов западной генетики».

Если это так, то чем Хаксли объяснит тот громадный интерес, который проявляют к мичуринской генетике английские ученые, интеллигенция, студенты? Ведь он сам был свидетелем того, как воспринимались наши лекции.

Напомню Хаксли, что, например, в Кембридже зал не мог вместить всех желающих.

Не только английские ученые, но и простые люди интересуются работами советских биологов-материалистов. Недавно в адрес Академии наук СССР прибыло письмо из города Глазго:

«Дорогие друзья, являясь старым другом Советского Союза и прочитав книгу Лысенко «О положении в биологической науке» и «Избранные произведения» Мичурина, я очень интересуюсь вашей деятельностью». Дальше автор письма рассказывает о своей шахтерской жизни и о желании выращивать мичуринские сорта растений.

С подобного рода письмами обращаются из-за рубежа многие трудящиеся.

* * *

Простые английские люди. В их памяти еще свежи бедствия и разрушения второй мировой войны. Ее последствия сделали жизнь рабочих и интеллигенции невыносимо тяжелой. Достаточно сказать, что в Англии и поныне существует карточная система на основные продовольственные продукты. Нормы мизерные; так, например, в неделю на человека полагается всего 350 граммов мяса. Обычно английские рабочие и служащие получают свой паек в субботу. В воскресенье семья садится за стол и в один присест съедает недельный паек.

— А как вы живете в остальные дни недели?

— Овощи и рыба нас спасают. Это пока не нормируется.

— Сколько стоит у вас, например, килограмм масла?

— Не знаем. Мы его килограммами не покупаем. Это просто невозможно, немыслимо. Ведь мы одиннадцать лет живем по карточкам. Кроме того у нас масло в натуральном виде не продается. Это суррогат.

Средний англичанин голоден, плохо одет. В городе Денди со мной разговаривала жена машиниста паровоза. Машинист — это сравнительно высокооплачиваемая профессия. У женщины бледное и изможденное лицо. Муж зарабатывает в неделю 6 фунтов стерлингов и 4 шиллинга, из которых на хозяйство отдает 5 фунтов и 8 шиллингов, а остальные оставляет на проезд к месту работы. Как же распределяются эти трудно заработанные деньги? Около 3 фунтов идет на питание, 12 шиллингов — на уплату за квартиру, 10 шиллингов — на освещение и отопление.

— У нас есть еще дети, которых надо учить,— говорит жена машиниста.

Беседу она заканчивает восклицанием:

— Какое счастье, что муж и я не курим! Ведь знаете, на табак уходит очень много денег.

В том же городе вечером собрались представители местных общественных организаций, деятели Общества культурной связи с СССР. Они пожелали встретиться с членами советской делегации.

Мы рассказали о том, что наша страна богата природными ресурсами, богата силами и способностями трудового народа, передовым революционным учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. История — на нашей стороне, говорили мы, ее законы неизбежно ведут человечество к коммунизму. И мы хотим, чтобы наш мирный труд никто не нарушал. Прошлая война стоила нам больших человеческих и материальных жертв. Мы хотим мира не потому, что мы слабы; нам дорога жизнь людей, нам дороги приобретения человеческой культуры, которые могут быть уничтожены в результате войны.

Мы говорили о том, как восстанавливали и как развиваем наше хозяйство, как строим жизнь. Аплодисментами было встречено заявление о том, что в селах Российской Федерации каждые пять минут вырастает новый жилой дом.

Выступивший на этом собрании председатель городского совета профсоюзов Беркли заявил:

— Приятно было слушать слова правды о Советском Союзе, которую скрывает от нас английская печать. Мы гордимся советским народом, его достижениями. Но, к сожалению, нам похвалиться нечем. Скажу вам, советские гости, что наш город занимает третье место в Англии по заболеванию туберкулезом. Скажу еще и то, что мы ничего не строим, а жилищный кризис усугубляет и без того наше тяжелое положение...

...В Глазго — большом промышленном центре — в зале филармонии собралось на митинг свыше тысячи человек. На стенах портреты первого борца за мир во всем мире — великого Сталина. Выступает оратор за оратором. Они клеймят незадачливых руководителей английского правительства — верных прислужников американского империализма. Они заявляют о том, что если реакционеры развяжут силы войны, то шотландцы не будут воевать.

Сталин — это мир! Эта фраза стала крылатой, и английский народ верит, что Сталин сделает все, чтобы не допустить развязывания темных сил войны.

— Мир, а не война! — говорят на митингах трудящиеся Лондона, Глазго, Манчестера, Эдинбурга, Ливерпуля и других крупнейших городов Англии.

Рассказ о Королевской площади в Берлине

В. СУББОТИН

Взлетали в небо гулкие ракеты,
Звенело вешних струек серебро.
В полки пришли солдатские газеты
Уже без сводок Совинформбюро.

Подъезд рейхстага.
В ярости осадной
Дрожат фигуры вздыбленных коней.
И серый камень площади парадной
Встревоженно еще гудел: по ней
К рейхстагу из развалин от реки
Бежали мы, в огне, в железном гаме...

Здоровались британские стрелки
Потом почтительно в Берлине с нами.

И рослые прошествовали янки,—
Необычайно веселы они..
Вдоль набережной крупповские танки
Их удивляли месивом брони.

Те праздничные промелькнули дни,
Победною овеянные новью,
И ярмарку устроили о н и
На площади, омытой нашей кровью.

Консервами набив тугие ранцы,
Среди могил, над осыпью траншей
Сновали шумно янки и британцы
С развязностью завзятых торгашей.

Осыпанные глиной и известкой,
Мы в майский день торжественно клялись,
Как счастье долгожданное, геройски
Добытый мир отстаивать всю жизнь.

Казалось, он навеки наступил,
Не вспыхнут битвы вновь на белом свете.
Теперь с поющей высоты стропил
Мы видим: неспокойно на планете.

Избороздив моря во все концы,
Грозя войной, уже готовят силы
И сумрачного Лондона дельцы
И черного Нью-Йорка воротилы.

Но пусть они припомнят сорок пятый,
Прославленную грозную весну.
Берут в штыки советские солдаты
На Королевской площади войну.

П. Кривоногов. СОВЕТСКАЯ КОННИЦА В БОЯХ ПОД МОСКВОЙ.

Д. Пяткин. ГРОЗНЫЙ ГОД. ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА МОСКВЫ.

И. Лукомский. КЛЯТВА СТАЛИНГРАДЦЕВ И. В. СТАЛИНУ.

Рост мастерства

Б. ПОЛЕВОЙ

В одном из залов выставки работ военных художников студии имени М. Б. Грекова нам довелось стать свидетелями примечательной сцены. Трое военных, офицеры, и, судя по нескольким рядам орденских лент, люди бывалые, много воевавшие, поднялись на возвышение, с которого обозревается панорама, воспроизводящая один из самых грандиозных и патетических эпизодов Великой Отечественной войны — разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом. Они окинули взглядом освещенное сильными электрическими огнями полотно и застыли во взволнованном изумлении. Это было в один из праздничных дней. Толпы посетителей поднимались на возвышение, осматривали панораму, уходили, а эти три ветерана стояли, указывали друг другу на детали картины и вполголоса, точно боясь спугнуть эти живо и ярко восстановленные перед ними силой искусства картины боевого прошлого, говорили друг другу:

— А вот там, вон, у покосившегося телеграфного столба, был КП моего соседа...

— Тут вот мои разведчики взяли переодетого немецкого полковника.

— А там, видите, где речушка, там майора Мартыненко убило.

— Точно во сне все снова видишь!..

— Почему же во сне?.. Все, как наяву. И денек такой же. Помните? Легкий морозец. А люди-то, люди-то!.. Орлы!.. Ох, были дни!..

Так, позабыв о каталогах выставки, не замечая проходившего мимо них потока незнакомых людей, три ветерана войны, стоя перед талантливым произведением искусства, переносились мыслями к дням великой битвы на Волге, битвы, где Советская Армия, руководимая сталинским полководческим гением, решала судьбы войны.

Может ли быть для художника более благородная цель, чем так вот правдиво и ярко запечатлеть интереснейшие страницы истории нашего социалистического государства, великие победы и подвиги советского народа, подвиги непревзойденные, немеркнущие, воспроизвести эти страницы так вдохновенно, чтобы, глядя на полотно, «бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они», а юноши, созерцая великие дела своих отцов, вдохновлялись ими для новых побед в борьбе за коммунизм!

Я рассказал о том, что видел в зале, где экспонировалась панорама финала Сталинградской битвы, потому что случай этот, как мне кажется, хорошо отражает то, что чувствует посетитель и, в особенности, участник минувшей великой войны, осматривая полотна, скульптуры и картины на выставке работ военных художников студии имени Грекова.

В годы войны члены этого небольшого и талантливого коллектива были разбросаны по всему гигантскому фронту. Они не только очевидцы, но и активные участники многих великих битв. Так, например, художник П. Кирпичев был высажен с советским десантом под Новороссийском и перенес все тяготы легендарного сражения на «Малой земле», чтобы запечатлеть эпизоды этого удивительного подвига советских воинов. На войне работа художников студии носила характер боевого и острого репортажа с фронта. Накапливались впечатления, эскизы, зарисовки, создавались плакаты и острые антифашистские листовки, поднимавшие боевую ярость советских воинов, разившие врага, как пуля и штык.

После войны для художников студии наступила пора осмысливания и обдумывания военных впечатлений, пора совершенствования своего мастерства. И сейчас, следя за их работой, радостно видеть, как от выставки к выставке растет мастерство, повышается идейный и художественный уровень произведений, как от рисунков, талантливо воспроизводящих отдельные эпизоды великих битв, художники переходят к большим полотнам, становятся мастерами станковой живописи. Этот творческий рост можно, в частности, проследить по работам двух художников, старых студийцев.

Еще в дни боев скульптор Е. Вучетич сделал свою, теперь уже широко известную серию скульптурных портретов героев Отечественной войны и подготовил проект памятника генералу Ефремову в Вязьме. На отчетной выставке демонстрировался макет генерального плана памятника воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом, поставленного в Берлине. Это один из величественнейших монументов современности, проникнутый высоким духом социалистического гуманизма. Тут же последние работы этого выдающегося мастера советской скульптуры — портреты К. Е. Ворошилова и героя-солдата Александра Матросова.

Во время войны художник П. Кривоногов выставил картину «Волоколамск», написанную по горячим следам великой битвы под Москвой. Это полотно, носящее на себе следы фронтовой спешки, сильно своей жизненной правдой. Следующая крупная работа художника — «Корсунь-Шевченковское побоище», изображающая победный для Советской Армии финал грандиозной битвы,— произведение, значительно более зрелое и по композиции и по исполнению. Законченное Кривоноговым в прошлом году полотно «Победа», рисующее ликование советских воинов у только что взятого рейхстага, получило всенародное признание и было удостоено Сталинской премии. В этом году художник выступил с новой монументальной картиной — «На Курской дуге» — и с большим батальным полотном «Атака конницы», прекрасно передающим боевой порыв советских воинов.

О таком же творческом росте свидетельствуют полотна К. Китайка и скульптурные портреты И. Першудчева, увековечившие героев штурма рейхстага.

Особенно следует отметить экспонировавшиеся на выставке панораму и диораму. В сталинскую эпоху, щедро отмеченную массовыми подвигами советского народа, этот вид искусства приобретает исключительное значение. Он дает возможность навеки запечатлеть для грядущих поколений выдающиеся эпизоды борьбы за коммунизм. Верные традициям М. Б. Грекова — зачинателя советской панорамы, — художники студии его имени смело взялись за это большое и важное дело. Советским зрителям широко известны работы А. Горпенко, А. Стадника и П. Жигимонта, создавших диораму «Форсирование Днепра», и П. Корецкого и И. Евстигнеева, воскресивших картины боев на Одере. Авторы этих работ получили Сталинские премии.

Замечательная панорама финала Сталинградской битвы, написанная А. Горпенко, П. Жигимонтом, Г. Марченко и Н. Андрияка, и диорама П. Корецкого, воспроизводящая один из эпизодов наступления Советской Армии под Москвой, — хороший подарок народу. Хочется пожелать художникам, смело взявшимся за этот большой и сложный вид искусства, новых, еще больших достижений.

Интересны графические работы В. Богаткина и П. Баранова, в особенности серии их рисунков, посвященные Москве и городам-героям. Художникам удалось ярко и очень верно запечатлеть мужественный облик этих городов в тяжелые дни их обороны. Большим и пламенным патриотизмом, несгибаемой волей советских людей, их верой в победу дышат эти правдивые рисунки. Хотелось бы, чтобы художники усилили эти серии отображением наиболее значительных и решающих страниц в истории Великой Отечественной войны — таких, как парад войск на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года, прорыв блокады Ленинграда, поднятие советского государственного флага над бастионами освобожденного Севастополя. Такие рисунки обогатили бы эти серии и хорошо завершили бы их.

Художник Б. Неменский, известный своей лирической картиной «Мать», выставил новое жанровое полотно «Друзья-однополчане», очень простое по замыслу и очень лирическое по содержанию. Солдаты читают полученное одним из них письмо из дому. Таково содержание этой картины. Но художник сумел на этой простой теме показать военную, боевую дружбу, показать, как радость одного солдата становится радостью всей полковой семьи, тепло запечатлеть светлые образы советских воинов. Несомненная удача И. Евстигнеева — лирическое полотно «Концерт в землянке».

Среди батальных картин обращают внимание полотна молодого художника П. Пинкисевича, хорошо передающие жар борьбы, стойкость советских воинов, их волю к победе, а также картина А. Кокорина «Таманский поход», воскрешающая одну из героических страниц в истории Советской Армии. Эта вещь, исполненная в грековской манере, — произведение горячее, яркое, самобытное.

Выставка в целом, несомненно, обнаружила большие и радостные для советского искусства успехи военных художников. Она убедительно показала, как плодотворно отражается — в особенности на работе молодых мастеров — принцип коллективности, принятый в этой студии, творческой коллективности, при которой все студийцы под руководством члена-корреспондента Академии художеств лауреата Сталинской премии Н. Н. Жукова обсуждают свои картины и скульптуры в процессе работы над ними.

Новая выставка военных художников студии имени Грекова — один из многих показателей расцвета и совершенствования социалистического искусства.

Ю. Иванов.— На вахте.

Только вперед!

(Письмо из Польши)

Когда четыре года тому назад Тадеушу Грабко сказали в заводской конторе, что он будет доменщиком или сталеваром, Грабко этому не поверил и даже немного обиделся. В самом деле, ушел он из своего села в город с серьезным намерением — поступить на завод, а тут его вроде на смех подымают. Люди как будто солидные, ученые, а такое говорят, что не знаешь, как и ответить. Сталеваром, говорят, будешь — словно он, Тадеуш Грабко, не из темной краковской деревни пришел, а из гимназии. У него и грамоты-то всего за три класса. Нет, на черную работу он согласен, если, конечно, такие рабочие заводу нужны. А если нет — пустыми разговорами нечего заниматься, придется искать подходящее занятие в другом месте...

Но людям металлургического завода «Бобрек» уже приходилось встречаться с подобными парнями. И они Тадеуша Грабко никуда не отпустили.

— На черную работу, так на черную. Идет, берем. Только попомни наше слово: не такое теперь время, чтобы на одном месте стоять. Придется, парень, вперед двигаться...

Вначале Тадеуш Грабко знал только заводской двор да свою квартиру. Работал он прилежно, но особенного интереса ко всей жизни завода не проявлял. Так и шло до тех пор, пока приятели не затащили его однажды в заводской клуб. Тадеушу понравились в клубе уют, тишина, игра пожилых людей в шахматы, веселая музыка и песни, которые неслись из разных комнат. В другой раз он слушал лекцию о будущем Польши. Тадеушу показалось, что он воочию видит и завод «Бобрек» совсем иным, более крупным и мощным, и множество других новых заводов в разных углах страны, и машины, которых ни город, ни село раньше не знали, и новые дома, школы, клубы, театры, санатории...

Он стал ходить в клуб чаще, посещая все лекции, беседы, спектакли. В библиотеке его уже считали своим человеком. Все больше проникался он сознанием, что нужно учиться и стать у более подходящего дела, чем черная работа на заводском дворе.

...С Тадеушом Грабко мы встретились субботним вечером в библиотеке. Он выбирал для себя новые книги. В нем уже мало осталось от деревенского парня, который пришел на завод четыре года тому назад. Он стал помощником сталевара, как предсказали люди, беседовавшие с ним в заводской конторе. Он был уже членом Объединенной рабочей партии Польши.

Много ли на заводе таких людей, которые пришли сюда из деревни, не имея никакой квалификации, а ныне стали настоящими индустриальными рабочими?

— Много! — отвечает на этот вопрос директор завода, инженер Эдуард Уфналевский. — Очень много. За последние два года к нам поступило 900 человек. Нашему заводу, который начали одновременно с восстановлением реконструировать, требовались доменщики, сталевары, электрики, крановщики, сварщики, слесари. Мы знали, что квалифицированных рабочих нам никто не даст, что их нужно выращивать. И мы это делали и продолжаем делать...

Многие приходили на время, в расчете заработать денег и кое-что справить в своем небольшом, чаще всего одно — двухгектарном, хозяйстве. Чтобы таких людей превратить в кадровых рабочих, нужно было расширить их кругозор, переделать их психологию.

Эту задачу взял на себя, среди прочих, заводской рабочий клуб, центр всей политико-просветительной работы на металлургическом заводе «Бобрек».

* * *

Мы пришли в клуб в обычный будничный вечер. Было людно, но не шумно. В одной из больших комнат молодые рабочие слушали лекцию о том, как спорт помогает бороться с усталостью, лучше и производительнее работать.

В зрительном зале стулья были убраны. Шли занятия балетного кружка. Молодые работницы и дочери рабочих разучивали новые танцы, которые предстояло показать зрителям на очередном вечере. В соседней комнате разучивали свой репертуар аккордеонисты. В библиотеке группа молодых рабочих и работниц осаждала библиотекаршу просьбами «дать самую интересную книгу». В общем веселом гуле чаще всего назывались любимые книги — «Молодая гвардия» и «Повесть о настоящем человеке». В комнате рядом за столиками сражались шахматисты, окруженные болельщиками, которые своими взволнованными восклицаниями то и дело нарушали размышления игроков.

В небольшом кабинете председателя клубного совета руководители кружков договаривались о плане работы. В уютной читальне, примыкавшей к кабинету, царила тишина, только изредка шелестели страницы.

В читальне можно найти и советские газеты. К ним особый интерес.

В читальне можно получить советскую газету. Рабочие очень интересуются жизнью Советского Союза.

К концерту в заводском клубе кружок аккордеонистов разучивает произведения польских и советских композиторов.

Сталевары братья Павел и Стефан Кукула получают анализ стали в заводской лаборатории.

— Вы все знаете русский язык? — обратился я к группе рабочих, сидевших около чтеца, в руках которого была советская газета.

— Читать не все умеем, но все понимаем, — ответили они.— Ведь русский и польский языки — одного корня. Славянские языки, сходные.

— Сейчас у нас еще мало людей, хорошо знающих русский язык, но будет много, — говорит председатель клубного совета рабочий-сварщик Ян Закшевский.— Наши инженеры, техники, рабочие знают по литературе и из лекций, какие чудеса творят советские металлурги. Ну и понятно: каждому хочется познакомиться с их опытом из первых рук. Огромный интерес и к литературе советской, и к театру, и к музыке. У нас тут работают курсы русского языка. Желающих очень много, да беда: учебников мало и с преподавателями бедновато.

— А кто главным образом изучает русский язык?

— Передовики труда, рационализаторы... Кстати, вот и руко-

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

Американское мракобесие

Известный ученый Альберт Эйнштейн недавно выступил по радио. Он обратился к американскому народу и ко всему миру с предупреждением, что «Трумэн ведет Америку к фашизму, а мир к войне». Эйнштейн добавил, что поджигатели новой войны используют в своих интересах прессу, радио и школу.

Правящие круги Америки начали злобную кампанию клеветы против ученого. Особенно отличился некий джентльмен, носящий звание директора «Американского института научных исследований». Он заявил: «По правде говоря, никто еще ничего не понял в теории Эйнштейна». Этим способом неуч из «Американского института научных исследований» решил попробовать дискредитировать знаменитого ученого.

Другой представитель лагеря реакции, известный провокатор войны Рэнкин, обрушился на Эйнштейна с площадной руганью: «Эйнштейн — самый крупный шарлатан в мире! Эйнштейн — симулянт!» — таковы были «аргументы» этого мракобеса из «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности».

Слух американских реакционеров не выносит правдивого слова сторонников мира и прогресса: это вызывает у них припадки тупой ярости. С тем большим вниманием прислушиваются к этим словам простые люди Соединенных Штатов.

Шарлатанская «медицина»

Ежемесячно в Соединенных Штатах выпускается огромное количество новых видов лекарств. Все они, если судить по рекламе, чудодейственны. Но на деле эти снадобья в лучшем случае бесполезны, а нередко причиняют даже вред доверчивым пациентам.

Предприимчивые шарлатаны не щадят и детей. Ребенок плохо справляется с школьными заданиями? Не огорчайтесь: пойдите в ближайшую аптеку и купите тюбик нового лекарства. Ребенок сразу станет первым учеником, будет изумительно разбираться в арифметике. Такова радость, которая ожидает в кратчайший срок американских мамаш, если верить сообщению «Американской психиатрической газеты».

Изобретатели нового «лекарства», врачи-шарлатаны, объявили, что в результате применения их «лекарства» дети за один год прошли программу двух классов. При этом оборотистые дельцы предупреждают, что «лекарство» их действительно... лишь на один год. Прием надо обязательно повторять ежегодно, вплоть до окончания школы, иначе благотворное действие снадобья может прекратиться...

Многообразные способы наживы предоставляет жуликам американский образ жизни!

Банк крови

Французский журнал «Аксион» рассказывает историю американского гражданина Джона Майера. Майер был приказчиком в обувном магазине небольшого американского города, в семистах километрах от Нью-Йорка. В 1947 году он женился, но в том же году магазин, где он служил, прогорел, и Майер оказался на улице. Тщетны были его попытки получить работу. Поверив рассказам, что в таком большом городе, как Нью-Йорк, он найдет себе применение, Джон Майер с женой и грудным ребенком отправился туда. Однако и в Нью-Йорке Майеры не могли устроиться.

Оставшись без денег, семья поселилась на вокзале, а сам Джон Майер, вняв совету товарищей по безработице, стал три раза в неделю продавать свою кровь в «Банк крови». Через месяц его ожидала новая катастрофа: от его услуг отказались, так как он заболел острым малокровием.

«Банк крови» открыт неким предприимчивым доктором Листером Унгером, который платит гроши своим многочисленным поставщикам — безработным Нью-Йорка. Ежегодная чистая прибыль этого «банка» составляет 500 тысяч долларов.

Случаи злокачественного малокровия на почве вынужденного донорства настолько распространены в Америке, что двое врачей, Эскит и Кроль, опубликовали недавно в Нью-Йорке целое исследование на эту тему.

Так предприимчивые бизнесмены наживаются в стране доллара буквально на крови безработных, умножая свои доходы по мере роста безработицы.

водитель нашего кружка рационализаторов мастер-электрик Максимилиан Халяма. А это его товарищи по кружку...

Знакомимся, и сразу завязывается оживленная беседа.

Трудолюбивый польский народ богат самородками-изобретателями. Но только теперь, когда заводы, фабрики, шахты перешли в руки народа, эти таланты получили возможность проявить себя. Свои творческие способности, которые рабочий раньше не отдавал и не хотел отдавать капиталистам, он сейчас отдает своему предприятию. Это движение захватило и завод «Бобрек». Вначале лишь изредка приходил в дирекцию завода рабочий с каким-нибудь изобретением или рационализаторским предложением. Потом число новаторов увеличилось настолько, что пришлось организовать при клубе кружок рационализаторов. Сейчас постоянными членами кружка являются 67 рабочих, 19 мастеров, 29 техников и 20 инженеров.

* * *

Максимилиан Халяма рассказал нам интересную историю про Яна Коха, заводского слесаря. Этот человек много лет скитался вдали от родины и лишь в 1947 году возвратился в Силезию. Ему дали работу на заводе. Вначале его интересовал только заработок. Но время шло, и Коха стал замечать, что людей вокруг волнуют судьбы производства, общенародное благополучие. Окончательно разобраться, что к чему, слесарю Яну Коха помогли лекции о Советском Союзе, о социалистическом соревновании советских рабочих.

Однажды Коха зашел в клуб и попал на совещание рационализаторов. То, что там говорилось, настолько его заинтересовало и взволновало, что он ушел домой словно новым человеком — так он рассказывал потом товарищам. И вот в январе нынешнего года Ян Коха предложил хорошо продуманное и разработанное приспособление для перемотки тросов на подъемных кранах. Кружок одобрил его замысел. Дирекция приняла и применила рационализаторское предложение слесаря. Оно дало заводу большую экономию средств, и Ян Коха был премирован 23 тысячами злотых...

Заводские рационализаторы внесли в прошлом году 181 предложение. 143 из них внедрены в производство, что сэкономило заводу 27 миллионов злотых. Один миллион двести тысяч злотых премий получили изобретатели и рационализаторы. Кроме того для поощрения работы кружка ему было отпущено триста тысяч злотых на техническую, главным образом советскую, литературу.

— Нас вдохновляют советские новаторы, — говорил мне Максимилиан Халяма. — Достижения вашей техники, новаторов производства мы внимательно изучаем и обсуждаем, как их применить у себя. Вот советские металлурги в последнее время ремонтируют мартеновские печи, не гася их. Мы готовимся делать это и у нас...

* * *

В мартеновском цехе завода мы познакомились с двумя братьями сталеварами — Павлом и Стефаном Кукула. Павел недавно был выдвинут на должность старшего сталевара. Под его наблюдением восемь печей, в том числе и печь брата Стефана.

Братья Кукула узнали о советском методе ремонта печей в клубном кружке. И сейчас они с нетерпением ожидают, когда этот метод начнут применять в их родном цехе. Ведь тогда можно будет выплавить стали еще больше!

94 процента всех рабочих завода «Бобрек» участвует в социалистическом соревновании. На производственных совещаниях, проводимых по цехам и в общезаводском масштабе, всегда принимают участие по нескольку сот человек.

Стефан Кукула хорошо знает советских сталеваров-скоростников. Про них рассказывали в клубе на лекциях, про них он многое узнал и из бесед с секретарем заводского комитета Польской объединенной рабочей партии Альфредом Колянус. Стефан Кукула повысил выплавку стали с 8 до 10 тонн в час, значительно сократил время плавки.

— Вы старый сталевар. Почему вы не давали столько стали тогда, когда этот завод принадлежал капиталистам?

— Вот поэтому и не давал, что тогда это был чужой завод, а сейчас — мой.

— Это мой завод — повторил и второй из братьев, Павел. — Эту сталь я варю для своего народа.

В этом стремлении вперед к общей и производственной культуре, к новым успехам в строительстве социализма состоит то новое, что вошло в сознание, в жизнь рабочего народной Польши.

Мих. ЯРОВОЙ

Платформа поджигателей войны

С. МАРШАК

Опять, как видно, спятили,
Объелись белены
Лихие поджигатели,
Зачинщики войны.

Их одолела мания,
Какой была больна
Фашистская Германия
В былые времена.

Беснуется в истерике
Бульварная печать,
Хотя никто Америке
Не думал угрожать.

* * *

Смотри: здесь нарисованы
Составы на пути.
Они в маршрут
рискованный
Готовятся итти.

Не в первый раз случается,
Что этакий маршрут
Безвременно кончается
На станции «Капут».

Кругом — шумиха, паника,
Тревога, суета:
Шумливая компанийка
Погрузкой занята.

Дежурный — Брэдли
в колокол
Ударил: «Бомба — бом!»
К вагону тянут волоком
Огромный «беглый дом».

Стоит на первой линии
Сверкающий экспресс,
И ждут вагоны синие
Министров и конгресс.

Вагон для чемоданов их
Виднеется вдали.
И капель валерьяновых
Цистерну привезли.

А вот вторая линия.
При свете фонарей
Здесь трудится в унынии
Бригада «слесарей».

Маститый Черчилль, Тито,
Банкиры Уолл-стрита
И папа чинят ось,
Прогнившую насквозь.

Тут и де Голль из Франции,
Высокий, как жираф.
А там пыхтит у станции
Готовый в путь состав.

Везет он не игрушки
За море-океан,
А бомбы, танки, пушки
Для всех вассальных стран.

Везет он груз тушонки,
Резинки «чуинг-гам»
И голливудской пленки
Пять тысяч килограмм.

А выше — цепь вагонов,
На всех дверях печать.
Везут они шпионов
Бесчисленную рать.

Везут на смену Райку
Из новых парников
Откормленную шайку
Отборнейших шпиков.

Весь этот груз тяжелый
С наклейкой «на войну»
Готовит мистер Доллар,
Как фюрер в старину.

Но трудится напрасно
Оружья поставщик:
Для всех на свете ясно,
Что он попал втупик.

Флажком и светом
красным
Сигнальщик говорит,
Что всем огнеопасным
Составам путь закрыт!

Все выходы и входы
Пред новою войной
Загородят народы
Могучею стеной.

Рисунок Л. Самойлова

ПИК ПОБЕДЫ

Евг. СИМОНОВ

В северо-восточном углу советской Средней Азии лежит Тянь-Шань — край изумрудных альпийских лугов, вечных льдов, поднятых в семикилометровую высь пиков.

Один из них, высоко вознесенный над всем мощным хребтом Кокшаал-тау, носит гордое имя — «Пик Победы».

Не ищите его на картах, в атласах и справочниках довоенных изданий. Это «новая» вершина. Ее место установили, ее измерили на третьем году Великой Отечественной войны. Но история этого открытия восходит к тем годам, когда наши соотечественники впервые проникли в глубь Небесных гор.

До того как русские путешественники узнали этот край, сведения о нем были ничтожны. Даже прославленному географу Гумбольдту Тянь-Шань представлялся хребтом с огнедышащими вулканами на всем его протяжении, от Туркестана до Монголии.

А край этот таил много интересного...

Петр Петрович Семенов, который по праву носил впоследствии фамилию Тян-Шанского, поднявшись в 1857 году на Кокджарский перевал, записал в дорожном дневнике:

«...Мы были ослеплены неожиданным зрелищем. Прямо на юг от нас возвышался самый величественный из когда-либо виденных мной горных хребтов. Он весь, сверху донизу, состоял из снежных исполинов, которых я направо и налево от себя мог насчитать не менее тридцати».

Миновали годы и десятилетия, а «край Небесных гор» оставался полным загадок.

Теперь каждое лето в городе Пржевальске, раскинувшемся на берегу одного из самых высокогорных озер — Иссык-куль, высаживаются группы спортсменов. Они идут мимо скалы, на которой видят карту Азии, готового взлететь бронзового орла и профиль человека с мужественным и строгим лицом. Это Пржевальский. По его следам уходят в горы советские восходители, год за годом поднимающиеся все выше.

Тринадцать лет назад в августе двигалась к отдаленному хребту Куйлю одна из таких экспедиций.

Не один год отдали уже альпинизму участники этой экспедиции. Руководил ею видный гигиенист А. А. Летавет. Плотный и жизнерадостный человек, он никогда не расставался с фотоаппаратом, и выставки его снимков пользовались заслуженной славой среди посетителей Московского дома ученых. Возле навьюченных коней шагали спутники профессора: архитектор Н. М. Попов, лекальщик С. И. Ходакевич, научный работник И. А. Черепов, молодой географ Е. В. Тимашев, авиационный инженер В. Ф. Мухин. Свои отпуска и каникулы они из года в год отдавали исследованию высокогорья родной земли. Они сопутствовали топографам на Большом Кавказе, прокладывали пути геологам к Туркестанскому хребту, первыми проникли зимой в Сванетию, считавшуюся в эти месяцы недоступной. Каждый из них носит ныне звание мастера спорта.

...Идет шестой день пути, трудного, но увлекательного, ибо и в горном спорте победа никогда не падает тебе в руки, как созревшее яблоко, ее надо завоевать. Достигнута высшая точка Тюза, но, прежде чем перевалить через хребет, Летавет долго оглядывает открывшийся перед ними мир гор... Вот и цель похода — закованный в ледяную броню, сверкающий на солнце пик Нансена. Взгляд опытного альпиниста видит борозды на снежных склонах, замечает поваленные деревья Это следы лавин.

Но даже достигнув вершины пика, альпинисты в пелене метели не видят того, что искали. И они уходят дальше на запад...

Несколько дней спустя Летавет со своими спутниками поднимается на массивную вершину — пик Карпинского. Воздух чист и прозрачен. Ни тумана, ни той застилающей воздух дымки, которую посылают ветры из соседней пустыни Такла-Макан. Альпинисты приподнимают темные очки, чтобы лучше разглядеть раскинувшийся у их ног ледяной мир. Вечером, забравшись в свой спальный мешок, профессор записывает в дневнике:

«На северо-западе вплотную около нас находится пик Сталинской Конституции. Далеко на севере вершины Терскея во главе с Каракольским пиком. На востоке отчетливо виден знакомый уже нам пик Нансена, а прямо за ним пирамида Хан-Тенгри. Но больше всего привлекала наше внимание вершина, расположенная к югу от Хан-Тенгри (очевидно, в одном из южных притоков ледника Иныльчек), которая по своей высоте вполне может спорить с Хан-Тенгри. Эта совершенно неизвестная вершина представляет собою огромный ледяной массив, резко возвышающийся над окружающими горами».

Что это за вершина? Лежит ли она на советской земле или же в пределах Китая, куда уходят мощные отроги Небесных гор? Эти вопросы волновали восходителей. Но отпуска подходили к концу, и пришлось удовлетвориться достигнутым.

Зимой у Летавета укрепилось убеждение: к югу от известных вершин есть неведомый науке пик.

И вот год спустя караван вступает на ледник Иныльчек.

Несколько дней бушует метель, но 1 сентября, выйдя из палаток, восходители увидели чистое небо. К югу от лагеря возникла огромная ледяная стена с куполом в ее восточной части. Летавет помнит «в лицо» загадочную незнакомку, он узнает ее по снимкам, сделанным с Хан-Тенгри и с ледника Семенова.

И три комсомольца уходят на штурм. На несколько дней затихает «город Комсомольск на леднике Звездочка», как прозвали восходители свой «поселок» на этом леднике, притоке Иныльчека.

Химик Леонид Гутман, механик Александр Сидоренко, токарь автозавода Евгений Иванов, молодые, крепкие ребята, штурмуют пик.

Глубок снег на Тянь-Шане, а на больших высотах он становится сухим и мучнистым. Он не уплотняется под ногами, а ползет, едет с тобой, и приходится по пояс, по грудь в этой рыхлой массе пробивать всем телом траншею. А высота над уровнем моря превышает уже пять километров, и воздух разрежен, и на тебе рюкзак, где лежит все — от походного жилья до гардероба, — и высота уже давит, пригибает тебя, хочет заставить сбросить рюкзак и лежать, лежать в блаженном отдыхе. Но альпинисты идут и идут и наконец достигают вершинного гребня.

Авиационный анероид показывает «6930». Надо решать... Продолжать ли путь по гребню, который уходит на юг, скрытый морем облаков? Но, судя по приборам, высшая точка пика уже достигнута. И три комсомольца пишут записку. Достигнутой высоте они дают имя «Пик 20-летия ВЛКСМ».

Так советские спортсмены вносят существенную поправку в считавшиеся каноническими взгляды немецкого путешественника Мерцбахера, утверждавшего: на всем Тянь-Шане есть лишь один «семитысячник» — Хан-Тенгри, не больше.

Фотопанорама 1904 года. Наблюдения Абалакова и фото со склонов Хан-Тенгри 1936 года. Личные впечатления 1936 и 1937 годов. И огромный пик, который видел сквозь разрывы облаков Гутман в год двадцатилетия комсомола. Все это не раз сопоставляет Летавет, и привычка ученого делать выводы и обобщения приводит его к неотвязной мысли. Вершина существует! Она не только спорит с Хан-Тенгри, как писал он сам еще в 1937 году, но и «переспорит» по высоте «Повелителя духов» (монгольское название вершины).

И вершина была наконец открыта. Где?.. На Гоголевской улице города Ташкента, в доме семьдесят два. Здесь щелкали вычислительные аппараты, лежали длиннейшие свитки фотопанорам горных хребтов и груды тетрадей, заполненных цифрами. Топографы тяншанской экспедиции П. Н. Рапасова заканчивали вычисления, сводили воедино долгие наблюдения. Их вели с перевалов и с вершин, из глубоких долин и с самолетов, уходивших к верхней границе тропосферы. Их производили топографы и геодезисты, пилоты аэросъемки и мастера высокогорного спорта.

И в акте, который скрепил виднейший знаток среднеазиатского высокогорья доктор географических наук Н. Л. Корженевский, стояла высота «7439,3 метра» и было сказано, что открытие нового, неведомого дотоле «семитысячника» «является выдающимся достижением нашей советской науки».

Это была вторая по высоте вершина великой советской земли. Почти на полкилометра (444 метра) превышала она Хан-Тенгри и лишь на 56 метров уступала высочайшей точке Советского Союза, которая носит имя Сталина. Вершину назвали «Пиком Победы».

Восходители трех городов — Алма-Аты, Москвы, Ленинграда — разведали минувшей осенью подступы к пику, вплоть до высоты 5700 метров. Пути к «Победе» установлены. Она будет завоевана!

На снимке: Ледник Иныльчек. Вдали виден хребет Ак-тау.

Рекордсменка республики

Мастер спорта В. ПУШКИН

Огненный диск солнца уже подходил к узенькой полоске леса, видневшейся на горизонте, когда председатель совета физкультуры колхоза «Серп и молот» Морщинин поровнялся с огородами. Он возвращался из тракторной бригады и, увидев, что одна из его физкультурниц, Шершова, шедшая за плугом, приближалась к дороге, остановился. Морщинин внимательно следил за широкоплечей, уверенной в движениях девушкой, легко шагавшей по мягким комьям вспаханной земли, и мысленно отмечал: «Ни одного лишнего жеста, все размеренно, точно». Морщинин знал, что спорт помог угловатому, медлительному подростку стать быстрой, энергичной девушкой. Ему было приятно это.

Морщинин хорошо помнил, как пять с лишним лет назад после просмотра киножурнала к нему подошла, застенчиво улыбаясь, Нюра Шершова.

— Сергей Андреевич,— сказала она нетвердо,— можно я буду у вас в лыжной секции заниматься?

— Да куда уж ей,— заметил кто-то,— неповоротлива она и ленива очень!

— Ничего,— ответил Морщинин.— Приходи...

И Нюра стала регулярно посещать занятия, внимательно прислушиваясь к советам тренера. Особенно она полюбила пересеченную местность, крутые спуски, неожиданные повороты. Все свободное от работы время она посвящала лыжам. И постепенно в колхозе стали удивляться, какой энергичной сделалась недавно еще апатичная Нюра Шершова.

Через два года Шершова заняла третье место в соревнованиях на первенство сельской молодежи Ленинградской области. Сильная, смелая, напористая, она с успехом защищала спортивную честь своего коллектива. А случай помог обнаружить у нее талант и в легкой атлетике...

Это было прошлой весной, когда физкультурники Михайловки обновляли свою спортплощадку: вскапывали заново ямы для прыжков, просматривали беговую дорожку, расчищали футбольное поле. Особенно много возни было с футбольными воротами. Но вот, наконец, одни были готовы, и все пошли устанавливать другие, но почти на полпути вспомнили, что забыли молоток у отремонтированных ворот.

— Подкиньте молоток! — крикнули девушкам, которые как раз там расчищали поле.

Ответила Шершова полушутя, полусерьезно:

— Зашибу!

— Да кидай, не докинешь!

И она кинула. В молотке было граммов семьсот—восемьсот, но все едва успели нагнуться, чтобы пропустить его над собой.

«Хорошо!» — подумал тогда Морщинин и сбегал домой за гранатой.

— Ну-ка, попробуй, кинь!

— Не умею я... Что вы!

— Да попробуй, надо же тебе к летним видам спорта приобщаться!

Нюра попробовала. Бросила метров на тридцать пять!

— Неплохо!

Тут же Морщинин подсказал, как нужно держать гранату при броске, как относить руку, как ставить корпус. Тренировалась Шершова много, настойчиво.

Вскоре она выиграла на первенстве района первое место. Затем Шершова поехала на областные состязания и там улучшила областной рекорд, который держался более одиннадцати лет.

На спартакиаде сельской молодежи Российской Федерации в Ростове-на-Дону Анна Шершова обратила на себя внимание тренеров. Девушка взяла гранату, разбежалась и метнула ее без особого усилия. Граната упала чуть-чуть ближе трех рекордных результатов. Всех зрителей поразила легкость броска.

— У нее облегченная граната! — воскликнул кто-то.

— Да, да! Пусть перебросит! — раздалось вокруг.

Не говоря ни слова, Шершова подошла к судейскому столу, где на земле лежали гранаты.

— Которую брать? — коротко спросила она.

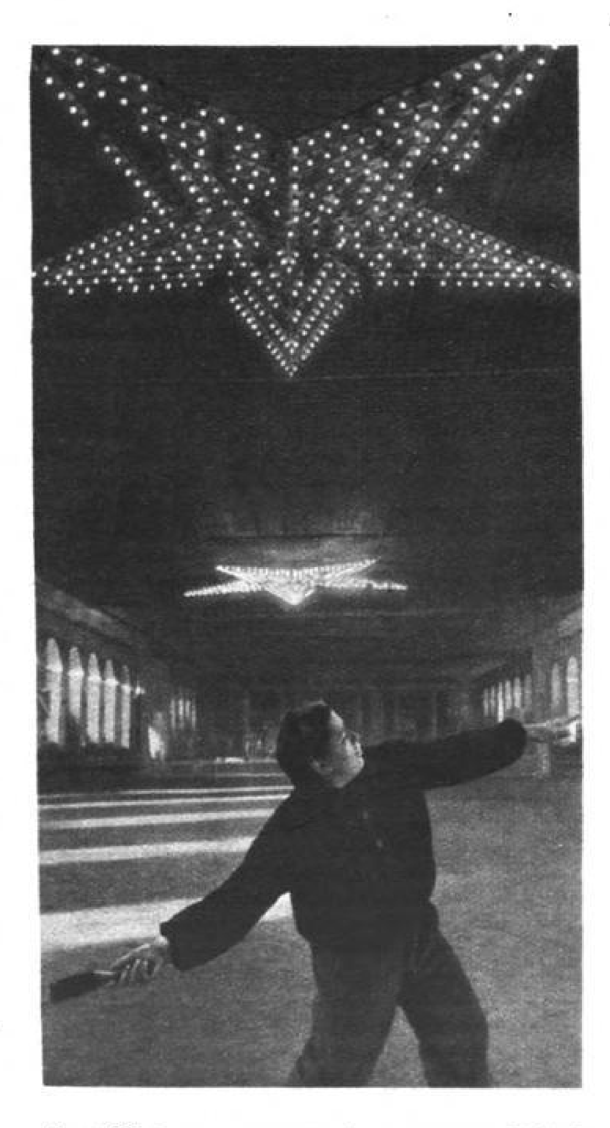
— Вот эту, пожалуйста...

Шершова взяла гранату, встала на рубеж, нетерпеливая и взволнованная, дождалась сигнала «можно», разбежалась... короткий рывок, и... теперь уж пришлось поздравить Шершову и с побитием рекорда и со званием чемпиона Российской Федерации на 1949 год.

Пожимая руку молодой спортсменке, чемпион Советского Союза по метанию диска Али Исаев заметил, что он тоже начал свою спортивную деятельность на соревнованиях сельской молодежи.

Из Ростова сборная команда легкоатлетов республики отправилась в Симферополь. Там сельские коллективы соревновались на первенство страны. Поехала и Шершова, но на одной из тренировок, перед самыми соревнованиями, метнув гранату, она почувствовала боль в плече. Оказалось растяжение.

Массаж, прогревания, облучения лишь немного заглушили острую боль, возникавшую при малейшем движении. Выступать в соревнованиях не позволяли врач и тренер. Однако успех команды зависел от каждого ее участника. Пусть удивляется врач, тренер, но у нее, Шершовой, хватит сил в последний день сбора сказать, что она себя прекрасно чувствует и готова к выступлениям. Шершова выступила и заняла третье место. Она помогла своей команде стать чемпионом Советского Союза.

Анна Шершова тренируется в метании гранаты на ленинградском закрытом стадионе.

Фото Д. Трахтенберга

Обо всем этом узнал потом Морщинин от товарищей, со всеми подробностями...

...Вот она идет за плугом. Нюра знает, что метательница должна быть сильной, выносливой, и она старается больше работать физически.

Все средства сейчас брошены на пахоту — тракторы, лошади, волы,— и Шершова первой вызвалась пахать. Почетными грамотами отметили ее трудовые подвиги Центральный комитет, Ленинградский областной и городской комитеты комсомола.

«...Ну, смотри, опять сколько сегодня отмахала!» — подумал Морщинин с изумлением и радостью. А когда Шершова дошла до дороги, повернула коней и собралась уже занести плуг, сказал негромко:

— Ну, как, Нюра, сегодня тренируемся?

Давно у физкультурников колхоза «Серп и молот» существует неписанный закон: не справился с заданием — на тренировку не приходи.

— Ой, Сергей Андреевич! — воскликнула Шершова.— Ведь я и не заметила, когда вы подъехали-то!

В самом деле, идя по направлению к дороге, она залюбовалась солнцем, которое опускалось к лесу, и строчка за строчкой вспоминался Маяковский:

> «...и в ту дыру, наверно,
> спускалось солнце каждый раз,
> медленно и верно...»

— Да, Сергей Андреевич, тренируемся сегодня! Даже завтрашнего край прихватила...

Морщинин улыбнулся,— да он и не сомневался.

— Ну, давай! Сбор у моего дома, как условлено...

— Ясно! — она занесла плуг и мысленно отметила, насколько увеличились тени, пока она шла к дороге...

Все физкультурники Михайловки начали свой путь к спорту от избы Морщинина. Здесь черпались первые познания о спорте, здесь можно было услышать захватывающие рассказы о спортивных «баталиях», о выдающихся спортсменах, здесь каждый мечтал стать чемпионом.

За околицу вышли сельские спортсмены, шумные и задористые... Пока тренировки еще небольшие. Надо войти в «форму», подготовить организм к большим нагрузкам. В начале тренировки хорошо пройти метров триста—четыреста шагом, постепенно ускоряя темп. Дышится легко, вечерний воздух чист и приятен, и пусть солнце село, но еще светло. Потом пробежка, пока еще тоже небольшая, два с половиной—три километра, до соседнего села Русско-Высоцкое, и можно возвращаться обратно, постепенно сбавляя темп. На сегодня достаточно. Через неделю, другую, конечно, это будет маловато, и от Русско-Высоцкого физкультурники тогда направятся к лесу и обогнут его вокруг, меняя на дистанции темп. Но сегодня хватит...

— Тебе, я думаю, пора бы уже съездить в Ленинград,— сказал Шершовой Морщинин, когда они возвратились в Михайловку.— Нужно посоветоваться со специалистами, как тебе дальше готовиться. Пусть план личных занятий помогут составить. И тогда будешь тренироваться самостоятельно...

Морщинин задумался, а через минуту добавил с досадой:

— Я читал как-то в «Советском спорте», что государственный тренер по легкой атлетике, заслуженный мастер спорта А. Донской обычно рассылает своей сборной команде тренировочные планы. А вот Ленинградский областной комитет забыл про нас, хотя приз-то мы привезли пе-ре-хо-дя-щий!..

Мать встретила сурово:

— Ну, какая из тебя работница будет завтра, коли ты не знаешь отдыха!

— Ничего, мама,— весело ответила Шершова, склоняясь под умывальником с мылом в руках.— Я хорошо отдохнула.

Село Михайловка,
Ленинградской области.

МИЧУРИНСКАЯ ХИРУРГИЯ

Около двух тысяч лет назад римский поселянин случайно воткнул срезанную ветку в пень плюща, и, к его удивлению, ветка не засохла, а начала расти. Плиний описал этот случай, как открытие прививки.

Баклажан с привитыми плодами помидора.

Однако известно, что некоторые народы Азии применяли прививки за 1300 лет до нашей эры.

На протяжении тысячелетий совершенствовались приемы прививки, но лишь великий советский ученый И. В. Мичурин впервые на основе подлинной науки доказал возможность сознательно, по воле человека, направлять эволюцию растительного мира, изменять наследственные свойства организмов. Благодаря учению и опытам Мичурина прививки в наше время превратились в очень интересный и обширный раздел научного садоводства — хирургию растений.

Апельсин с привитым гибридным плодом апельсина с мандарином.

Последователи мичуринского учения с помощью хирургических методов не только прививают одни растения к другим, но и направленно изменяют их природу. Приведу несколько интересных случаев из области хирургии растений.

Помню, в детстве я был буквально ошеломлен в то время непонятным для меня фактом: на одном и том же дереве яблони росли плоды разных сортов — красные и желтые.

Прошло немало лет, и многое из того, что казалось необъяснимым в детстве, стало понятным и обычным.

Вот дерево алычи, растущее в моем саду. На нем привито не два, а двадцать три сорта сливы — разные по форме, окраске, вкусу и срокам созревания. На другом дереве, кроме разных сортов слив, привиты еще и персики.

Не менее интересны кусты роз. На каждом из них прекрасные белые, розовые, кремовые, красные, темнокрасные, почти черные цветы — словно кто-то воткнул в землю роскошные, неувядающие букеты.

Многие думают, что прививать можно только почки и черенки, а на самом деле прививают и листья, и корни, и цветы, и даже плоды.

Зачем же нужно делать прививку цветов и плодов? Делается это для того, чтобы...

Впрочем, прежде чем сказать, для чего это делается, посмотрим на растения, показанные на фотоснимках 1, 2 и 3.

На первом снят куст баклажан, на втором и третьем — апельсиновое дерево. На всех трех растениях выросли чужие, привитые плоды — «квартиранты». На баклажане — помидор, на апельсине № 2 — гибрид апельсина с мандарином, на апельсине № 3 — гибриды мандарина с «Шива-Миканом» (раннеспелым мелкоплодным мандарином).

Прививка производилась в тот момент, когда плоды представляли собой маленькие, еле сформировавшиеся завязи. Но еще ранее цветы были гибридизированы — искусственно опылены пыльцой других сортов.

Апельсин с привитыми гибридными плодами мандарина с «Шива-Миканом».

Цветы, завязи которых в дальнейшем «перекочевали» на апельсин № 3, опылялись пыльцой гибрида лимона с «Кин-Каном» (мелкоплодный, довольно морозостойкий вид, несколько напоминающий лимон).

Деревцо апельсина, в свою очередь, было привито на корни дикого лимона — трифолиату.

Таким образом, листья апельсина и корни дикого лимона вскормили и вспоили привитый плод.

Гибридный сеянец лимона оказался не морозостойким. Его высаживают в горшок и способом сближения прививают в крону дикого морозостойкого лимона, который придаст ему недостающее качество.

Приняв на иждивение чужую завязь и обильно снабжая ее с «зеленого стола» разнообразным «меню», растение-хозяин (апельсин на корнях трифолиаты) не только кормило и поило своего «квартиранта», но и вносило изменения в природу развивающихся в нем семян.

Так, в образовании и развитии семян в привитых плодах принимали участие шесть родителей. Если бы выросшее из таких семян растение величалось по имени и отчеству, то оно называлось бы так: Мандарин Шива-Миканович, Кин-Канович, Лимонович, Апельсинович, Трифолиатович.

Сочетание сложных хирургических приемов и гибридизации цветов производится с определенными целями. Вновь создаваемый сорт должен обладать рядом ценных качеств: выносливостью к новому климату, урожайностью, хорошим вкусом и красивым внешним видом плодов. В большинстве случаев эти признаки имеются в растениях разных сортов, а человеку их нужно сосредоточить в одном, и этого можно добиться, применяя описанные выше способы.

В подобных случаях задачи селекционера несколько сходны с рассуждениями Агафьи Тихоновны — невесты из комедии Н. В. Гоголя «Женитьба»:

«Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности у Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась».

На прививке плодов дело не кончается. Когда из семян вырастут сеянцы, некоторые из них могут не иметь нужных признаков. Такой сеянец прививается к взрослому растению, обладающему недостающими качествами (фото 4). Эти качества он передает своему «квартиранту», но уже не плоду, а целому растению.

Ф. ЗОРИН

Сочи. Опытная станция субтропических культур

Иван АРАМИЛЕВ

Рисунок А. Каневского

Я вырос в глухом уголке Урала, где много всякого зверья. Медведи часто задирали коров, лошадей. Любопытные росомахи «по ошибке» забегали в деревню. Лисы, несмотря на обилие собак, таскали кур из сараев. Лоси подходили на выгоне к коровьему стаду, бодались с нашим чудовищно могучим и злым быком Карпухой.

Начав охотиться подростком, я побаивался встреч с крупным зверем, промышлял близ деревни белок, рябчиков. И ружье у меня было не зверовое: ветхая одноствольная шомполка малого калибра. Она давала осечки, затяжные выстрелы. Ныне такую фузею можно встретить лишь в областных краеведческих музеях, как примету старины.

Однажды я отдыхал у лесной тропы, сидя на валежнике. На тропу, шагах в тридцати, выкатился медвежонок. Пузатый, лохматенький первогодок-звереныш!

На ловца и зверь бежит! Однако я не мог убить его крохотным зарядом шестерки из моей капризной фузеи. И все-таки я выстрелил. Почему? Просто так: вздумалось пошутить с малюткой! Во мне и самом-то было много ребяческого. Ежели перевести медвежью жизнь на человеческую, мы с Мишуткой были ровесники. Отчего не пошутить?

Должно быть, две—три дробинки попали в цель. Медвежонок завертелся и заскулил. На выстрел и плач сына из ельника примчалась мамаша, смекнула в чем дело, и ринулась ко мне.

Я бросил шомполку, с ловкостью кошки взобрался на дерево. Со мною не было ни ножа, ни топора для защиты. Я знал, что медведи неплохо лазают по деревьям, и гибель казалась неизбежной.

Медведица почему-то не полезла за мной. Встав на дыбы, она немилосердно трясла молодую елочку, на которой я сидел. Дерево качалось, готовое вот-вот повалиться. У меня кружилась голова, сердце стучало так, словно хотело выпрыгнуть из груди, но я не разжимал пальцев, вцепившихся в смоляные ветки.

Медвежонок сидел на дороге и плакал. Мать поворачивала голову, раздраженно шипела:

— Молчи! Видишь, трясу? Вот ужо стряхну этого бездельника, наломаю ему бока!

Мишутка плаксиво тянул:

— Ты, мам, как следует наломай! Пусть не стреляет дробью. Взял моду — пугать маленьких!

Медведица тихо урчала:

— Наломаю, Мишенька. Уж я постараюсь!

Она бы наломала... Выручили меня соседи. Они «стригли» в тайге рябину и выехали к тропе на шести лошадях, навьюченных мешками с уральским виноградом. Мужики громко разговаривали, кони ржали, почуяв медвежий дух.

Медведица прислушалась, недовольно уркнула и пошла в кусты. За нею, смешно переваливаясь, ковылял Мишутка.

Я слез с дерева, ничего не сказал мужикам. Такими «подвигами» охотники, даже юные, не хвастаются.

С тех пор я повзрослел и, кажется, поумнел. Встречая в тайге звереныша, я знал: где-то поблизости бродит мамаша, и она не любит шуток. Если не было в руках надежного оружия и снаряженных пулею патронов, я задавал стрекача, чтобы не попасть в беду.

Храбрые люди, возможно, улыбнутся над моею исповедью. Я советую всем храбрецам посидеть — хотя бы десяток минут — на елке, которую трясет разъяренная пятнадцатипудовая медведица! Посидеть без надежды на спасение, не ведая о том, что едут мужики-избавители,— и храбрецы поймут, где требуется мужество, где благоразумие...

НА СТРАЖЕ «СВОБОДЫ СЛОВА»

Американская радиовещательная компания «Нейшнл Бродкастинг Компани» навсегда запретила Полю Робсону выступать по радио.

(Из газет.)

АМЕРИКАНСКИЙ «РАДИОУЗЕЛ».
Рисунок Л. Самойлова

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

XII ЧЕМПИОНАТ СССР

В XI чемпионате СССР (Москва, январь — февраль 1949 года) киевский мастер М. Коган после шести туров набрал 5½ очков и, прочно захватив лидерство, оказался недосягаемым для остальных участников. Иначе сложилась борьба для победителя недавно закончившегося в Киеве XII чемпионата СССР.

После шести туров московский мастер И. Куперман набрал лишь 3 очка и, только благодаря блестящему финишу (четыре рядовых победы в последних четырех турах!) сумел в четвертый раз завоевать почетный титул чемпиона, оставив позади себя с отрывом в два очка самого молодого участника — киевского мастера В. Каплана.

С творческой стороны турнир прошел на чрезвычайно высоком уровне. Почти в каждом туре то один, то другой участник демонстрировал новые дебютные идеи, обогащающие теорию русской народной игры, тонкие опровержения, казалось бы, досконально изученных схем.

Успех И. Купермана вполне закономерен. Восемь побед и девять ничьих, ни одного поражения, ни одной проигранной позиции — это результат большой аналитической работы, исканий и открытий, тщательной подготовки к соревнованию. Четырехкратный чемпион СССР одинаково силен во всех стадиях партии, обладает глубокими и всесторонними теоретическими познаниями, прекрасно комбинирует, далеко и точно рассчитывает.

Образцом такого расчета может служить его партия с ленинградцем Герцензоном, в которой после 13-го хода черных (13. ... c5—d4) создалась позиция, показанная на доске.

Играывший белыми Куперман сумел рассчитать все возможные варианты на 20 с лишним ходов вперед и доказать ошибочность последнего хода черных. Последовало:

14. h4—g5	f6 : h4
15. h2—g3	h4 : f2
16. g1 : e7	f8 : d6
17. c1—b2!	. . . .

Тонкий ход, в котором заложена идея выигрыша. Черные лишены теперь возможности развить свой правый фланг.

17. . . .	d6—c5
18. b2—c3	c7—b6
19. a1—b2	b8—a7
20. e1—f2!	c5—d4
21. c3 : e5	a5—b4
22. a3 : c5	b6 : f6
23. b2—c3	a7—b6
24. c3—d4	f6—g5
25. f4—e5	b6—a5

Этот ход упрощает задачу белых. После 26. d4—c5 g5—h4 27. e5—d6 черные сдались. Однако и другие ходы не спасали. Куперман рассчитывал на сильнейшее продолжение и намеревался выиграть следующим этюдным путем:

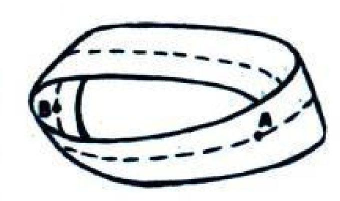
25. . . .	g5—h4
26. e5—d6!	h6—g5
27. d4—e5	b6—a5
28. d6—e7	g5—f4

Нельзя, конечно, 28. . . . a5—b4 из-за 29. e7—f8 b4—a3 (29. ... b4—c3. 30. e5—f6 ×); 30. f8—h6 и выигрывают.

29. e5 : g3	a5—b4
30. e7—f8!	b4—c3
31. f8—a3!	c3—d2
32. a3—c1	d2—e1
33. c1—g5!!	h4 : f6
34. g3—h4	e1 : g3
35. h4 : f2 и выигрывают.	

Обо всем

Любопытным геометрическим телом является так называемый «лист Мёбиуса». Это бумажная лента, скрученная на 180 градусов и склеенная своими концами.

Лист Мёбиуса — односторонняя поверхность. Ее невозможно выкрасить так, чтобы одна сторона была красная, а другая зеленая: у нее есть только одна сторона.

Муха, гуляющая по такой ленте, может переползти с «наружной» стороны на «внутреннюю» без перехода через край ленты (например, из точки А в точку В).

Край листа Мёбиуса состоит из одной замкнутой кривой без узлов.

* * *

Действия одного из видов естественного отбора в природе нашло наглядное подтверждение в следующем опыте.

Большое количество насекомых «богомолов», окрашенных в зеленый и бурый цвета, было размещено на зеленой и побуревшей траве.

Насекомые, окраска которых не соответствовала окраске травы, почти полностью были истреблены птицами. На зеленой траве сохранились только зеленые, а на побуревшей — бурые «богомолы».

* * *

Впервые прибор для исследования дыхания крови и тканей человека и животных, так называемый абсорбциометр, сконструирован великим русским ученым, физиологом И. М. Сеченовым.

Этот прибор явился образцом для аналогичных современных приборов, построенных многими учеными во всем мире.

* * *

С помощью «меченых» (радиоактивных) атомов, вводимых в пищу, можно проследить, как продвигается тот или иной элемент, попавший с пищей в организм животного. Оказалось, что, например, фосфор уже через полчаса обнаруживается в составе костей животного.

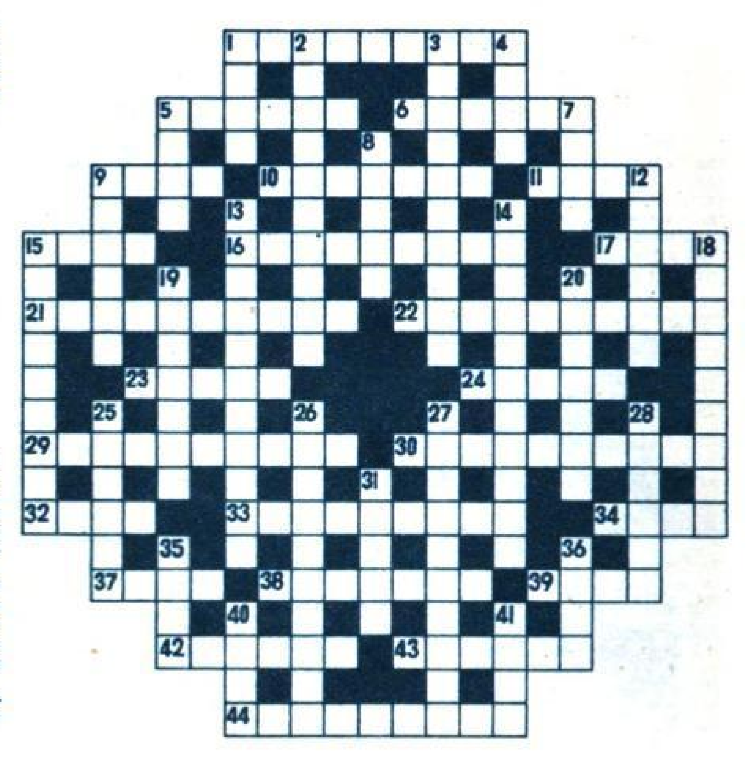
* * *

Нелегко было зажечь первые спички, изобретенные в начале XIX века. Их надо было смочить серной кислотой, и тогда головка, которую изготовляли из смеси серы, бертолетовой соли, киновари и сахара, вспыхивала.

Появившиеся несколько позднее фосфорные спички, загоравшиеся от трения, были опасны, так как они легко самовоспламенялись, да и фосфор — вещество ядовитое.

Современные, безопасные спички изобретены в середине прошлого века.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Стремление к миру. 5. Кустарник. 6. Предмет познания и деятельности человека. 9. Морская мера длины. 10. Русский изобретатель. 11. Зрелищное предприятие. 15. Стержень из прибора, регулирующего движение поездов. 16. Вид крокодила. 17. Единица освещенности. 21. Краткая ведомость. 22. Способ прививки растений. 23. Буква латинского алфавита. 24. Группа животных одного вида. 29. Советский поэт. 30. Запас в походе. 32. Военная машина. 33. Форма для отливки металла. 34. Мишень. 37. Столица союзной республики. 38. Тип самолета и танка. 39. Планета. 42. Произведение Алексея Толстого. 43. Кинофильм. 44. Декоративное растение.

По вертикали:

1. Походное движение войск. 2. Государственный строй. 3. Собрание книг. 4. Город в РСФСР. 5. Свобода. 7. Растение. 8. Австралийская собака. 9. Опера П. Чайковского. 12. Ягода. 13. Маршал Советского Союза. 14. Класс в капиталистическом обществе. 15. Работник печати. 18. Рассказчик фольклора. 19. Предсказание. 20. Сбыт товаров. 25. Теплица. 26. Международная политика. 27. Область устойчивого атмосферного давления. 28. Цифровой показатель. 31. Украинская артистка. 35. Стоимость. 36. Возмездие. 40. Общественная организация. 41. Колющее оружие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 18

По горизонтали:

1. Удешевление. 7. Циндао. 8. Шипка. 10. Прения. 11. Псков. 12. Абрис. 16. Лирика. 17. Совесть. 18. Гривна. 21. Тапир. 22. Прием. 24. Лаваш. 26. Арифмометр. 27. «Знаменосцы». 29. Сорго. 31. Кроки. 32. Нивхи. 34. Ошанин. 36. Радость. 39. Плавки. 43. Анапа. 44. Фраза. 45. Пастух. 46. Ванта. 47. Удмурт. 48. Айвазовский.

По вертикали:

2. Джонка. 3. Выполнение. 4. Импорт. 5. Пионер. 6. Шишков. 8. Шевро. 9. Акант. 11. Пикап. 13. Суров. 14. Александров. 15. Баратынский. 19. Тромбон. 20. Блюминг. 21. Трипс. 22. Поток. 23. Манси. 25. Шасси. 28. Головченко. 30. Руина. 33. Волна. 35. Абакан. 37. Ажаев. 38. Тафта. 40. Выборг. 41. Шанхай. 42. Батуми.

Подумай!

РАЗМЕЩЕНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ

Еще в XVIII веке была предложена задача: как расставить в квадрате из 36 клеток делегацию от шести полков из офицеров разных рангов, так, чтобы ни в одном горизонтальном и вертикальном ряду не повторялись ни номер полка, ни ранг офицера.

Эта задача оказалась неразрешимой. Однако не трудно расставить делегацию из 25 офицеров от 5 полков соответственно в 25-клеточном квадрате.

Мы обозначаем условно звание офицеров такой делегации (полковник, майор, капитан, старший лейтенант и лейтенант) начальными буквами, а номера полков цифрами: 1, 2, 3, 4, 5.

п1	м1	к1	сл1	л1
п2	м2	к2	сл2	л2
п3	м3	к3	сл3	л3
п4	м4	к4	сл4	л4
п5	м5	к5	сл5	л5

Найдите решение этой задачи.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А — 00892. Подписано к печати 3/V — 50 г. Изд. № 314. 5½ печ. л. Тираж 381 000. Заказ 1098. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

ГЛАВПАРФЮМЕР
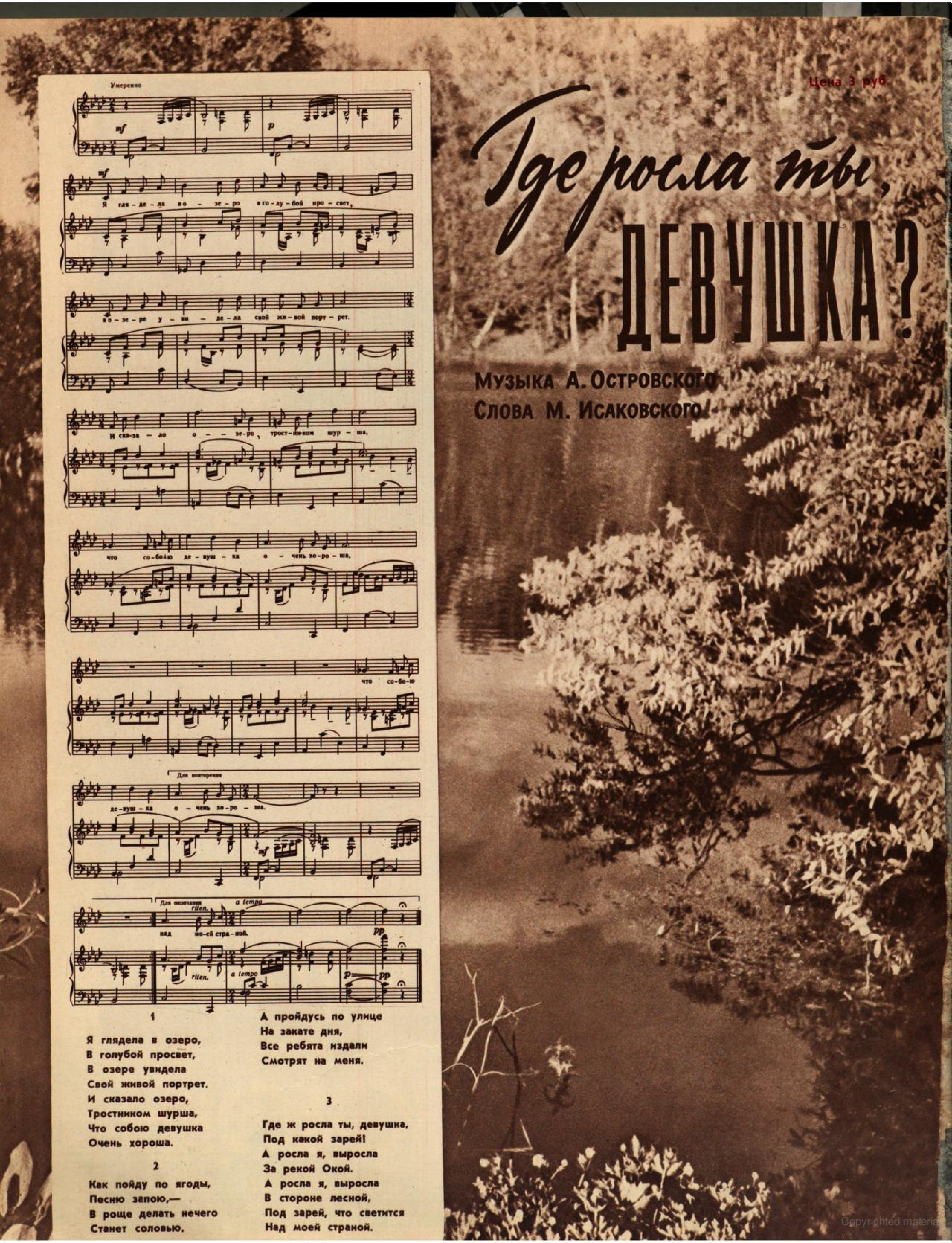
Покупайте

Цветочные

ДУХИ И ОДЕКОЛОНЫ

Цена 3 руб.
Где росла ты, ДЕВУШКА?
Музыка А. Островского
Слова М. Исаковского
Умеренно
1
Я глядела в озеро,
В голубой просвет,
В озере увидела
Свой живой портрет.
И сказало озеро,
Тростником шурша,
Что собою девушка
Очень хороша.
2
Как пойду по ягоды,
Песню запою,—
В роще делать нечего
Станет соловью.
А пройдусь по улице
На закате дня,
Все ребята издали
Смотрят на меня.
3
Где ж росла ты, девушка,
Под какой зарей!
А росла я, выросла
За рекой Окой.
А росла я, выросла
В стороне лесной,
Под зарей, что светится
Над моей страной.